

ISSN 2687-0126

PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

Дискурс профессиональной коммуникации

Special Issue
"Professional communication across cultures"

VOLUME 3 ISSUE 2
2021

Editor-in-Chief

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board

Aleksey N. Aleksakhin

MGIMO University, Moscow, Russia

Aleksandra G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Igor V. Chekulay

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

Antonina A. Kharkovskaya

Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoriya L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Oleg A. Radchenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

The Founder: MGIMO University

Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Professional Discourse & Communication is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

PDC specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

Главный редактор

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры
английского языка №4 МГИМО МИД России

Редакционная коллегия

Алексахин Алексей Николаевич

доктор филологических наук, профессор кафедры
китайского, вьетнамского, лаосского и тайского
языков МГИМО МИД России

Анисимова Александра Григорьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры
английского языкознания, Московский
университет имени М.В. Ломоносова

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой английской филологии, Ереванский
государственный университет, Армения

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой английской филологии,
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина

Клюканов Игорь Ангелевич

доктор филологических наук, профессор,
Восточный Вашингтонский университет, США

Красовская Нелли Александровна

доктор филологических наук, профессор
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого

Куеро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета
Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный
член Российской академии естественных наук,
профессор Пекинского университета
иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка №4,
МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой иностранных языков
экономического факультета, Российский
университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета,
Хельсинки университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка №4
МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор
института межкультурной коммуникации
и международных отношений, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и сравнительного
языкознания, Московский государственный
лингвистический университет

Синекопова Галина Васильевна	кандидат филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США
Харьковская Антонина Александровна	кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Чекулай Игорь Владимирович	доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

Contents

Editorial	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khranchenko	

Research paper

'Sorry, I Don't Want Them Here.' Migration in Slovak Political Discourse.	10
by Radoslav Štefančík, Andrej Kiner	
Literature as a Source of Metaphorical Modeling in Russian Media Discourse.	21
by Linda Krajčovičová	
Literary Discourse as a Cognitive Dialogue About «Language as the House of Spirit»	33
by Yuliya V. Mironova, Tamara I. Sokolskaya	
New Tasks of Translation Teachers: the Challenge of Mosaic Thinking.	43
by Vadim V. Sdobnikov	
The Theory of Ecotranslatology in the Development of Translation Skills of Chinese Students.	55
by Lilia G. Petrova, Sun Jikhao	
The Perception of Literary Discourse by Slovak Students.	67
by Andrea Grominová, Josef Dohnal	
Exploration of Poetic Texts by Foreign Students Within the Framework of Modern Poetic Discourse.	80
by Olesya V. Medukha	

Conference report

The Issues of Professional Communication (Report on the International Scientific and Practical Conference INTERLINGUA-2021)	93
by Marina S. Matytsina	

Contents

Слово главного редактора	7
Д.С. Храмченко	

Исследовательские статьи

«Вам здесь не рады».	
Иммиграция в словацком политическом дискурсе.....	10
Штефанчик Р., Кинер А.	
Литература как источник метафорического моделирования	
в российском медиадискурсе.....	21
Крайчовичова Л.	
Художественный дискурс как когнитивный диалог о «языке – доме духа» ...	33
Миронова Ю.В., Сокольская Т.И.	
Задачи преподавателей перевода в новых условиях.....	43
Сдобников В.В.	
Учёт теории экотранслятологии в обучении китайских студентов	
навыкам перевода.....	55
Петрова Л.Г., Чжихао Сун	
Восприятие дискурса художественных произведений в словацком вузе.	67
Андреа Громинова, Йосеф Догнал	
Изучение поэтических текстов с иностранными студентами	
в современном поэтическом дискурсе.	80
Медуха О.В.	

Новости научной жизни

Профессиональная коммуникация: современные проблемы	
(обзор Международной научно-практической конференции	
INTERLINGUA-2021 (г. Липецк, 18-19 мая 2021 г.))	94
Матыцина М.С.	

Welcome to Volume 3 Issue 2 of “Professional Discourse & Communication” – the comprehensive platform that brings together researchers in different areas of inquiry with the focus on linguistic aspects of professional interaction and practices of teaching languages for specific purposes. The editorial team has set a goal to create an international forum for both well-established scientists and new researchers, and now in collaboration with the Organizing Committee of the First International Scientific Conference “Interlingua-2021” the journal presents its first Special Issue on the theme of **“Professional communication across cultures”**.

This Issue presents a range of articles by authors from Russia and Slovakia, including research papers on different kinds of professionally-oriented institutional discourse, considered through the lens of cross-cultural cooperation: culturally tinged political communication, the discourse of mass media, literary and poetic discourse as reflected in the process of teaching foreign languages, problems of streamlining professional pedagogical activities while helping students adopt and even assimilate other cultures.

The authors of the selected articles cover an array of problematic areas of study, namely aggressively negative representation of migrants in manipulative political rhetoric; metaphorization of precedent names from literature in the description of high-profile political events in mass media; literary discourse as an embodiment of energy, spirit and soul of both language and the writer; adequate deciphering of the specific cultural codes of foreign literature to optimize students’ perception of literary discourse; teaching poetry as a non-linear approach to the study of foreign language and culture; ecotranslatology as a helpful means of teaching translation and cross-cultural communication; the mosaic thinking as an impediment to effective teaching translation to students and the formation of professional translator’s mentality.

The opening paper “*‘Sorry, I don’t want them here’. Migration in Slovak political discourse*” by Radoslav Štefančík and Andrej Kiner raises an important problem of biased representation of social groups, in this case – migrants, in political rhetoric, dominating in Slovakia. The authors analyze numerous speeches of prominent political figures to reveal the functional role of language means in shaping attitudes against migrants and creating stereotypes that may potentially have a negative effect not only on the national policies, but also the mentality of the country’s citizens. The article can be of interest to linguists, experts in political science and specialists in international affairs.

In “*Literature as a source of metaphorical modeling in Russian media discourse*” Linda Krajčovičová studies the functional loading of precedent names from literature in the media coverage of highly important international political events, such as Brexit. The author analyzes impressively extensive empirical material, comprising over 400 fragment of Russian media discourse to reveal the cognitive-discursive mechanism of metaphorization, which leads to desemanticization of intertextual elements and results in generation of cultural stereotypes. The results of the research, presented in the paper, indicate that intertextual means, especially allusions to British and less often European literary texts, can serve as a powerful tool of speech manipulation in the Russian press.

Yuliya Mironova and Tamara Sokolskaya in “*Literary discourse as a cognitive dialogue about ‘Language as the house of spirit’*” focus on the so-called internal life of

the literary text and base their research into the cognitive realm of literary discourse on the notions of energy, synergy, life, power, spirit and soul of the text. The concept of a poetic text, which is a verbal vessel for the dynamic semantics and the fusion of cultural elements, is thoroughly described and illustrated with carefully selected vivid empirical material. Blending somewhat philosophical, biological and physical methodological apparatus with linguistic analysis allows the authors to present an original multidimensional image of the discourse as an amalgam of language, minds, meanings, esthetics and culture, which can be of real practical value for those who teach literature, especially to non-native speakers.

Vadim Sdobnikov's "*New tasks of translation teachers: the challenge of mosaic thinking*" is devoted to the significant (and basically destructive) role mosaic thinking of students plays nowadays in the educational process. The author demonstrates that this phenomenon is a serious threat to the formation of professional translators' mentality and core professional competences of future interpreters. The paper overviews philosophical, psychological, pedagogical aspects of mosaic thinking and sums up prof. Sdobnikov's own personal experience of teaching translation to university students to come up with a strategic list of problems that need to be systemically solved to overcome this barrier to professional growth.

In "*The theory of ecotranslation in the development of translation skills of Chinese students*" Lilia Petrova and Sun Jikhao investigate into the phenomenon of the ecosystem of translation, which is understood as a complex interconnectedness of the original text, its language and the language of translation, activating the synergy of language, communication and culture on the one hand, and the cooperation of the author, readers, the translator – on the other. The authors of the paper conduct an experiment, involving more than 30 Chinese students to analyze the application of the theory of ecotranslation to the educational process and the development of professional competences of future translators from Russian into Chinese. Considering theoretical principles in teaching practice helps identify major difficulties students experience when working with literary texts, which gives an opportunity to train required skills, linguistic intuition and creativity in problem solving.

"*The perception of literary discourse by Slovak students*" by Andrea Grominová and Josef Dohnal deals with teaching Russian language and culture to Slovak students through the meticulous studies of literature. The authors argue that reflective, analytical approach to discourse in the classroom and deciphering cultural codes, hidden in the pragmasemantic space of written texts, can raise effectiveness of teaching Russian as a foreign language as well as make lessons more exciting, better motivating and overall more dynamic, enhancing students' communicative skills, professional competences and the ability to perceive fiction in a qualitatively new way.

A similar problem, but concerning poetry as a source of teaching material, is regarded in "*Exploration of poetic texts by foreign students within the framework of modern poetic discourse*". Olesya Medukha looks at the issues of distance learning and teaching Russian language and culture through the analysis of poetic texts with the help of unconventional methods, such as using Google Street View technology to provide students with important extralinguistic context for a better understanding of symbols, references, allusions and other culturally relevant clues to decode poetry.

At the end of this Special Issue Marina Matytsina presents a report on the First International Scientific Conference “Interlingua-2021” that brought together researchers and practitioners in linguistics, cross-cultural studies and education from different countries to reflect on the current trends and problematic areas in professional communication.

We hope our readers will enjoy the selection of papers chosen for the current issue of the journal. We really appreciate all the authors’ contribution and would like to thank them for the quality articles they submitted.

Editor-in-Chief
Dmitry S. Khramchenko

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-10-20>

‘SORRY, I DON’T WANT THEM HERE.’ MIGRATION IN SLOVAK POLITICAL DISCOURSE

Radoslav Štefančík

University of Economics in Bratislava (Slovakia)
radoslav.stefancik@euba.sk

Andrej Kiner

University of Economics in Bratislava (Slovakia)
andrej.kiner@euba.sk

Abstract: The issue of international migration in Slovakia was not a topic of public discussion until 2015. A major change in migration discourse can be observed only after the mass migratory processes in 2015, a few weeks before the Slovak parliamentary elections. Just before the elections, politicians had also noticed these processes, putting the spotlight on migration, which became a frequent priority topic of electoral campaigns for several weeks. Our aim with this paper is to answer a question of how Slovak politicians, who had ignored this topic for many years, dealt with the issue of international migration since 2015 and which aspect dominated the emerging migration discourse. We came to the conclusion that Slovak politicians tackled the issue almost uniformly, regardless of their ideological beliefs or coalition-opposition framework. Most politicians presented migration as a threat. In addition to the securitization of migration discourse, we also observe a gradual shift in the understanding of the term *migrant*. Until 2015, the naming of the particular actor of migration processes was generally understood to be neutral, yet since 2015 the term has acquired a strong negative connotation.

Key words: political discourse, migration, Slovakia, threat, semantic change.

How to cite this article: Radoslav Štefančík, Andrej Kiner (2021). ‘Sorry, I Don’t Want Them Here.’ Migration in Slovak Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 7-20. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-10-20>

1. INTRODUCTION

Until 1989, the Slovak Republic was considered a typical country of emigration. Economic, social, but especially political reasons were the most important pull factors of emigration from the then communist Czechoslovakia [Stojarová, 2019; Onufrák, 2020]. After the political and economic transformation in 1989, migration flows gradually began to change, but emigration still dominated. During this period, Slovakia did not yet provide enough push factors

for migrants, due to which they would decide to stay in Slovakia. In the 1990s, Slovakia had a problem with the consolidation of democracy, and its economy was held back for several years [Kucharčík & Řádek, 2012; Gbúrová, 2017]. The gradual change did not occur until the accession of the Slovak Republic to the European Union in May 2004. From traditionally emigrant, the state began to transform into a country of immigrants. Slovakia, with its right-wing parties at the head of the government, has undergone deep economic reforms, which generated not only economic growth or demand for labour. The economic reforms have also contributed to the growing number of economic migrants. A slight slowdown in migration flows did not occur until 2020, probably as a result of the global COVID-19 pandemic. At the end of 2020, 150,012 foreigners with a residence permit were registered in Slovakia, which represents less than 2.8 percent of the overall population.

Despite the gradually upward trend, migration remained outside the scope of main political discourse until 2015 [Letavajová & Divinský, 2019]. The preparation of migration policy was insufficient, and the Slovak asylum policy is thereby one of the strictest in EU countries [Brocková, 2019]. In 2015, Europe experienced an enormous increase in the number of migrants originating from North Africa and the Middle East to Western European countries [Lidák, 2016]. Although Slovakia was not affected by these migration inflows and migrants only transited the territory of the country, the topic of international migration has moved from the periphery to the centre of attention of the main political discourse in Slovakia [ÚHCP, 2021].

In Western European countries, we have observed various mobilizing and politicizing concepts, including humanitarianism, security, diversity, protectionism, that should either legitimize restrictions on immigration and asylum policy or, on the other hand, express the necessity for greater solidarity [Krzyzanowski, Triandafyllidou & Wodak, 2018]. Until 2015, international migration was not portrayed as a primary or marginal issue by Slovak politicians, therefore we will be interested in answering the question of how Slovak politicians have grasped this topic since 2015. The article presents how Slovak politicians viewed the actors of migration processes. In this regard, we seek to identify which aspects of migration processes they emphasized and at the same time which aspects were marginalized. We will also notice which issues of migration policy Slovak politicians have not discussed at all. We base our inference on the assumption that the issue of security was the primary objective of migration discourse, while the positions of the individual parties did not differ significantly and the topic of integration policy was absent in migration discourse. We will strive to identify what types of threats Slovak politicians articulate as the main ones.

2. LITERATURE REVIEW

The authors who deal with the political aspects of international migration pay their attention to the migration policy, which can be divided into three sub-policies: integration, immigration and asylum policy. Following this classification, the analogous internal division of migration discourse is suggested. The authors thus analyse the discourse concerning the relevant topics such as immigration, integration and asylum [Niehr, 2020]. The division of migration discourse into three subcategories does not exclude the possibility that other topics that do not completely fit into this scheme may become part of migration discourse. The topic of regulated return policy of migrants to the country of origin can serve as an example, but we can also include herein a discussion of what lexical means will be used to address particular actors of migratory flows (immigrants, asylum seekers, refugees, economic migrants, etc.). This component of migration discourse can be identified, for example, in Germany, where a discussion on the use of the term *Gastarbeiter* and

the gradual transformation of this term from positive to negative took place. Niehr [Niehr, 2020] identifies a similar quality of discourse even after 2015, since when discussions on the use of a suitable term to refer to actors of migratory flows have been still ongoing. At the centre of migration discourse are people who are generally perceived as migrants; today, these groups include economic migrants, their family members, as well as asylum seekers [Niehr, 2020]. The discursive debate focuses on groups of migrants who are ordinarily attributed common appellations in migration discourse, such as refugees, economic migrants, asylum seekers, etc., and the usage of these commonly used terms might often lead to linguistically critical situations.

In addition to the above-mentioned areas in the research of migration discourse, we also identify studies concerning metaphors on migration [Moullagaliev & Khismatullina, 2017; Arcimaviciene & Baglama, 2018], views of specific political actors, such as right-wing extremists, on migration [Wodak, 2016; Štefančík & Hvasta, 2019], as well as research of discourse on selected groups of actors in migration processes, such as economic migrants [Bilan, 2014], or case studies concerning a specific country [Cingerová, 2018].

As we noted above, migration discourse can be understood as part of political discourse. T. van Dijk [van Dijk, 2018] emphasizes that migration discourse is not always only about international migration but can also be an essential part of migration as a phenomenon. Current discourse studies point out that discourse is not only a form of language use, but also a form of social and political (inter)action. “Migration as a social phenomenon not only consists of (groups of) participants, institutions, many types of social and political (inter)action, but also, quite prominently, of many genres of migration discourse as social and political acts and interaction” [van Dijk, 2018, p. 230].

3. METHODOLOGY

We share the opinion of the Slovak political linguist Irina Dulebová who claims that “political discourse reflects the struggle for power, and this is the decisive moment for the choice of a communication procedure, the aim of which is always the need to influence the intellectual, volitional and emotional sphere of the addressee” [Dulebová, 2012]. It is therefore natural that the study of political discourse focuses on a wide range of diverse topics and uses a whole range of analytical methods. We are interested in answering the presented questions in the context of the Slovak migration discourse through political discourse analysis. As van Dijk [van Dijk, 1997] points out, the critical-political analysis of discourse deals mainly with the reproduction of political power, abuse of power or domination through political discourse, including various forms of resistance. According to this author, there are at least two categories of methods in migration discourse research: quantitative and qualitative ones [van Dijk, 2018]. T. van Dijk considers, for example, corpus-linguistic methods to study vast text corpora among quantitative methods. One of the methods of quantitative content analysis is to track certain elements of the texts and compare their frequency with the occurrence of the other elements [Mayring, 2010]. In this paper we will opt for a qualitative method of content analysis of political texts. Although the object of content analysis can be different types of symbols [Berelson, 1952], in our text we focus on verbal symbols, i.e. language. As van Dijk [van Dijk, 2018] accentuates, there are several ways of qualitative analysis of migration discourse. We can examine only one aspect of discourse, such as the use of certain means of expression (metaphors, euphemisms, superlatives etc.), or we can focus on the way of argumentation. We can further analyse political communication strategies according to the needs, goals or participants of communication by choosing phonetic, prosodic, morphological, syntactic,

stylistic and especially lexical means [Spišiaková, 2017]. The object of our analysis is the political contents of the communication of Slovak politicians who commented on the topic of international migration. We analyse the means of expression and arguments used by Slovak politicians within their communication strategies on the given topic.

The following section presents the analysis of the statements of Slovak politicians from relevant political parties on topics related to the processes of international migration. In the article, we quote politicians from the following political parties (in parentheses, we state the ideological direction of the party): Smer-SD (social democrats), SaS (liberals), SNS (national conservatives), ĽSNS (right-wing extremists). The analysed corpus includes statements of holders of political functions (deputies, ministers, president, etc.), which were published in the press, on social networks, or were uttered in plenary talks of the Slovak parliament during the debate. Parliamentary texts are available in the digital archive of the National Council of the Slovak Republic. In the present analysis, we have included texts published after 2015 (as more migration inflows are registered) up to the present.

4. RESULTS AND DISCUSSION

Although van Dijk argues that not only politicians, but also non-political actors can be included in the category of the political discourse actors [van Dijk, 1997], we, in the following section, primarily focus on the holders of political functions. Based on the analysed texts, we state that Slovak politicians are willing to agree on international migration, regardless of their party affiliation, ideological inclination, or whether they belong to coalition or opposition. Politicians manage to agree on issues related to migration in spite of the fact that strong tensions between government and opposition parties are manifestly part of the Slovak political culture. Since 2015, the main actors in migration discourse have been mainly leading representatives of parliamentary parties, as well as right-wing extremists, who did not hold any seats in the Slovak Parliament until 2016 (it cannot be ruled out that it was probably due to their active anti-immigration rhetoric).

The analysis of the statements of Slovak politicians in the period between 2015 and 2020 shows their interest in presenting primarily the security aspect of migration. Many Slovak politicians, regardless of their ideological background, see international migration as a threat. We can further structure this threat into four dimensions: personal, political, economic and cultural. We will find similar attitudes among right-wing extremists and social democrats or liberals.

In the first – personal – dimension migration is presented as a possible threat to health or directly to the life of domestic society. Some Slovak politicians present migrants as potential terrorists who pose a serious risk to the health and lives of the inhabitants of the national territory. Migrants are also presented as carriers of non-native diseases. The security risk arises from the fact that national security services are not able to verify the identity of all actors in mass migration flows.

– Robert Fico (Smer-SD): *The truth is that, except the Norwegian case where Breivik fired a huge number of people, it is almost always Muslims who is behind terrorist attacks* [Fico, 2015].

– Marian Kotleba (ĽSNS): *Immigrants do not belong here. People really do not want them and they are afraid of them. We will not allow any Mujahideen to come here* [NR SR, 2018].

– Natália Grausová (ĽSNS): *Crime, terrorism, suppression of the indigenous population and culture are features of migration* [NR SR, 2018].

In the second dimension, migrants are presented as a factor threatening state sovereignty. This dimension is subject to the creation of a common immigration policy of the European Union or is related to the proposal to introduce mandatory quotas for the redistribution of migrants among the Member States of the European Union (the EU). The EU wishes to impose quotas on their member states, whereas Slovakia is losing a significant part of its own state sovereignty as quotas are contrary to the country's national interest.

– *Robert Fico (Smer-SD): We continue to reject quotas, the EU cannot punish us for disagreeing* [Úrad vlády SR, 2015].

– *Robert Kaliňák (Smer-SD): If we are forced to impose quotas, it is not right, it is the Brussels dictate* [TASR, 2015].

In the third – economic – dimension migrants present a threat to the domestic labour market or are perceived as a threat to the stability of the social assistance system. Some politicians refer to migrants as people from poor countries who have migrated to Europe in order to benefit from generous social assistance. Especially in the countries of Western Europe, either illegal employment of third-country nationals or the so-called “benefit tourism” [Verschueren, 2014] is a common phenomenon. Some Slovak politicians also associate migrants with cheap workforce, which may jeopardize the employment rate of members of the domestic society.

– *Natália Grausová (LSNS): The others are not refugees. These are, for example, economic migrants, which means people who do not want to adapt to the new environment and just want to use help, or people who may even be criminals fleeing from justice* [NR SR, 2018].

Eventually, in the last – cultural – dimension, many Slovak politicians present migrants as bearers of different cultures, traditions and, last but not least, religion. Muslims whose culture and religious traditions are not compatible with and differ from the Christian character of Slovakia, are presented by many politicians as people who are not welcome in Slovakia because their cultural and religious traditions are not compatible with Slovak culture.

– *Richard Sulík (SaS): I do not want to live in a society where more Muslim children are born as non-Muslim* [Folentová, 2016].

– *Robert Fico (Smer-SD): We have to prevent the emergence of a compact Muslim community in Slovakia* [Rohac, 2016].

– *Richard Sulík (SaS): Islam is not compatible with our culture* [Šimečka, 2017].

Part of the migration discourse in Slovakia was the semantic shift of the term *migrants*, or *migration*. Until 2015, this word was generally used in Slovakia as a value-neutral term. Since the migration situation in 2015, the content of the term *migration* has begun to change. Politicians called for a strict distinction between the terms *refugee* and *economic migrant*. Several Slovak politicians labelled a large part of the refugees from the migration situation in 2015 and 2016 as economic migrants, in other words, migrants who have safe living environment at home, with the reason for their arrival in Europe being purely economic. However, with this semantic drift, the new term “*economic migration*” took on a negative implication, although until 2015, economic migration was generally perceived as a neutral phenomenon.

– *Robert Fico (Smer-SD): We must make a strict distinction between political refugees and economic migrants. Economic migrants should be sent uncompromisingly back to their countries of origin. On the contrary, refugees who fled the war will receive our help* [Robert Fico, 2015].

Within the Slovak migration discourse, there even emerged an opinion that the word *migrant* cannot be used to describe Slovaks who emigrated from Slovakia to the countries of Western Europe or the USA. The unwillingness to label emigrant Slovaks as migrant underlined some politicians' negative view on migration. This attitude emerges despite the fact that until recently Slovakia was a typical country of emigration.

– *Natália Grausová (ĽSNS): It is an unethical and immoral demagoguery to label Slovak citizens working in the European Union as migrants. Scholars, brains, qualified people are leaving Slovakia. It is an unethical, immoral lie that will put Slovak citizens leaving Slovakia on the same level as migrants from Africa* [NR SR, 2018].

Following the example of migration discourse in Germany, Thomas Niehr [Niehr, 2020] also observes a specific use of metaphors to dehumanize actors involved in migration processes. In this context, Niehr speaks primarily of water-metaphors (*flood, wave, flow*). Manifestations associated with the attempt to dehumanize the actors of migration processes are also observed in the context of the Slovak migration discourse. At the same time, such discursive strategy is not observed only among right-wing extremists, for whom the dehumanization of foreign groups is a distinctive feature of political communication [Smolík, 2013], but it can also be identified within political parties from the democratic centre. In addition to Niehr, there are other authors, such as L. Arcimaviciene, S.H. Baglama [Arcimaviciene & Baglama, 2018], N. Moullagaliev, L. Khismatullina [Moullagaliev & Khismatullina, 2017] who observe the frequent use of metaphors in the context of migration discourse. However, in the case of the Slovak migration discourse, the metaphor of war appears more often. Metaphors help to understand the abstract world of politics with clearer examples of everyday life.

As Tatiana Grigorjanová claims “metaphor in contemporary linguistics is understood not only as a phenomenon of language, but also of thinking and acting. It's not just a simple transfer of a denomination from one object to another, but a complex process of conceptualizing reality through experience and knowledge” [Grigorjanová, 2017, p. 151]. Metaphor bears a rich pragmatic potential in political discourse, i.e. the ability to influence the recipient and to establish a certain type of decision and political behaviour [Dulebová, 2010]. The use of metaphors in political communication is part of a discursive strategy that is highly ideological, historically and cognitively anchored and reinforced through mediation. Metaphors are linguistic means of open or hidden meaning that are used by political and media actors as a discursive practice with a defined strategic goal [Cammaerts, 2012]. Slovak politicians usually express the metaphor of war in the context of migration discourse through expressions from the military vocabulary (*war; to fight, to defend, to wage war; to fight to the last drop of blood, to be in the front line, to attack, terrorists, genocide*). We identify this communication strategy especially among right-wing extremists, but it is also used by politicians from the democratic centre.

– *Andrej Danko (SNS): Large groups of migrants should not settle down in our country. They disrupt the EU's administrative system and are a security threat. It doesn't matter that they are unarmed, it is a mass invasion* [TASR, 2016].

– *Richard Sulík (SaS): The influx of refugees has turned into an invasion in the last two weeks* [Sulík, 2015].

The military vocabulary occurs in Slovak migration discourse not only in the form of metaphors, but also in the plain-spoken way to reflect the migration situation.

– *Lubomír Galko (SaS): The deployment of the army to protect the borders of the European Union must not be a taboo. Smugglers' boats must be uncompromisingly sunk or somehow destroyed* [NR SR, 2015].

Based on the analysis of primary sources the conclusion can be made that migration discourse in Slovakia is not politically correct and often verges on the so-called “new racism,” which is shown in more subtle and indirect formal expressions and can be presented openly in formal settings by criticizing cultural difference of others [Leach, 2005]. We observe political correctness as a linguistic phenomenon largely in Western societies [Matytcina & Grigorjanová, 2018], but it is very little discussed in Slovakia. Politicians openly express their negative attitudes towards migrants, and this does not concern only right-wing extremists, but also politicians from a liberal background:

– *Lubomír Galko (SaS): Sorry, I don't want them here. Chew me out, but I don't want people of this different culture in Slovakia* [Folentová, 2016].

In addition to the aforementioned manifestations, there is another significant point typical of the Slovak migration discourse, namely the absence of discussion on integration policy. While in typical immigration countries this topic is a natural part of migration discourse [Goodman, 2010; van Dijk, 2018], this kind of discussion is still insufficient in Slovakia. In most cases, academics are involved in integration discourse, but politicians lack initiative in this regard. The possible motive for this may be the securitization of migration discourse. For this reason, they avoid a discussion on such a topic and practically repeat the mistakes of those countries that failed to recognise their immigration status for many years, even though the number of migrants among them has been gradually growing from year to year.

5. CONCLUSION

Based on the above, we state that migration discourse has evolved as part of Slovak political discourse only since 2015. It was that particular year (in the context of mass migration processes on the European continent) that international migration launched a debate in Slovakia as well. As politicians emphasized mainly the adverse aspects of migration in the public discussion, the term *migration* took on a negative connotation, which was subsequently reflected in the extremely dismissive reactions of the Slovak citizens [Orgoňová & Bohunická, 2016]. This semantic shift occurred despite the fact that many successful migrants live in Slovak society. They are well integrated in Slovakia, they speak the Slovak language, or they publicly emphasize pride in the acquired citizenship. One and well-known example is Anastazia Kuzminova, a successful sportswoman, a representative of the Slovak Republic in biathlon, originally from Russia. However, political statements suggest that politicians do not take this type of migrant into account. On the contrary, they associate the term migrant with the penetration of new, unknown and contradictory values

and traditions into the Slovak society, which may not be compatible with the traditions of the citizens. However, this perspective of thinking subsequently leads to the creation of misconceptions about *international migration* as a lexical expression. This type of thinking leads to the creation of stereotypes, which can have negative effects on the creation of migration integration policy, or specifically on the process of integrating immigrants into the society. At this point we can state that the nature and tenor of discourse can directly affect social reality, attitudes of the mainstream society, as well as the ability and willingness of migrants to accept cultural and social patterns of domestic society, and subsequently the overall result of the integration process.

Acknowledgements

This paper was supported by the Grant Agency VEGA No. 1/0344/20 Language of Right-Wing Extremism. A View of Political Linguistics.

Conflict of Interest

The authors declare that they have no conflict of interest

REFERENCES

1. Arcimaviciene, L. & Baglama, S. H. (2018). Migration, Metaphor and Myth in Media Representations: the Ideological Dichotomy of “Them” and “Us”. *SAGE Open*, 8 (2), 1-13. doi: 10.1177/2158244018768657.
2. Berelson, B. (1952). *Content Analysis in Communication Research*. Glencoe: Free Press.
3. Bilan, Y. (2014). About Migration of Ukraine’s Population: Scientific and Public Discourse. *Transformations in Business & Economics*, 13 (1), 196–208.
4. Brocková, K. (2019). Reforma Spoločného európskeho azylového systému vs. aktuálny vývoj v azylovej politike vybraných štátov Európskej únie [Reform of the Common European Asylum System vs. Current developments in the asylum policy of selected states of the European Union]. In Cibul’a, A. et al. (Ed.), *Ekonomické, politické a právne otázky medzi národných vzťahov 2019 [Economic, political and legal issues of international relations 2019]* (pp. 47–54). Bratislava: EKONÓM (in Slovak).
5. Cammaerts, B. (2012). The Strategic Use of Metaphors by Political and Media Elites: the 2007-11 Belgian Constitutional Crisis. *International Journal of Media & Cultural Politics*, 8 (2/3), 229–249.
6. Cingerová, N. (2018). Nominačné stratégie v súčasnom ruskom diskurze o emigrácii [Nomination strategies in contemporary Russian public discourse of emigration]. In Štefančík, R. (Ed.). *Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie III [Language and politics. Between linguistics and political science]* (pp. 218–223), Bratislava: EKONÓM (in Slovak).
7. Dijk, T. A. van (1997). What is Political Discourse Analysis. *Belgian Journal of Linguistics*, 11 (1), 11–52. doi: 10.1075/bjl.11.03dij.
8. Dijk, T. A. van (2018). Discourse and Migration. In Zapata-Barrero, R. & Yalaz, E. (Eds.). *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Cham: Springer.
9. Dulebová, I. (2010). Svetová kríza a metofora v ruskom a slovenskom politickom diskurze [World crisis and metaphor in Russian and Slovak politics]. *Nováfilologická revue*, 2(4), 66–75 (in Slovak).
10. Dulebová, I. (2012). Politický diskurz ako object lingvistického výskumu [Political discourse as an object of linguistic research]. *Jazyk a kultúra*, 3 (9). Retrieved from <https://www.ff.unipo.sk/jak/cislo9.html> (accessed: 15 February, 2021) (in Slovak).

11. Fico, R. (2015). *Problém s migrantmi treba riešiť tam, kde vzniká* [The problem of migrants needs to be addressed where it arises]. Retrieved from <https://www.vlada.gov.sk//robert-fico-problem-s-migrantmi-treba-riesit-tam-kde-vznika/> (accessed: 15 May, 2021) (in Slovak).
12. Folentová, V. (2016). SaS ide do volieb rozpoltená [SaS goes to the polls divided]. *Denník N*. Retrieved from <https://dennikn.sk/372555/bilbordoch-reformy-mitingoch-utecenci-sas-ide-do-volieb-rozpoltena/?ref=tit> (accessed: 15 May, 2021) (in Slovak).
13. Gbúrová, M. (2017). On the Issues of Deformation of Democracy in Slovakia after the Year 1993. In Mihálik, J. (Ed.), *Annual Conference Faculty of Social Sciences UCM Trnava: Political Science and European Studies* (pp. 7-18). Trnava: UCM.
14. Goodman, S. W. (2010). Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36 (5), 753–772. doi: 10.1080/13691831003764300.
15. Grigorjanová, T. (2017). Metafora v politicko-ekonomickom diskurze [Metaphor in political-economic discourse]. In Štefančík, R. (Ed.). *Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie II* [Language and politics. Between linguistics and political science II] (pp. 150–159). Bratislava: EKONÓM (in Slovak).
16. Krzyzanowski, M., Triandafyllidou, A. & Wodak, R. (2018). The Mediatization and the Politicization of the “Refugee Crisis” in Europe. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 16 (1-2), 1-14. doi: 10.1080/15562948.2017.1353189.
17. Kucharčík, R. & Řádek, M. (2012). Politické strany a vývoj stranického systému na Slovensku od roku 1992 [Political parties and the development of the party system in Slovakia since 1992]. In Štrauss, D. (Ed.). *Voľby 2012* [Elections 2012] (pp. 228-247). Trenčín: Transparentnosť (in Slovak).
18. Leach, C. W. (2005). Against the Notion of a ‘New Racism’. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 15, 432–435. doi: 10.1002/casp.841.
19. Letavajová, S. & Divinský, B. (2019). *Common Home Publication. Migration and development in Slovakia*. Bratislava, Caritas Slovakia.
20. Liďák, J. (2016). International Migration from Asia and Africa – Issues and Challenges for Europe. *Asian and African Studies*, 25 (2), 231–248.
21. Matytcina, M. & Grigorjanová, T. (2018). Osobitosti prekladu politicky korektných eufemizmov [Politically correct euphemisms and their translation peculiarities]. In Štefančík, R. (Ed.). *Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie III* [Language and politics. Between linguistics and political science III] (pp. 389–396). Bratislava: EKONÓM (in Slovak).
22. Mayring, P. (2010). *Qualitative inhaltsanalyse grundlagen und techniken* [Qualitative content analysis. Basics and techniques]. Weinheim and Basel: Beltz Verlag (in German).
23. Moullagaliev, N., & Khismatullina, L. (2017). Metaphors in Media Discourse on Migration. *Journal of History Culture and Art Research*, 6 (5), 131–138. doi: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v6i5.1242>.
24. Niehr T. (2020). Migrations diskurs [Migration discourse]. In Niehr, T., Kilian, J. & Schiewe, J. (Eds). *Handbuch sprachkritik* [Language criticism] (pp. 225–232). Stuttgart: J. B. Metzler (in German).
25. NR SR (2015). Meeting of the National Council of the Slovak Republic, 24 June 2015. Spoločná Česko-Slovenská Digitálna parlamentná knižnica, Archív [Czech-Slovak digital parliamentary library, Archives]. Retrieved from <https://www.nrsr.sk/dl> (accessed: 15 February, 2021).
26. NR SR (2018). Meeting of the National Council of the Slovak Republic, 28 November 2018. Spoločná Česko-Slovenská Digitálna parlamentná knižnica, Archív [Czech-Slovak digital parliamentary library, Archives]. Retrieved from <https://www.nrsr.sk/dl> (accessed: 15 February, 2021).

27. Onufrák, A. (2020). Migrácia v Európe po druhej svetovej vojne v kontexte európskej integrácie [Migration in Europe after the Second World War in the context of European integration]. In Šutaj, Š. (Ed.). *Zmeny hraníc a pohyby bytovateľstva v Európe po druhej svetovej vojne [Border changes and population movements in Europe after the Second World War]* (s. 40–60) Košice: UPJŠ (in Slovak).
28. Orgoňová, O. & Bohunická, A. (2016). Imigrácia ako predmet xenoslovakistiky a kritickéj analýzy diskurzu na Slovensku [Immigration as a subject of xenoslovak studies and of critical discourse analysis in Slovakia]. In Štefančík, R. (Ed.). *Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie [Language and politics. Between linguistics and political science]* (pp. 79–93). Bratislava: EKONÓM (in Slovak).
29. Roháč, D. (2016). Vote Here for Cronyism, against Liberal Democracy. *Politico*, February 29, 2016. Retrieved from <https://www.politico.eu/article/slovakia-election-robert-fico-visegrad-orban/> (accessed: 24 March, 2021).
30. Smolík, J. (2013). Krajnopravicové politické strany v zemích V4: historie a současnost [Right-wing political parties in V4 countries: history and today]. *Sociológia*, 45 (4), 385–410 (in Slovak).
31. Spišáková, M. (2017). Obraznosť v jazyku politikov a v jazyku o politike [Figurativeness in the language of politicians and in the language of politics]. In Štefančík, R. (Ed.). *Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie II [Language and politics. Between linguistics and political science II]* (pp. 171–181). Bratislava: EKONÓM (in Slovak).
32. Stojarová, V. (2019). Migration Policies of the Czech and Slovak Republics since 1989. Restrictive, Liberal, Integrative or Circular? *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 56E, 97–114. doi: 10.24193/tras.56E.6.
33. Sulík, R. (2015). *Invázia migrantov [Migrant invasion]*. Retrieved from https://sulik.sk/invazia-migrantov/?doing_wp_cron=1621155703.8401260375976562500000 (accessed: 16 May, 2021) (in Slovak).
34. Šimečka, M. M. (2017). Richard Sulík: Áno, som slovenský nacionalista [Richard Sulík: Yes, I am a Slovak nationalist]. *Denník N*. Retrieved from <https://dennikn.sk/688253/richard-sulik-sas-som-slovensky-nacionalista-rozhovor> (accessed: 15 May, 2021) (in Slovak).
35. Štefančík, R. & Hvasta, M. (2019). *Jazyk pravicového extrémizmu [The language of right-wing extremism]*. Bratislava: EKONÓM (in Slovak).
36. TASR (2015). *So sýrskymi kresťanmi robíme pohovory a privezieme ich sem [We interview Syrian Christians and we bring them here]*. Retrieved from https://www.markiza.sk/spravy/domace/1804828_kalinak-so-syrskymi-krestanmi-robime-pohovory-a-privezieme-ich-sem (accessed: 24 March, 2021) (in Slovak).
37. TASR (2016). Šéf SNS Danko: Veľké skupiny moslimov by sa u nás nemali usadiť! [SNS-Leader Danko: Large groups of muslims should not settle in our country!]. *Plus 1 deň*. Retrieved from <http://www.pluska.sk/-spravy/z-domova/sef-sns-danko-velke-skupiny-moslimov-nas-nemali-usadit.html> (accessed: 15 May, 2021) (in Slovak).
38. ÚHCP –Bureau of Border and Foreign Police (2020). *Azyl a migrácia. Štatistika [Asylum and migration. Statistics]*. Bratislava: Ministerstvo vnútra SR. Retrieved from <https://www.minv.sk/?statistiky-20> (accessed: 24 March, 2021) (in Slovak).
39. Úrad vlády SR (2015). *Povinné kvóty naďalej odmietame, EÚ nás nemôže trestať za odlišný názor [We reject mandatory quotas; the EU cannot punish us for disagreeing]*. Retrieved from <https://www.vlada.gov.sk/robert-fico-povinne-kvoty-nadalej-odmietame-eu-nas-nemoze-trestat-za-odlisny-nazor/> (accessed: 24 March, 2021) (in Slovak).
40. Verschueren, Herwig (2014). Free Movement or Benefit Tourism: the Unreasonable Burden of Brey. *European Journal of Migration and Law*, 16 (2), 147–179. doi:10.1163/15718166-12342052.

41. Wodak, R. (2016). *Politik mit der Angst. Zur Wirkung rechtspopulistischer diskurse [The Politics of fear. What right-wing populist discourses mean]*. Wien, Hamburg: Edition Konturen (in German).

About the authors:

Radoslav Štefančík is doc. PhDr., MPol., Ph.D, Dean of the Faculty of Applied Languages at the University of Economics in Bratislava (Slovakia)

Andrej Kiner is a PhD student in the Department of International Economic Relations and Economic Diplomacy at the Faculty of International Relations at the University of Economics in Bratislava (Slovakia)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-21-32>

ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Линда Крайчовичова

Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словакия)

lindakrajco@gmail.com

Аннотация: Цель настоящей статьи заключается в анализе принципов и способов использования прецедентной семантики литературных онимов в процессе метафоризации резонансного международного события Брексит в современном (2016–2021 гг.) русскоязычном медиадискурсе. Исследовательским материалом послужил медийный дискурс, из которого были отобраны фрагменты онлайн-версий различных по жанровой принадлежности и общественно-политическому направлению русскоязычных газетно-публицистических текстов. Кроме того, источником эмпирического материала исследования выступили газетный подкорпус национального корпуса русского языка, а также русскоязычные подкорпусы международных баз данных Eastview и Aranea. Для реализации главной цели исследования использовались метод сплошной выборки, методы корпусной лингвистики, методика контент-анализа, а также нарративный и контекстуальный анализ (фрагментов медиадискурса), лингвокультурологический анализ текстов, приемы концептуального анализа и интерпретации. Благодаря применению методов корпусной лингвистики было собрано и проанализировано более 400 контекстных реализаций случаев употребления прецедентных имен в коннотативном метафорическом значении (в связи с Брекситом), причем в статье представлены лишь наиболее выразительные и чаще всего встречающиеся примеры метафоризации прецедентных имен при описании дискурсивного события Брексит. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в процесс метафоризации данного события вовлекались преимущественно универсально-прецедентные феномены (главным образом английской литературы, но также и литературы европейской), прецедентные феномены русской литературы встречались крайне редко. В результате проведенного исследования автор делает вывод о том, что прецедентные имена в процессе метафоризации весьма сильно подвержены процессу десемантизации (упрощения значения) и становятся своеобразными культурными стереотипами. Находит подтверждение исходная гипотеза автора о том, что интертекстуальность российского медиадискурса имеет ярко выраженный литературоцентричный характер.

Ключевые слова: медиадискурс, Брексит, метафора, прецедентные феномены, литературные онимы.

Для цитирования: Крайчовичова Л. (2021). Литература как источник метафорического моделирования в российском медиадискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(2), С. 21-32. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-21-32>

1. ВВЕДЕНИЕ

Перенасыщенность современного российского медиадискурса метафорами, которые, как известно, служат не только орудием мышления, но и механизмом порождения новых смыслов, сегодня подчеркивают многие специалисты. С точки зрения Т. Г. Добросклонской, метафора как стилистический прием, употребляемый в косвенном значении, предоставляет возможность «углубить содержание медийных текстов путем вовлечения запоминающихся оценочных, часто особых для культуры образов» [Добросклонская, 2014, с. 138]. Такими особыми для культуры образами могут выступать и прецедентные феномены (тексты, ситуации, выражения, имена), причем именно прецедентные имена (далее ПИ) являются своеобразным ядром категории прецедентности, активно актуализируя прецедентные тексты, высказывания и ситуации. Под ПИ в нашем исследовании мы понимаем имена авторов и персонажей, названия литературных произведений, литературных топонимов и ситуативные номинации.

Мы остановимся более подробно на анализе потенциала и функций литературных онимов в процессе метафоризации резонансного международного события Брексит в современных русскоязычных СМИ. Особо нас будет интересовать вопрос соотношения национально-прецедентных и универсально-прецедентных литературных ПИ, поскольку наблюдения многих специалистов указывают не только на литературоцентричный характер интертекстуальности российского медиадискурса, но и на тенденцию преобладания в нем национально-прецедентных (русских) имен над универсально-прецедентными именами [Dulebova, 2018, с. 248]. Будет интересно проследить, повлияет ли на данную тенденцию тот факт, что дискурсивное событие *Брексит* является международным, и будут ли авторы медиатекстов более тяготеть к обращению к лингвокультурным кодам собственной (русской) или все-таки английской (и шире зарубежной) литературы в процессе его метафоризации.

2. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследование процессов метафорического моделирования сегодня необычайно популярно во многих научных дисциплинах и довольно часто междисциплинарно по своему характеру, реализуясь преимущественно в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, стилистике, медиалингвистике, политической лингвистике, метафорологии, семиотике и т. д. В области теории прецедентности данную тему рассматривают исследования российских авторов В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, Ю.Н. Караулова, Е.А. Кубряковой, Е.А. Нахимовой [Нахимова, 2007; Захаренко et al. 1997], в области когнитивной лингвистики труды В.Е. Чернявской, З.Д. Поповой, И. А. Стернина [Попова, Стернин, 2007], в области лингвокультурологии – В.А. Масловой, В. В. Воробьева, Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2002] и др. Механизмы функционирования концептуальной метафоры и ономастических метафор разработаны прежде всего в работах Дж. Лакоффа, М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], М. Тернера, Н.Д. Арутюновой и др. В более широком смысле, припони-мании интертекстуальности как частой отправной точки метафорического моделирования, данная тема рассматривается в трудах О.С. Ахмановой, А.Д. Васильева, Ю. Кристевой, М.М. Бахтина, А.Е. Супруна, Ж. Женетта, О.В. Хорохординой [Хорохордина, 2006]. Анализ особенностей медиального и политического дискурса в аспекте метафоризации и

прецедентности представлен во многих публикациях А.П. Чудинова [см. Чудинов, 2013], Т. Г. Добросклонской, Л. Р. Дускаевой, Ю.Е. Прохорова, Э. В. Будаева, А. Н. Баранова и многих других.

Словацкая лингвистическая школа в последние годы также вносит свой вклад в исследования прецедентных феноменов, причем не только в теоретическом лингвокультурном, но также и в прикладном лингводидактическом, межкультурном и переводоведческом аспекте, здесь в первую очередь стоит вспомнить исследования Й. Сипко, И. Дулебовой, Н. Цингеровой, О. Ермачковой, М. Вазановой, А. Загорака, Н. Мертовой, П. Адамки, К. Грчковой, Л. Гузи, Е. Калечиц, Я. Галло [Zahorák 2019; Калечиц 2020; Gallo 2018; Hřčková 2017; Ермачкова 2020; Вазанова 2007; Cingerová, Dulebová 2019]. В общем и целом исследователи констатируют, что «хотя в Словакии контент-анализ политического и медиального дискурса пока отсутствует, зато набирают динамику критический и риторический анализы, все более популярными становятся когнитивные и лингвокультурные исследования дискурса СМИ, и в связи с этим развивается и теория прецедентности и метафорологические исследования» [Дулебова, 2018, с. 171].

3. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследовательским материалом послужил медийный дискурс, из которого в качестве непосредственных объектов анализа были отобраны фрагменты онлайн-версий различных по жанровой принадлежности и общественно-политическому направлению русскоязычных газетно-публицистических текстов. Кроме того, материал для нашего исследования мы черпали и в газетном подкорпусе национального корпуса русского языка, а также в русскоязычных подкорпусах международных баз данных Eastview и Aranea. Для лучшей ориентации в сложном мире российского медиадискурса мы использовали и материалы со страницы компании *Медialogия*, являющейся в РФ лидером в мониторинге и анализе эффективности коммуникаций СМИ и соцсетей [<https://www.mlg.ru/ratings/media/>].

Необходимо подчеркнуть, что современная лингвистическая наука отличается междисциплинарным подходом, в рамках которого для изучения языковых явлений часто задействуются принципы и методы смежных дисциплин. Для реализации главной цели исследования (анализа принципов и способов использования прецедентной семантики онимов в процессе метафоризации) мы использовали метод сплошной выборки, методы корпусной лингвистики, методику контент-анализа, компонентный анализ. При обработке найденных материалов использовались преимущественно дескриптивный (описательный), а также сопоставительный методы анализа. Важен был и метод структурно-функциональный (предполагающий разделение исследуемого факта культуры на части и выявление связей между ними), нарративный и контекстуальный анализ (фрагментов медиадискурса), лингвокультурологический анализ текстов, приемы концептуального анализа и интерпретации.

Благодаря применению методов корпусной лингвистики было собрано и проанализировано более 400 контекстных реализаций случаев употребления ПИ в коннотативном метафорическом значении (в связи с Брекситом). Хронологические рамки исследования ограничены периодом медиального резонанса Брексита (2016–2021 гг.). Исследуемый корпус имел значительный объем, но размеры статьи позволяют представить лишь основные результаты нашего анализа, привести наиболее выразительные и чаще всего встречающиеся примеры метафоризации ПИ при описании дискурсивного события Брексит.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В нашем анализе мы рассматриваем ПИ как «базовый элемент когнитивной базы лингвокультурного сообщества, как средство выхода на другие прецедентные феномены в коммуникации. Специфика их использования предполагает, что человек с его знаниями, опытом, эмоциями сознательно и бессознательно способен переносить характерный признак имени на какой-либо объект или явление действительности при наименовании, что делает данный процесс метафорическим по своей сути. В случае ПИ этот признак является основанием для «развертывания» целой предметно-чувственной области (например, может выводиться от имени к прецедентной ситуации или прецедентному тексту)» [Попадинец, 2017, с. 94]. В этом смысле ПИ может рассматриваться как свернутая метафора, которая, будучи в литературоцентричном российском обществе легко узнаваемой, несет сильные контекстуализированные эмоциональные коннотации и эффективно передает прагматический подтекст.

4.1. Универсально-прецедентные имена в процессе метафорического моделирования

Весьма показателен в данном отношении (эмоциональных коннотаций и передачи подтекста) пример чрезвычайно частого использования ПИ *В ожидании Годо* (название известной пьесы ирландского драматурга С. Беккета), поскольку знаменитый сюжет этой пьесы весьма удобен для авторов медиатекстов, часто описывающих ситуацию бесконечного ожидания, когда ничего не происходит и никто не знает, что делать. *Реформирование ЕС — почти как «В ожидании Годо»/ Brexit. В ожидании Годо/ К. Беттель, прибыв на саммит ЕС 21 марта, охарактеризовал ситуацию с Brexit: «его ждут, а он не приходит»/ В ожидании Годо и прочих европейских чудес.* Как мы видим, простая метафорическая отсылка к пьесе С. Беккета в заголовке сразу же ассоциативно развертывает довольно сложный для неметафорического описания нарратив *все ждут чего-то, что может не случиться*. Данная семантика лежит на поверхности, и потому у авторов всегда под рукой.

В нашем исследовании мы исходим из того, что «ПИ употребляются в СМИ денотативно и коннотативно (неметафорически и метафорически), причем при денотативном использовании прецедентное имя функционирует как обычное имя собственное (напр. *проводя параллели между творчеством Гоголя и Кафки*), при коннотативном же употреблении прецедентное имя используется для характеристики того или иного объекта или явления (*кафкианский кошмар / кафкианский абсурд / ничуть не смущаясь кафкианских размеров лжи*). Как видим, в метафорическом смысле однозначно превалирует семантика абсурдности, выхолащивая тем самым всю сложнейшую гамму оттенков творчества Ф. Кафки и являя собой яркий пример процесса десемантизации (обеднения смысла)» [Дулеба, Дулебова, 2021]. Интересно, что данную тенденцию к симплификации семантики мы прослеживаем и в случае с метафорическим употреблением литературного универсально-прецедентного имени *Кафка* в процессе метафоризации Брексита: *Британская политическая элита очутилась в кафкианской реальности: бесконечное и безрезультатное хождение по кругу с чувством приближения какого-то жуткого, ледящего душу финала, о котором даже подумать страшно/ Похоже, брексит снова переносится, с увеличением процедурных уловок он чем дальше, тем больше напоминает кафкианский «Процесс»/ Такое кафкианство просто не укладывается в голове/ Все это абсолютно кафкианский идиотизм/ Крах Европы в замедленной съёмке. Даже кафкианские брюссельские еврократы это признают... / «Кафкианская ловушка». Джонсон потерпел очередное поражение в парламенте/ Джонсон*

оказался в «очень кафкианской ловушке», утратив рабочее большинство в парламенте и раз за разом безрезультатно пытаясь назначить выборы в Палату общин. Здесь необходимо констатировать, что в результате нашего анализа мы зафиксировали более 40 примеров использования данного имени в качестве символа абсурдности и гипертрофированной бюрократизации происходящего (Брексит), что свидетельствует не только о завершении процесса аппелятивации ПИ *Кафка*, но также и о том, что оно стало яркой универсально-прецедентной метафорой (как минимум в сознании носителей русского языка).

Изучая функционирование ПИ в структуре концептуального блендинга дискурсивного события Брексит, где «ПИ выступая в роли входного пространства цели и на основе родового пространства (прецедентной ситуации, атрибутов ПИ) генерирует новые смыслы текстов» [Степанов, 2018, с.13], мы пришли к выводу, что наиболее часто авторы русскоязычных СМИ прибегают к иконическому (не только для английской литературы) прецедентному имени *Шекспир* и актуализирующих его тексты универсально-прецедентным именам и высказываниям. Чаще всего мы встречались с понятием *шекспировских страстей*, которое, по нашим наблюдениям, в русской языковой картине мира уже заканчивает процесс фразеологизации. *Брексит: шекспировские страсти британской политики/ Шекспировские страсти на родине Шекспира/ страсти драматической пьесы без антрактов, что и не снилось Шекспиру/ Такое трагическое прощание с ЕС и Шекспиру не снилось*. Причем, заметим, какая богатейшая палитра страстей (от комедии до трагедии) олицетворяется одним этим прецедентным именем: *британское общество уже порядком устало от этой отнюдь не шекспировской и, строго говоря, уже не смешной комедии ошибок, продолжающейся более трёх лет/ британское управление «Брекситом» похоже одновременно на шекспировскую трагедию и промышленную аварию/ Как заметил наш посол в Великобритании, всё происходит как у Шекспира – много шума из ничего/ Брексит после двухлетней комедии ошибок скатился до фарса/ На самом деле всё зашло дальше фарса и стало более похожим на своего рода шекспировскую трагедию вроде «Короля Лира», где обречённые трагические герои начинают вести себя как клоуны и сумасшедшие придворные шуты*. Как видим, метафоризируются все возможные жанры, в которых писал классик, с постоянным акцентом на гипертрофированных эмоциях.

Не менее частотным является и упоминание ПИ Гамлет, причем в различных формах, от эксплицитной *дилемма Гамлета / монолог Гамлета Быть или не быть, вот в чем вопрос / решают извечный гамлетовский вопрос / задается поистине гамлетовский вопрос “To be or not to be?”*, который в контексте Брексита можно перевести как *“Уехать или остаться” / По вопросу о том, должны ли парламентарии поддержать сделку второго референдума с постановкой «гамлетовского» вопроса до имплицитной, актуализирующей данное популярное ПИ посредством самого вопроса (прецедентного высказывания): Брексит: быть или не быть? / Брексит №2 – быть или не быть?/ «Брексит»: быть или не быть сделке? / Пресса Британии: быть или не быть «брекситу»?*

Аллюзивная литературная метафоризация данного события была представлена и в виде более сложного текста, каждая строчка которого отсылает к определенному шекспировскому произведению, герою или выражению и при этом является ироническим пересказом событий Брексита, этот текст (*Шекспировские страсти «брексита», или Кошмар в летнюю ночь*), весьма популярен в русскоязычном сегменте интернета и является ярким примером богатейших возможностей интертекстуальных языковых игр. *Что бы было, если бы о «брексите» писал Уильям Шекспир? Пересказала Яна Литвинова (bbcussian)*. Чего стоят одни лишь характеристики действующих лиц (в подражание Шекспиру): *Дэвид Кэмерон –*

премьер-министр, мужчина благородной наружности, который хочет как лучше/ Борис Джонсон – умный популист, мечтающий о премьерском кресле/ Тереза Мэй – министр внутренних дел, тихая женщина с умным взглядом и железной волей/ Найджел Фарадж – лидер партии UKIP, второстепенный персонаж, который все время маячит на заднем плане, размахивая плакатами «Нет ЕС!», «Долой мигрантов!», «Слава Британии!», но произносит всего одну реплику/ Хор (он же ведущий) – может состоять из любого количества людей; главное, чтобы одна половина лица была раскрашена под флаг ЕС, а другая – под британский. Начинается пьеса классическим шекспировским вступлением В Британии, что на краю ЕС, Две группы все не могут примириться: Одна с Европой хочет пить и есть, Другая – от нее отъединиться... и заканчиваются не менее классическими трагическими строками: Но нет печальнее под куполом небес, Чем повесть о Британии в ЕС. Образ рисуется по шекспировской канве весьма собирательный, но ярко иллюстрирующий то, насколько сильны в русской языковой картине мира шекспировские прецедентные тексты, выражения, имена, ситуации, блестяще обыгрываемые в тексте пародии.

Популярен в русскоязычном сегменте интернета и весьма насыщенный литературными аллюзиями-метафорами текст известного французского журналиста и философа Бернара-Анри Леви, разошедшийся на цитаты в русском медиадискурсе и демонстрирующий основные литературноцентричные европейские стереотипы и даже отчасти иллюзии: *до боли очевидно, что Брексит является поражением для идеи Европы — этого многоцветного геополитического костюма Арлекина. В рамках ЕС, Великобритания была современной версией Джона Стюарта Милля и Дэвида Юма, противостоящих французской вульгарности, и Бенджамина Дизраэли, проверяющего континентальные импульсы по отношению к вагнеровскому шовинизму. Британия привнесла иронию Г. К. Честертона в международные переговоры. И она предложила нотку байроновского космополитизма, чтобы пробудить сострадание к Греции во время ее кризиса, и солидарность к несчастным на Земле в целом...* Данный отрывок является прекрасным примером того, как использование ПИ интертекстуально насыщает медиатекст и одновременно усиливает его информативность и персуазивный потенциал, способствуя созданию ярких образов и маркированию «своих» и «чужих», выполняя часто и парольную функцию.

Весьма сильно способствует узнаваемости героев книг и их удачные экранизации, особенно если им удастся стать столь популярными мультфильмами, как это произошло в СССР со знаменитой детской повестью «Винни-Пух» английского писателя А. Милна. В сознании носителя русского языка именно всеми любимая российская мультипликационная версия разошлась полностью на цитаты и выразительные прецедентные ситуации, которые сегодня автоматически и весьма часто проецируются на ситуацию Брексита. *Она застряла на выходе из ЕС, как Винни-Пух в гостях у кролика/ Либо давайте по-английски, не прощаясь... либо по-английски еще один референдум и дальше делаем все вид, что этого ничего не было. Нет, застряли в двери как Винни Пух и ни туда ни сюда! Может кто-то другой еще выйти или зайти хочет, а они там в дверях торчат, как занавеска от душа!/ европейские парламентские выборы, которые должны быть проведены весной 2019 года, должны также состояться и в Британии. И что тогда делать с новыми британскими европарламентариями? Да нет, лучше уже назваться «Украина Плюс», чем застрять на крыльце, словно Винни-Пух в гостях у Кролика/ Евроинтеграция. Она - как мед у Винни Пуха/ хотят, как Винни Пух в гостях у Кролика, и того и другого, и можно без хлеба. В том смысле что и в составе Великобритании остаться и из Евросоюза никуда не уходить/ Самые заметные сферы экономики, на которые брексит точно повлияет, это точь-в-точь, как мед у Вин-*

ни-Пуха: *вот тут она еще есть, а вот здесь ее нет.* Множество приведенных выше (как и не вошедших в статью) ассоциаций с веселыми и наивными ситуациями свидетельствуют, что медиальный и политический дискурс во всем мире тяготеет сегодня к упрощению смыслов, упрощая и семантику используемых языковых средств [Srišáková, 2018, с. 421].

Интересен и тот факт, что именно медиальная манифестация часто обнаруживает де-семантизацию конкретного ПИ в сознании носителя языка. Довольно неоднозначные и сложные по своим социальным смыслам образы героев и их действий знаменитого сатирико-фантастического романа Д. Свифта «Путешествия Гулливера» максимально упрощены и сведены к нескольким популярным прецедентным ситуациям. *Надо Германии выйти из ЕС, дальше процесс примет необратимый характер. Соберутся недоразумения в лице трибалтов, пшеков и прочих болгар, создадут пародию на СНГ, и начнется второй акт марлезонской трагикомедии. Когда уж немцы созреют до Дойчэкзита? Неужели Гулливеру не надоели связавшие его лилипуты?/ осуществляется по принципу «борьбы лилипутов с Гулливером»/ бунт политических лилипутов/ вспоминается английский литературный герой – Гулливер. Существует легенда, что, вернувшись домой из «страны лилипутов», он ещё долго ходил по улицам Лондона, покрикивая прохожим: «Разойдись, а то раздавлю». Вот и нынешние власти Великобритании продолжают по привычке «надувать щёки», как будто они до сих пор «правят морями» и над их империей никогда не заходит солнце. Не понимают, что времена изменились. И недавний великан выглядит просто смешно... Как видим, герои и произведения великого публициста и сатирика Д. Свифта и в процессе метафоризации Брексита сохраняют яркие сатирические коннотации.*

Чрезвычайно популярен в русском лингвокультурном сообществе и роман У.Теккерея «Ярмарка тщеславия», монументальная историческая и социальная сатира, причем в качестве ПИ выступает исключительно само «говорящее» название романа: *Ярмарка тщеславия Джорджа Сороса. Известный спекулянт финансирует кампанию противодействия выходу Великобритании из Евросоюза/ Ярмарка тщеславия: парад бонапартов на Давосе. Президент Франции Эммануэль Макрон метит в бонапарты разваливающегося Евросоюза/ Британские же политики и дальше будут кланяться в ноги тем, кто унижает их страну и придумывает препоны для выхода из союза. Тем временем окончательное решение по поводу всей этой ярмарки тщеславия должно быть принято 15 декабря, но, судя по всему, основная часть шоу только начнется.*

Активно задействованы в процессе метафоризации Брексита и другие известные ПИ английской (и европейской) литературы: *Переговоры, повторные переговоры и неоднократные откладывания Brexit достигают уровня затянувшейся бюрократии в Холодном доме. Чарльз Диккенс будет кататься в могиле/ Брексит для чайников или это элементарно, Ватсон!/ Имеет смысл донкихотствовать в патовой ситуации? / Борис Джонсон: британский Дон Кихот/ Без Великобритании Европа начнет задыхаться. На континенте все еще будут свои дон кихоты со своими великолепными мечтами, а также их санчо пансо, сдерживающие полеты фантазии других/ Будут жить в своем уединенном островном государстве, как Робинзон Крузо.*

Логично и частое обращение к с детства любимым сказкам, оставляющим в сознании маленьких читателей глубочайший след и сильные ассоциации на всю жизнь. Русские читатели отлично помнят яркий эпизод из «Приключений Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла из главы «Безумное чаепитие» (у Безумного Шляпника), в котором участники чаепития всё время пересаживаются, делают друг другу неуместные замечания, загадывают неразрешимые загадки и цитируют непонятные стихи, из-за чего Алиса его возмущенно покидает. Готовый

метафорический сценарий Брексита: почему события вокруг *Brexit* развиваются даже не по плохому для Британии, а по какому-то абсурдному сценарию, все больше превращающемуся в какое-то чаепитие у Безумного Шляпника?

4.2. Национально-прецедентные имена в процессе метафорического моделирования

В процессе исследования нас удивил тот факт, что мы нашли минимальное количество русских национально-прецедентных феноменов, участвующих в процессе метафоризации Брексита в российских СМИ, хотя изначально мы предполагали, что их будет достаточно. В качестве примера приведем прецедентный топоним *Нью-Васюки* из культового романа «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, упрощенные коннотации которого сводятся к символической фантазмагии, несуществующего города, амбициозных неосуществимых фантазий: *Нью-Васюки на Темзе/Прожект «Нью-Васюки» на одном шахматном турнире выглядит куда более реалистичным, чем идея «Сингапура на Темзе»*. В упрощенном смысле авантюрных планов в контексте Брексита встречается и имя великого комбинатора Остапа Бендера: *Но полную гарантию, как говорил Остап Бендер, даёт только страховой полис. И британские планы лопнули, словно мыльный пузырь/Местная либеральная оппозиция с момента своего появления живет и дышит под бессмертным лозунгом Остапа Бендера: «Запад нам поможет!» и все продолжает рваться в единую Европу, несмотря на всякие брекситы/Борис Джонсон и Остап Бендер. В искусстве пафосной риторики Борису Джонсону не откажешь. Когда читаешь его словеса про историческую миссию, силу добра и универсальные ценности, вспоминается Остап Бендер с его лекцией в васюкинском шахматном клубе «Четырех коней». Его проект превращения захолустного городка в международный шахматный центр с переименованием в Нью-Васюки поразительно напоминает глобальную Британию, которую живописует британский премьер...* Как видим, одно из выразительнейших ПИ русской литературы и в случае метафоризации Брексита несет свою традиционную сатирическую коннотацию безудержного авантюризма, и широко известные события романа удачно проецируются на события Брексита (с весьма ерническим оттенком). Аллюзивное сравнение с Остапом Бендером является однозначно воспринимаемым маркером ироничной оценки происходящего.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование показало, что мощный культурный фон английской литературы, богатое оценочное ассоциативное поле относящихся к ней в русском сознании аллюзий ведет к тому, что дискурсивное событие, связанное с Англией, метафоризируется в российском медиадискурсе преимущественно с помощью ПИ английской же литературы. Довольно часто встречаются и универсально-прецедентные имена европейской литературы, национально-прецедентные (русские) литературные онимы встречаются скорее спорадически, от случая к случаю. Активное использование литературных ПИ и аллюзий в тексте предусматривает общность когнитивной базы реципиента и автора, и в нашем случае свидетельствует о том, что авторы анализируемых текстов предполагают солидное знание ключевых персонажей и нарративов английской (и европейской) литературы у своего русскоязычного читателя. Одновременно можно констатировать, что при транспозиции «различных культурных компонентов из одной культуры в другую мы наблюдаем неизбежную реинтерпретацию художественных смыслов, поскольку традиции другого этноса, языковые особенно-

сти (семантика речевых единиц, интерпретация фразеологизмов, лингвокультурем и проч.) воспринимаются по-разному, в зависимости от собственной национально-культурной специфики» [Морозкина, Русинякова, 2020, с. 13].

Наше исследование подтвердило тот факт, что особо значимыми для представителей русского сообщества являются ПИ со сферой-источником литературы и что литературоцентричность русского культурного архетипа проявляется, кроме прочего, и в регулярных обращениях акторов медиадискурса к литературным источникам с целью анализа и оценки различных событий и явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Поэтическая энергия слова : синергетика языка, сознания и культуры. Москва: Academia, 2002.
2. Вазанова М. Культурологический компонент как единица обучения // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Чебоксары: ЧГПУ. 2007. № 3 (55). С. 143–149.
3. Добросклонская Т. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва : «ФЛИНТА», 2014.
4. Дулеба М., Дулебова И. Реинтерпретация прецедентных имен немецкой литературы в российском медиадискурсе// Функциональная грамматика: теория и практика. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2021.
5. Дулебова И. Исследования в области политической лингвистики в современной Словакии// Медиалингвистика. 2018. № 5/ 2. С. 162-173.
6. Ермачкова О. Языковая игра с именами собственными в газетном заголовке // Пражская русистика. Прага : КУПФ. 2020. С. 7–14.
7. Захаренко И., Красных В., Гудков Д., Багаева Д. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов// Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М. : Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.
8. Калечиц Е. Фразеологизмы «в действии»: семантико-прагматический аспект. Минск: Колорград, 2020.
9. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва, 2004.
10. Морозкина Т., Русинякова Я. Межкультурная коммуникация. Intercultural Communication. Interkulturelle Kommunikation: учебник. Ульяновск: ФГБОУ ВО УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2020.
11. Нахимова Е. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования, 2007.
12. Попадинец Р. Прецедентное имя как свернутая метафора// Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4(25). С. 94–99.
13. Попова З., Стернин И. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2007.
14. Степанов Е. Функционирование прецедентных имен в немецких СМИ. Санкт-Петербург, 2018.
15. Хорохордина О. К уточнению терминов текстуальность – гипертекстуальность – претекстуальность – прецедентность – интертекстуальность в связи с художественным творчеством Гайто Газданова // Обретение смысла. Сб. статей. СПб., 2006. С. 326–338.

16. Чудинов А. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013.
17. Cingerová N., Dulebová I. Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2019.
18. Dulebová I. Vytváranie obrazu EÚ prostredníctvom literárnych precedentných výrazov v ruskom politickom diskurze // Jazyk a politika : na pomedzí lingvistiky a politológie: Roč. 3. Bratislava : EKONÓM. 2018. s. 241–250.
19. Gallo J. Slovo – text – jazykovaja kul'tura // 24. Olomoucké dny rusistů : sborník příspěvků z mezinárodní konference. Olomouc: UP. 2018. s. 111–117.
20. Hřčková K. Soviet Precedent Phenomena – Mythologems in Contemporary Slovak Mass Media // Proceedings of the 45th International Philological Conference. Saint-Petersburg : Atlantis press. 2017. pp. 42–45.
21. Spišiaková, M. Lingvistická analýza politických komunikátov na Kube // Jazyk a politika : na pomedzí lingvistiky a politológie III. Bratislava: EKONÓM. 2018. s. 417–425.
22. Zahorák A. Precedent Phenomena as a Linguistic, Translation and Reception Problem. // A Reflection of Man and Culture in Language and Literature. Berlin: Peter Lang. 2019. pp.37–60.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. (2002). *Poeticheskaja energija slova: sinergetika jazyka, soznaniya i kul'tury* [Poetic Energy of the Word: Synergetics of Language, Consciousness and Culture]. Moscow: Academia (in Russian).
2. Vazanova, M. (2007). Kul'turologicheskij komponent kak jedinica obuchenija [Culturological Component as a Learning Unit]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 3(55), 143-149 (in Russian).
3. Dobrosklonskaya, T. (2014). *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI* [Media Linguistics: a Systematic Approach to the Study of the Media Language]. Moscow: FLINTA (in Russian).
4. Duleba, M., Dulebova, I. (2021). Reinterpretacija precedentnyh imen nemeckoj literatury v rossijskom mediadiskurse [Reinterpretation of Precedent Names of German Literature in Russian Media Discourse]. *Funkcional'naja grammatika: teorija i praktika* [Functional Grammar: Theory and Practice], Cheboksary: I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (in Russian).
5. Dulebova, I. (2018). Issledovanija v oblasti politicheskoy lingvistiky v sovremennoj Slovaki [Contemporary Research in the Field of Political Linguistics in Slovakia]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 5(2), 162–173 (in Russian).
6. Ermachkova, O. (2020). Jazykovaja igra s imenami sobstvennymi v gazetnom zagolovke [Language Game with Nouns in Newspaper Headlines]. *Prazhskaja rusistika* [Prague Russian Studies], 7–14 (in Russian).
7. Zaharenko I., Krasnyh V., Gudkov D., Bagaeva D. (1997). Precedentnoe imja i precedentnoe vy-skazyvanie kak simvolj precedentnyh fenomenov [Precedent Name and Precedent Statement as Symbols of Precedent Phenomena]. In V. V. Krasnyh, A. I. Izotov (Eds.), *Jazyk, soznaniye, kommunikacija: Sb. statej* [Language, Consciousness, Communication: Conference Proceedings], vol. 1, (pp. 82–103). Moscow: Filologija (in Russian).

8. Kalechic, E. (2020). *Frazeologizmy v "deystvii": semantiko-pragmaticheksijj aspekt [Phraseologisms "in Action": Semantic and Pragmatic Aspect]*. Minsk: Kolorgrad (in Russian).
9. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metaforý, kotorymi my zhivjem [Metaphors We Live By]*. Moscow (in Russian).
10. Morozkina, T., Rusinjakova, J. (2020). *Mezhkul'turnaja kommunikacija. Interkulturelle Kommunikation: uchebnik [Intercultural Communication: textbook]*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University (in Russian).
11. Nakhimova, E. (2007) *Precedentnye imena v massovoj komunikacii [Precedent names in mass communication]*. Yekaterinburg : GOU VPO "Ural State Pedagogical University"; Institute of Social Education (in Russian).
12. Popadinec, R. (2017). Precedentnoe imja kak svernutaja metafora [Precedent Name as a Contracted metaphor]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the South-West State University]*, 4(25), 94–99 (in Russian).
13. Popova, Z., Sternin, I. (2007). *Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka [Congitive-semantic Analysis of Language]*. Voronezh: "Istoki" (in Russian).
14. Stepanov, E. (2018). *Funkcionirovanie precedentnyh imen v nemeckih SMI [Functioning of precedent names in German media]*. Saint Petersburg (in Russian).
15. Khorokhordina, O. (2006). K utočneniju terminov tekstual'nost' – gipertekstual'nost' – pretekstual'nost' – precedentnost' – intertekstual'nost' v svjazi s hudozhestvennym tvorčestvom Gajto Gazdanova [Clarification of the Terms Textuality – Hypertextuality – Pre-textuality – Precedence – Intertextuality in Connection with the Works of Gaito Gazdanov]. In O. Khorokhordina, *Obretenije smysla [Acquisition of Meaning]: conference proceedings*, (pp. 326–338). Saint Petersburg (in Russian).
16. Chudinov A. (2013). *Očerki po sovremennoj političeskoj metaforologii [Essays on Contemporary Political Metaphorology]*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University (in Russian).
17. Cingerova, N., Dulebova, I. (2019). *Jazyk a konflikt. My a ti druhi v ruskom verejnom diskurze [Language and Conflict. We and the Others in Russian public discourse]*. Bratislava: Comenius University in Bratislava (in Slovak).
18. Dulebova, I. (2018). Vytvaranie obrazu EU prostrednictvom literarnych precedentnych vyrazov v ruskom politickom diskurze [Creating the Image of the European Union Through Precedent Literary Expressions in the Russian Political Discourse]. *Jazyk a politika: na pomedzi lingvistiky a politologie [Language and Politics : Between Linguistics and Political Science]*, 3, 241–250 (in Slovak).
19. Gallo, J. (2018). Slovo – text – jazykovaja kul'tura [Word – Text – Linguistic Culture]. In J. Gallo, 24. *Olomoucke dny rusistu : sbornik prispevku z mezinarodni konference [Olomouc Days of Russian Studies: Proceedings of the International Conference]* (pp.111–117). Olomouc : Palacky University (in Russian).
20. Hrckova, K. (2017). Soviet Precedent Phenomena – Mythologems in Contemporary Slovak Mass Media. In K. Hrckova, *Proceedings of the 45th international philological conference* (pp. 42–45). Saint Petersburg: Atlantis press.
21. Spisiakova, M. (2018). Lingvisticka analiza politickych komunikatov na Kube [The Linguistic Analysis of Billboards in Cuba]. *Jazyk a politika : na pomedzi lingvistiky a politologie III [Language and Politics : Between Linguistics and Political Science III]*, 417–425 (in Slovak).
22. Zahorak, A. (2019). Precedent Phenomena as a Linguistic, Translation and Reception Problem. In A. Zahorak *A Reflection of Man and Culture in Language and Literature* (pp. 37–60). Berlin: Peter Lang.

LITERATURE AS A SOURCE OF METAPHORICAL MODELING IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Linda Krajčovičová

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Slovakia)

lindakrajco@gmail.com

Abstract: The goal of this article is to analyze the principles and methods of using the precedent semantics of literary onyms in the process of metaphorization of the high-profile international event Brexit in contemporary (2016–2021) Russian-language media discourse. The research material encompasses media discourse, from which fragments of online versions of Russian-language newspaper and journalistic texts of different genres and socio-political orientation have been selected. As an additional source of empirical material, the author uses the newspaper subcorpus of the national corpus of the Russian language, as well as the Russian-language subcorpus of the international databases Eastview and Aranea. In order to achieve the main goal of the research the author uses the method of continuous sampling, methods of corpus linguistics, methods of content analysis, as well as narrative and contextual analysis (of fragments of media discourse), linguocultural analysis of texts, methods of conceptual analysis and interpretation. Thanks to the use of methods of corpus linguistics, more than 400 contextual realizations of the use of precedent names in connotative metaphorical meaning (in connection with Brexit) have been collected and analyzed. The article presents only the most expressive and most common examples of metaphorization of precedent names when describing the discursive event of Brexit. On the basis of the analysis, the author concludes that the so-called universal-precedent phenomena (mainly of English but also European literature) prevail in the process of metaphorization compared to those of Russian literature, which are extremely rare. In the paper's study, the author also focuses on the fact that precedent names in the process of metaphorization undergo desemanticization (simplification of the meaning) and become distinctive cultural stereotypes. Initial hypothesis that the intertextuality of the Russian media discourse has a pronounced literary-centric character is confirmed.

Key words: media discourse, Brexit, metaphor, precedent phenomena, literary onyms.

How to cite this article: Krajčovičová L. (2021). Literature as a Source of Metaphorical Modeling in Russian Media Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 21-32. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-21-32>

About the author:

Linda Krajčovičová is a Master of Arts, PhD. Student in the Department of Russian Studies at the Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-33-42>

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК КОГНИТИВНЫЙ ДИАЛОГ О «ЯЗЫКЕ – ДОМЕ ДУХА»

Ю.В. Миронова

*Липецкий государственный технический университет (Липецк, Россия)
mironov-es@yandex.ru*

Т.И. Сокольская

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (Липецк, Россия)
sokolskaya.t.i@gmail.com*

Аннотация: В настоящей статье рассмотрена многоплановость дискурса художественного произведения через призму моделирования «внутренней жизни текста» и исследовано дискурсивное поле художественного текста как диалогическое пространство «энергोजизни» языка. Являющийся объектом междисциплинарных научных исследований, художественный дискурс понимается нами как сложный металингвистический феномен, изначально диалогичный, порождающий некую бытийную реальность, в которой живет и творит человек цифровой эпохи. В триаде «дискурс – язык – языковая личность» срединный маркер данной лингвоконцептуальной структуры мыслится нами как «дом бытия» (А.М. Хайдеггер), «воплощение духовной энергии народа» (В. фон Гумбольдт), что позволяет нам постичь мерцающие смыслы, зыблени мысли, пульсации ритма (а-ритмии) духовной жизни современного поэта.

В настоящей статье авторы моделируют и интерпретируют лингводинамику текстового пространства как один из возможных методов постижения «энергोजизни» текста, что позволяет дать объективное представление о «языке – доме духа» и духовности современной поэзии. Цель данной статьи – исследовать дискурс художественного произведения как когнитивный диалог о «языке – доме духа», выявив движение духа в «душе» текста.

Многоплановостью художественного дискурса предопределена многоуровневость изучения литературного текста:

- 1 уровень «текст - реальность»;
- 2 уровень «текст - язык»;
- 3 уровень «автор - текст»;
- 4 уровень «читатель - текст».

Материалом для настоящей статьи послужила современная поэзия – поэтические этюды Тамары Игоревны Сокольской «Жимолость» и «Поэтическое *argiozo*. G#HF#E». В работе использованы следующие актуальные методы и методики исследования: моделирование и интерпретация лингводинамики текстового пространства; контрадиктно-синергетическая методика анализа и интерпретации энергोजизни текста; метод концептуального анализа.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Художественный дискурс специфичен. Многоплановость, многослойность, многоуровневость и множественность мерцающих смыслов – главное отличие дискурса художественного произведения от других видов дискурса.
2. Многоплановость художественного дискурса раскрывает многомерность духовной жизни творца духовных ценностей – автора текста.
3. Синергия самодвижения текстовых единиц позволяет выявить духовное содержание современной поэзии, которое экзистует на разных уровнях сознания.
4. В художественном дискурсе воплощена духовная энергия человека.
5. Художественный дискурс есть не что иное, как когнитивный диалог о «языке – доме духа», в котором явлены мирозерцание, «диалектика души» художника слова и динамика энергожизни текста – поликультурного языкового кода, воплощающего духовную энергию народа.

Ключевые слова: художественный дискурс, когнитивный диалог, «энергожизнь» текста, языковая личность, лингвосинергетика.

Для цитирования: Миронова Ю.В., Сокольская Т.И. (2021). Художественный дискурс как когнитивный диалог о «языке – доме духа». *Дискурс профессиональной коммуникации*.3(2), С. 33-42. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-33-42>

1. ВВЕДЕНИЕ

Наша эпоха – цифровизации и цифровой трансформации общества – характеризуется интенсивными процессами интеграции научного знания, порождающими полифонию и многоплановость, дискурсивность междисциплинарных научных исследований в лингвистике XXI века.

Стремительный скачок технической, техногенной цивилизации диктует современный «цифровой» стиль мышления и порождает некий новый «цифровой» язык – язык трансформированного, чрезмерно прагматического технического мышления и цифрового сознания, эксплицирующего мысли о жизни в естественнонаучных, медицинских терминах: «биологически обратная связь», «генетический профиль», «леса сознания», «гибридная личность» и т.д., тогда как «живое» слово языка, «нецифровое» слово пробуждает человеческое сознание и способно воскресить и «разбудить уснувшую душу», ибо в слове языка и культуры явлено бытие человека. Человек, как известно, носитель национальной ментальности и языка, язык же не просто средство формирования и выражения мыслей, орудие коммуникации и познания, но и культурный код нации, способствующий трансляции культуры в современном цифровом, поликультурном пространстве.

Несмотря на активное внедрение во все отрасли научного знания и жизнедеятельности человека цифровых инструментов и инновационных IT-технологий, исследователи, представители гуманитарных наук (В.Ю. Троицкий [Троицкий, 2001], В.С. Юрченко [Юрченко, 2015], Т.В. Романова [Романова, 2017], Н.Л. Мышкина [Мышкина, 2018], В.В. Колесов [Колесов, 1999], В.А. Маслова [Маслова 2017]) убеждены в том, что путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки и «цифру», а через естественные языки. Именно в языке и слове оформляется концептуальный образ мира.

Для современной науки, изучающей актуальные проблемы цифровой трансформации общества, поликультурного диалога, исследовательский интерес представляет человек как языковая личность, человек в языке, в его отношении к миру и к самому себе. Жизнь человека – это постоянный диалог с миром, самим собой и себе подобными. Человек, познающий мир, – это человек-с-человеком. В универсальном тройственном диалогическом отношении человека к миру, к человеку, к Богу заключено, по мысли известного философа М. Бубера, учение о человеке и его предназначении в мире (на земле) [Бубер, 1998]. Несомненно, сущностное отношение к миру находит выражение в искусстве, отношение к человеку – в любви, а отношение к Богу – в вере и откровении. Отношение между человеком и человеком раскрывается в диалоге, оформляется в речи. Диалог с Богом безмолвен, но он порождает речь, боговдохновенное слово, которым поэт, писатель как творчески мыслящий человек, которому дан такой дар свыше, «глаголом жжёт сердца людей» и «чувства добрые лирой пробуждает» в их душах.

Дискурс, язык и языковая личность, являясь объектами междисциплинарных исследований, позволяют изучить человека как носителя национальной ментальности в пространстве культуры, находящей отражение в языке, и описать бытие человека в культуре и языке в категориях онтологии (бытия), аксиологии (ценности), модуса (оценки), знания и познания (когнитивистики).

Несомненный исследовательский интерес в плане изучения бытия человека, реальности, которая мыслится как «свойство человека быть» [Бенвенист, 1974. с. 293], представляет художественный дискурс как особая, новая, бытийная реальность, в которой живёт человек XXI в. Выдающийся мыслитель А.М. Хайдеггер назвал язык «домом бытия» [Хайдеггер, 2020], В.фон Гумбольдт – «воплощением духовной энергии народа» [Гумбольдт, 1985]. Язык творит, хранит и транслирует культурные ценности. Культура в антропоцентрической научной парадигме – это реализация в языке высшей ценности путём культивирования высших человеческих добродетелей.

Цель статьи – исследовать дискурс художественного произведения как когнитивный диалог о «языке – доме духа», выявив движение духа в «душе» текста.

Сформулированная цель предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) изучить специфику художественного дискурса в концептуальной триаде «дискурс – язык – языковая личность»;
- 2) исследовать художественный дискурс в аспекте моделирования и интерпретации самодвижения энергожизни текстового пространства и мерцающих смыслов духовного содержания современной поэзии;
- 3) раскрыть «душу» поэтического произведения через диалог творца текста – «сеятеля духовных ценностей» с читателем – духовным соавтором.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для настоящей научной статьи послужила современная поэзия – поэтические этюды Тамары Игоревны Сокольской «Жимолость» [Сокольская, 2015] и «Поэтическое ariozo. G#HF#E» [Сокольская, 2017].

В работе использованы следующие актуальные методы и методики исследования: моделирование и интерпретация лингводинамики текстового пространства; контрадиктно-синергетическая методика анализа и интерпретации энергожизни текста; концептуальный метод.

Бытийный дискурс художественного произведения понимается нами как «речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова, 2020. с. 137], от вербализованного сознания [Ревзина, 2019, с. 301-316] до сложного коммуникативно-когнитивного явления в триаде «автор – текст – читатель». В художественном тексте как единице дискурса проявляется языковое сознание и языковая личность. Текст, являясь результатом дискурсивной деятельности, отражает некий мыслительный процесс порождения, развития и понимания, осознания концептуального энергопотока смысла.

3. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исповедальность поэзии – отличительная черта поэта, пишущего как дышащего, выплёскивающего на бумагу исцеляющий душу и врачующий сердце бальзам «благорастворённых нот» и доброты доверчивых строк в преисполненной любви «Поэтическом *arizio. G#HF#E*» [Сокольская, 2017]. Поэтические этюды автора – исповедь души, отклик горячего сердца на холодность мира житейских многоточий. Искренность чувств, динамика мыслей – то, что привносит поэт в творимое им создание. Выражая себя, он неизменно привносит самого себя. Мерцающие смыслы высвечивают духовную энергию автора и «душу» текста. Здесь нет масок, автор пишет сердцем, пишет то, что хочет выразить, доверяя бумаге летопись своей души. В художественном дискурсивном поле *arizio* автор стоит над текстом, за текстом. Его зрение – особое, духовное: «Сердце духовным прочло откровение зрением» (из этюда «Откровение») [Сокольская, 2017, с. 14], способен видеть то, что не дано другим, – «благодарность - радость» и «мира иную знать и почувствовать суть» (из этюда «Целебные советы») [Сокольская, 2017, с.15]:

Вздохнув тяжело и вздохнув с облегченьем,
Наполню я воздухом слабую грудь.
Ещё раз вздохну, но теперь с увлеченьем,
И мира иную познаю я суть.
Однажды осмелившись ради забавы
Сквозь пальцы на всё посмотреть как-нибудь,
Я, верно, подумаю, как же неправы,
Кто видит не так мироздания суть.
Желаю изведать когда-то, не скрою,
Ещё один верный к спокойствию путь –
Махнуть, не стесняясь, свободной рукою,
И мира иную почувствовать суть.
К тому же известно прекрасное средство:
Пожать, улыбаясь, плечами чуть-чуть
И в лёгкость и смысл беззаботного детства
Годами заржавленный ключ повернуть.
[Сокольская, 2017, с.15].

Исповедальная поэзия современной творческой интеллигенции – это поэзия «живой, пустотой пронзённой души», вспыхивающей искрящейся радостью, светлой грустью, неизбыточной печалью, милосердной любовью, смиренной мудростью:

Апельсина долька на небесном блюде
Заставляет горько сердце улыбнуться
В этот томный вечер, тошнотворно душный,
В вечер этот мрачный, никому не нужный.
(Из этюда «Апельсина долька») [Сокольская, 2015, с. 21].

Оксюморная горькая улыбка сердца передаёт напряжённость, взволнованность, неутихающую тревогу за тихо гаснущий огонёк добра и любви.

В стихотворении «Когда я, окрылённая надеждой...» «ликует дух поэта, и радость сердце душит» в обители добра. Утомлённое сердце поэта обретает духовные силы в Божьем храме и молитвенном слове и вновь готово любить, надеяться и верить:

Когда я, окрылённая надеждой,
Расколдовавшей умершие вежды,
К святым иконам взор свой обратила,
В окне голубки крылья распустили.
Ликует дух, и радость сердце душит,
И голову мою больную кружит.
И снова солнцу, облакам и птицам
Готова я сегодня удивиться!
(Из этюда «Когда я, окрылённая надеждой») [Сокольская, 2015, с. 23].

Исповедуясь, обнажаясь перед читателем, автор погружает нас в текст и вручает нам символический ключ, который поможет нам увидеть мир через призму ментального пространства текста в Прологе к «Поэтическому *arizio*. G#HF#E»:

Здесь ключ, господа, и не только скрипичный,
Собой открывающий нот полотно.
Пропойте по буквам вы код необычный,
Прочтите в три слова по нотам его.
Подсказку вам дам музыкального рода:
Нет слов этих дивных на свете сильней,
Жар сердца в словах этих. Ленский Володя
Принёс в ариозо их Ольге своей.
Здесь «Я» обозначено солью в диэзе,
А си, фа диэз знаменуют «люблю»,
А ми значит «Вас». «Я люблю Вас» в замесе.
Вот так мы прочтём с вами надпись сию.
[Сокольская, 2017].

Пролог к *arizio* – концептуально значимый элемент структуры текста, обладающий большой смысловой нагрузкой, своего рода модальный концепт «Поэтического *arizio*. G#HF#E»: «Моя исповедь – эта книга, написанная из любви к вам, дорогой читатель». В Прологе дан культурный слой значения текста-исповеди. Закодированность концептуальной структуры Пролога приводит в действие механизм свёртывания, компрессии и экспликации внутритекстовой информации, формирующей концептуальное содержание поэтических этюдов и мо-

тивирующей рефлексии через оценочные семы («Посмотрите в себя. Не похожи Вы на этих летающих крыс?»; «замолк грудинный метроном»), эмоциональные семы («тягучая печаль», «монотонная печаль»), семы-отношения («С земным поклоном славлю я Тебя, Смирясь в человеческом бессилье»), семы-ассоциации («В груди лампада больше не горит»). «А-ритм-ия» жизни поэта с её «энергетическими пульсациями» явлена в имеющих концептуальное значение метафорах с ядром «сердце»: «грудинный метроном», «грудинный крематорий», «сердечная купель», «сердечный метроном», «сердечный кукан», выражающих напряжённую внутреннюю жизнь поэта в «житейском море» «звнящих болью дней». Преодолевая трудности, «сердечные колдобины» тернистого пути жизни, автор, каждый миг его любя, благословляет:

Как-то на всенощном общем молении-
бдении
Дух мой всё спрашивал Силы Небесные
Честные,
Любит ли рыцарь меня иль куражится,
кажется?
Сердце духовным прочло откровение
зрением.
Слёзы мне грудь выжигают искусами-
бусами.
Знаю наверно отныне, головушку-
вдовушку
Мой Ланселот одурманил лукавыми
травками.
Славлю я Господа за вразумленье
пением,
Кланяюсь Господу я в благодарности-
радости.
(Из этюда «Откровение») [Сокольская, 2017, с. 14].

Страдая, мучаясь, томясь, душа человека очищается, возрождается, преображается и постигает высшую истину, смирясь в человеческом бессильи («Смирение»):

В груди лампада больше не горит,
Иное будто бы пространство храма,
Душа моя укуталась в гранит.
Господь, помилуй от такого срама.
Уже не так совсем влекут огни
Молитвенных, когда-то сладких правил.
О, Элои, ламмасавахфани:
Почто, о Боже мой, меня оставил?
Спокойно препарируешь меня,
Под корень рубишь маленькие крылья.
С земным поклоном славлю я Тебя,
Смирясь в человеческом бессильи.
(Из этюда «Смирение») [Сокольская, 2017, с. 47].

В процессе дискурсивного развёртывания текста душа поэта растёт в любви и рождается аксиологема – смиренномудрая любовь, несущая ценностно-оценочную коннотацию и являющаяся знаком культурно значимых смыслов. Такая аксиологема становится своего рода «культуремой» [Романова, 2017] в языке *ariozo* и творит бытийную реальность спасительного блага и милосердного добра, противостоящую опустошающей душу человека, преисполненной тщеславия бытовой реальности, воздух которой заражён вирусом зла («Дракон внутри»):

Огни погасли в замке старом,
Колонны сотрясает гром.
На миг, заполнившись кошмаром,
Замолк грудинный метроном
И, с пяткой встретившись, в мгновенье
Забился в каждой клетке он,
Узрев, как село привиденье
Крылатое на царский трон.
Сердечный ритм перекрывая,
Стреляет шёпот в тишине:
«Ты много лет, того не зная,
Приют давал в хоромах мне.
Страстями разными, не скрою,
Вскормил довольно ты меня.
Я окна ставнями закрою, –
От света меркнет чешуя.
Хвостом разрушу храм домовый, –
Мне крылья жгут колокола.
Скроит наряд послушный новый
Душе твоей моя игла».
«Я оступился, видно, где-то,
Прости, помилуй, Боже мой!
Открой уста мне для ответа,
Чтоб вызвать ящера на бой».
И вот в дракона по молитве
С небес святых копьё летит.
Очищен замок в этой битве.
Разрушен тёмный монолит.
Но стоит вверх главу с пелёнки
Поднять тщеславно, уж сражён.
И расправляет перепонки
На крыльях маленький дракон.
(Из этюда «Дракон внутри») [Сокольская, 2017, с. 12-13]

Аксиологема «смирение» символична. Вкусив плод от древа познания добра и зла, человек познаёт истинный вкус жизни из этих двух сосудов – горечь «мира житейских многоточий» и радость «духовной жизни в такт Святых словес» (из этюда «Уроки столетия») [Сокольская, 2017, с. 11]. Смирение и славословие в благодарности-радости – это символ

роста, лестницы к небу, проявления Божьей воли, торжество высшей справедливости, искупления, жизни духовной.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтические этюды Т.И. Сокольской есть не что иное, как когнитивный диалог поэта и читателя на языке *arizio* о «языке – доме духа» [Гумбольдт, 1985], где дух – нематериальное, божественное начало в человеке, его моральная сила, способная преодолеть душевное и вознести душу человека над материальным, вещным миром, даровав ей бесплотные силы, дабы отстраниться от суетных дел и губительных страстей двоедушия земного, калечащего и жалящего сердце огнём презрения, самомнения, равнодушия.

Актуализация устаревшего значения лексемы «дух» – «дыхание» – помогает выявить дополнительный когнитивный признак языка *arizio* как дома бытия человеческого духа. Воля, дух, энергия, действие, а не бездействие человека в художественном дискурсе *arizio* и в картине мира поэта воплощают добродетели и нравственные достоинства человека, определяющие его жизненный путь. Средством трансляции культурных смыслов и жизни души являются концептуальные характеристики ключевых лексем, аксиологема «смирение» в сильной позиции ментального пространства текста, индивидуально-авторские (коннотативные) семы «сердечная купель» и «грудинный метроном», важные для понимания аксиологического знака, исповедальный характер когнитивного диалога поэта с читателями, благодаря которому сливаются две энергии – реальности и познающего субъекта, полидискурсивной языковой личности, которая, осмысливая «дом человеческого бытия», исследует и познаёт самое себя, свою душу в земной обители.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
3. Бубер М. Проблема человека. Киев: Ника-Центр, 1998.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
5. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова...СПб.: Златоуст, 1999.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебн. пособие для студ. высш. учеб.заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2017.
7. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь: Издательство Пермского ун-та, 2018.
8. Ревзина О. Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста: доклады VII международной конференции. М., 2019. С. 301-316.
9. Романова Т. В. Человек и время. Язык. Дискурс. Языковая личность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2017.
10. Сокольская Т. И. Жимолость. С.Т.И.хи. Липецк: Гравис, 2015.
11. Сокольская Т. И. Поэтическое *arizio*. G#HF#E. С.Т.И.хи. Липецк: Гравис, 2017.
12. Троицкий В. Ю. Духовность слова. М.: ИТРК, 2001.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2020.
14. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. М.: КомКнига, 2015.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya (Eds.). *Teorija metafor [Theory of Metaphor]* (5-33), Moscow: Progress (in Russian).
2. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika [General linguistics]*. Moscow: Progress (in Russian).
3. Buber, M. (1998). *Problema cheloveka [The Problem of Man]*. Kiev: Nika-Centre (in Russian).
4. Gumbolt, V. (1985). *Yazyk i filosofiya kultury [Language and culture philosophy]*. Moscow: Progress (in Russian).
5. Kolesov, V. V. (1999). *Zhizn proishodit ot slova [Life stems from words]*. St. Petersburg: Zlatoust (in Russian).
6. Maslova, V. A. (2017). *Lingvokulturologiya [Linguistic and Culture Studies]*. Moscow: Publishing centre "Academy" (in Russian).
7. Myshkina, N. L. (2018). *Vnutrennyaya zhizn teksta: mehanizmy, formy, harakteristiki [Internal life of the text: mechanisms, forms, characteristics]*. Perm: Perm University (in Russian).
8. Revzina, O. G. (2019). Metody analiza khudozhestvennogo teksta [Methods of Analysing Literary Text]. In O. G. Revzina *Structura i semantica khudozhestvennogo teksta [Structure and semantics of literary texts]: 7th international conference, Moscow: proceedings* (pp. 301-316). Moscow (in Russian).
9. Romanova, T.V. (2017). *Chelovek i vremia. Yazyk. Diskurs. Yazykovaya lichnost [Man and Time. Language. Discourse. Linguistic Identity]*. Nizhniy Novgorod: NGLU of N. A. Dobrolyubov (in Russian).
10. Sokolskaya, T. I. (2015). *Zhimolost. S.t.i.hi [Honeysuckle]*. Lipetsk: Gravis (in Russian).
11. Sokolskaya, T. I. (2017). *Poeticheskoe arioso. G#HF#E. S.t.i.hi [Poetic arioso. G#HF#E]*. Lipetsk: Gravis (in Russian).
12. Troitskiy, V.Y. (2020). *Duhovnost slova [Spirituality of words]*. Moscow: ITRK (in Russian).
13. Heidegger, M. *Bytije i vremia [Life and time]*. Moscow: the Academic Project (in Russian).
14. Yurchenko V. S. *Filosofiya yazyka i filosofiya yazykoznanija: lingvofilosofskiye ocherki [Philosophy of Language and Philosophy of Linguistics: Linguistic and Philosophical Sketches]*. Moscow: KomBook (in Russian).

LITERARY DISCOURSE AS A COGNITIVE DIALOGUE ABOUT «LANGUAGE AS THE HOUSE OF SPIRIT»

Yuliya V. Mironova

*Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russia)
mironov-es@yandex.ru*

Tamara I. Sokolskaya

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Lipetsk branch (Lipetsk, Russia)
sokolskaya.t.i@gmail.com*

Abstract: The article is focused on the diversity of literary discourse which is viewed through the prism of “the internal life of the text” and is considered as a dialogue within “the life and power” of the language. As an object of interdisciplinary scientific research literary discourse is perceived as a complex metalinguistic phenomenon, which is inherently dialogic in its character and able to generate certain reality in which modern human beings live and act. In the triad “discourse – language – language personality” the median marker is viewed as “the house of being” (M. Heidegger), “the spirit of the nation” (W. Humboldt), which allows for the understanding of flickering ideas standing behind the creativity of a modern poet.

This paper provides the interpretation of the linguistic dynamics of textual space as one of the possible methods of understanding “the life and power” of the text, which helps to objectively represent the notion of “language as the house of spirit” and the spirituality of modern poetry.

The purpose of the article is to study the discourse of a literary work of art as a cognitive dialogue about “language as the house of spirit” and reveal the dynamics of “the spirit” within “the soul of the text”. It should be underlined that the multidimensional character of literary discourse provides for several levels in studying a literary text:

- Level 1: “the text and the reality”;
- Level 2: “the text and the language”;
- Level 3: “the author and the text”;
- Level 4: “the reader and the text”.

The research is based on the analysis of the poetic essays by Tamara Sokolskaya – “The Honesuckle” and “Poetic Arioza. G#HF#E”.

The methods employed in the paper include modeling and interpretation of the linguistic dynamics of the textual space, contrastive and synergetic analysis of the “life and power” of the text and the method of conceptual analysis.

The findings of the research comprise the following the results:

1. Literary discourse is specific in its multidimensional character and the variety of expressed ideas, which sets it apart from other types of discourse;
2. This multidimensional character of literary discourse reveals the complexity of the spiritual life of the author of the text.
3. The synergy in the dynamics of textual units demonstrates spiritual content of modern poetry which exists at different levels of consciousness.
4. Literary discourse serves as the material realization of the spiritual energy of a person.
5. Literary discourse should be viewed as a cognitive dialogue about “language as the house of spirit” which reveals “the dialectic of the spirit” of the author and the dynamics of “the life and power” of the text as a multicultural language code representing the spiritual energy of the nation.

Key words: literary discourse, cognitive dialogue, language personality, linguosynergetics.

How to cite this article: Mironova Y.V., Sokolskaya T.I. (2021). Literary Discourse as a Cognitive Dialogue About «Language as the House of Spirit». *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 33-42. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-33-42>

About the authors:

Yuliya V. Mironova Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russia)

Tamara I. Sokolskaya is Cand. Sci. (Biology), Associate Professor at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch (Lipetsk, Russia)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-43-54>

ЗАДАЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ¹

В.В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)
artist232@rambler.ru*

Аннотация: Цель настоящего исследования – определить характер воздействия клипового мышления молодежи на процесс подготовки переводчиков. В связи с формированием у студентов клипового мышления преподаватели перевода сталкиваются как с прежними, так и с новыми задачами, к числу которых относятся: обучение студентов определять коммуникативное задание переводимого текста, обучение студентов анализировать логическую структуру оригинала, обучение студентов определять значимость отдельных сегментов текста в зависимости от его смысловой структуры, выработка у студентов навыка сомневаться в правильности собственной интерпретации текста, выработка у студентов умения создавать логически связный текст. Решению поставленных задач может способствовать единая система действий, направленных на корректировку клипового мышления будущих переводчиков в сторону его профессионализации, то есть на формирование профессионального переводческого мышления. Сделанные выводы основаны на анализе литературы, посвященной рассмотрению особенностей клипового мышления с точки зрения философии, психологии и педагогики, а также на обобщении опыта преподавания перевода в вузах России. Научная новизна исследования заключается в выявлении факторов, затрудняющих формирование профессионального переводческого мышления в современных условиях.

Ключевые слова: клиповое мышление, подготовка переводчиков, обучение переводу, переводческое мышление, восприятие текста.

Для цитирования: Сдобников В.В. (2021). Задачи преподавателей перевода в новых условиях. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(2), С. 43-54. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-43-54>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149.

1. ВВЕДЕНИЕ

В статье речь пойдет о тех проблемах, с которыми в настоящее время сталкиваются преподаватели высшей школы, в том числе и те, кто задействован в подготовке будущих переводчиков, прежде всего, преподаватели перевода. Причем, уникальность нового времени определяется вовсе не пандемией коронавируса: это явление преходящее. Оно хоть и внесло существенные изменения в жизнь общества в целом и высшей школы в частности, все же не оказало значительного влияния на устоявшиеся механизмы взаимодействия обучающихся и обучаемых, на общую направленность образовательного процесса на достижение определенных целей и на способы их достижения. Изменения в сфере образования стали ощущаться значительно раньше, задолго до пандемии, и в деятельности самих преподавателей они именно ощущаются, вызывая чувство дискомфорта, связанного прежде всего с тем, что нынешние студенты менее успешно и более затрудненно усваивают то, что их предшественники усваивали достаточно легко. Или не усваивают вовсе.

Между тем то, что самим преподавателям кажется непонятным и необъяснимым, давно уже нашло объяснение в научных исследованиях, авторы которых видят одну из глубинных причин изменений, происходящих в системе образования, в том, что существенным образом изменились когнитивные механизмы, познавательные процессы современных людей, изменились способы восприятия, анализа, переработки поступающей информации. Окружающая действительность последних двух-трех десятилетий вызвала к жизни явление, получившее название «клиповое мышление» (или «клиповое сознание»). Многие с этим терминосочетанием знакомы, но далеко не всегда представляют, насколько существенную роль сыграло в жизни нашего общества перерождение традиционного мышления в клиповое. Ниже мы остановимся на наблюдаемых проявлениях клипового мышления молодежи в образовательной деятельности, в частности, в преподавании перевода.

Переводческая деятельность – это всегда работа с текстом. Теоретики перевода традиционно делят переводческий процесс на два этапа – восприятие исходного текста (оригинала) в устной или письменной форме и создание текста перевода. Мы абсолютно убеждены в том, что предпосылки успешного осуществления перевода, равно как и предпосылки переводческих неудач, складываются именно на первом этапе переводческого процесса, то есть на этапе восприятия текста. И именно от того, каким образом переводчик (в нашем случае – студент) подходит к анализу текста оригинала, зависит, сможет ли он успешно решить стоящие перед ним задачи. Именно о сбоях в организации самого процесса анализа текста оригинала (а также процесса порождения перевода) и причинах этих сбоев в дальнейшем и пойдет речь.

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве основного метода используется анализ теоретических положений научных работ в области философии, психологии и педагогики. Применяется также метод анализа эмпирических данных.

3. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В последние годы феномену клипового мышления уделялось значительное внимание в работах по философии и психологии, а несколько позднее – и в работах по педагогике.

В литературе обычно цитируется определение клипового мышления, которое предложил Н. В. Азаренок: клиповое мышление – «особенность человека воспринимать мир посредством короткого, яркого посыла, воплощенного в форме либо видеоклипа (отсюда и название), либо теленовости» [Гринёва, 2016, с. 49]. Весьма похожее определение предлагают Е. В. Митягина и Н. С. Долгополова: «клиповое сознание – это способность краткого и красочного восприятия окружающего мира посредством короткого, яркого посыла, воплощенного в форме видеоклипа, теленовостей или в другом аналогичном виде» [Митягина, Долгополова, 2009, с.53]. Разумеется, слово «клип» используется с известной долей метафоричности: клип в мышлении – это не просто (и не только) видеоклип, а ментальный образ некоего фрагмента действительности, не связанный логическими отношениями с другими ментальными образами, не являющийся частью «текста», если под текстом понимать системное представление об окружающем мире или его фрагментах. Сам процесс усвоения информации перестает быть рациональным, рефлексивным. Как пишет С. В. Докука, «... подаваемая с высокой скоростью информация легко впечатывается в подсознание, мгновенно преодолевая барьер осознанного восприятия. Другими словами, клипы (во всех своих ипостасях) актуализируют иррациональное, нерелексивное усвоение информации» [Докука, 2013, с. 170-171]. Аналогичной точки зрения придерживаются Д. А. Бейбутов и Т. Л. Михайлова, которые предлагают следующее определение клипового мышления: «отображение разнообразия информации в виде физических и виртуальных объектов *без учета их связности*, характеризующее *алогичностью*, временной и пространственной *рассинхронизацией*, высокой скоростью подачи фрагментов, *отсутствием логики* в построении ряда образов» (курсив авторов. – В. С.) (цит. по [Старицина, 2018, с.271]). Для нас особенно важным в этом определении является указание на отсутствие логики в построении ряда образов. О том же, по сути, пишет и Т. И. Чиркова: «...в клиповых формах когнитивной сферы отражение свойств объектов происходит без связей между ними, поэтому оно характеризуется как фрагментарное, поверхностное» [Чиркова, 2016, с.46].

Е. Н. Яркова, ссылаясь на А. Тоффлера, говорит о формировании даже своего рода «клип-культуры», состоящей из «разорванных, противоречащих друг другу образных информационных рядов» [Яркова, 2019, с. 78]. Анализируя концепцию клип-культуры А. Тоффлера, она формулирует ее основные постулаты:

- 1) клиповое мышление – один из продуктов цифровой революции;
- 2) клиповое мышление – мышление образно-эмоциональное, упаковывающее разнообразную информацию в некую череду эмоционально окрашенных образов;
- 3) клиповое мышление – мышление фрагментарное, т.е. по определению бессистемное;
- 4) клиповое мышление – мышление нелинейное, соскальзывающее. «"Клиповик" не способен удерживать внимание на каком-либо одном объекте, он перескакивает с одного объекта на другой, не испытывая дискомфорта от постоянной смены воспринимаемого контента» [Яркова, 2019, с. 80-81].
- 5) Клиповое мышление – мышление мультиканальное;
- 6) носитель «клипового мышления» потребительски относится к информации [Яркова, 2019, с.79-81].

Понимание природы клипового мышления невозможно без уяснения причин его формирования. Совершенно справедливо утверждение, что «именно способ передачи информации (а не технологический уклад и способ организации труда) определяет стиль мышления» [Докука, 2013, с.170]. Если говорить более конкретно, то основной причиной формирования

клипового мышления является расширение и интенсификация информационных потоков и изменение способов восприятия информации под воздействием новых информационно-коммуникационных технологий и СМИ. Как пишет И. П. Березовская, «формирование и активное развитие данного вида мышления неразрывно связано с электронным способом представления текста» [Березовская, 2015, с. 134]. По мнению С. В. Доуки, «современная система познания складывается преимущественно под воздействием непрерывного и беспорядочного потока информации, распространяемого СМИ» [Доука, 2013, с. 171]. И все же основной причиной формирования клипового мышления является увеличение информационного потока. В результате «современный человек вынужден в силу невозможности переработать за единицу времени весь объем поступающей информации “выхватывать” из нее наиболее доступные для понимания куски, заменять сложные тексты на их сокращенные варианты, отбрасывать лишнее» [Старицина, 2018, с. 271]. Однако и роль цифровизации, то есть получения информации из электронных источников, отрицать нельзя. И. П. Березовская вполне справедливо отмечает, что «в поисках информации современный человек все чаще обращается к Интернету, но структурированность и системность “добытой” там информации часто весьма сомнительны» [Березовская, 2015, с. 135].

Мы видим, что авторы, как правило, указывают на отрицательные характеристики клипового мышления (алогичность, рассинхронизация и т.п.), препятствующие усвоению информации с учетом логических связей между ее отдельными элементами (хотя сами носители клипового мышления могут этого и не осознавать). Однако отдельные исследователи, помимо отрицательных характеристик, усматривают и положительные стороны клипового мышления. Так, К. Фрумкин пишет, что «главное достоинство “клипового восприятия” – большая скорость обработки информации. Другая его особенность – предпочтение нетекстовой, образной информации» [Фрумкин, 2010]. В целом, автор не склонен драматизировать ситуацию, полагая, что клиповое мышление – это вектор развития нашей цивилизации. Этот вектор может не нравиться, но никто не в силах его изменить. Из чего следует вывод, что нужно использовать особенности клипового мышления во благо его носителей.

Для того, чтобы клиповое мышление перестало быть препятствием к освоению и переработке информации в учебной деятельности, предлагается, в частности, сместить акцент с использования традиционных, «линейных» текстов на использование текстов «новой природы», «для которых характерны синтез мультимедийности и вербальных структур, активное использование гиперссылок, инфографики и других знаков и элементов выражения смысла» [Беньковская, 2017а, с. 38]. Аргументы в защиту такого предложения нам, в принципе, уже знакомы: обладатели клипового мышления «испытывают трудности в чтении как художественных, так и учебных текстов, представленных в привычном линейном формате, в их запоминании, в выявлении главной мысли; им гораздо интереснее смотреть, чем читать, и т.д.» [Беньковская, 2017а, с.37]. И далее: «обладатель “клипового” сознания с трудом воспринимает и осваивает текст однородной информации с линейной структурой, представленной в едином стиле (или не способен воспринимать и осваивать), не может самостоятельно выстроить логическую цепочку от общего к частному и, как следствие, не может провести самого простого анализа» [Беньковская, 2017а, с. 38]. Текст «новой природы» кардинально отличается от традиционного, линейного текста. Если традиционный текст – линейный, длинный, на бумаге, законченный, состоит из букв, привычный, неудобный для чтения, то текст «новой природы» – «объемный, фрагментарный, незаконченный, визуальный, нематериальный – тревожит, вызывает интерес. Тексты “новой природы” сегодня оказываются более привлекательными для современных подростков и молодежи как более наглядные и

доступные, вполне отвечающие их клиповому сознанию» [Беньковская, 2017б, с. 66]. Речь, конечно же, не идет о полном ниспровержении линейного текста как типа, но призыв использовать в учебном процессе тексты «новой природы» звучит вполне явственно.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

От общих рассуждений об особенностях клипового мышления, его недостатках и достоинствах и о возможностях использования его особенностей в учебном процессе перейдем к рассмотрению конкретных проблем, возникающих в связи с «клиповостью» мышления молодого поколения в подготовке переводчиков в целом и в преподавании перевода в частности.

Сразу же согласимся с тем, что полностью игнорировать эту особенность мышления молодежи в образовательном процессе не следует. Вполне можно допустить и, возможно, даже приветствовать использование текстов «новой природы», «мультитекстов» в теоретических курсах, читаемых будущим переводчикам. Наблюдения последних лет за процессом усвоения студентами, например, теории перевода (а эта дисциплина, как правило, обеспечена базовым учебником, а то и не одним) показывают, что нынешние студенты с большим трудом воспринимают информацию, представленную в линейной форме. Кстати, речь идет не только об усвоении информации, содержащейся в учебнике, но и об усвоении материала, который предлагается в устной форме, то есть преподавателем на лекциях. Понимание этого материала проверяется не только на зачетах и экзаменах, но и в ходе семинарских занятий, когда студенты должны показать, что ими достаточно полно и точно усвоена суть обсуждавшихся теоретических проблем и возможные способы их решения. Увы, высказывания студентов содержат информацию, которая не объединяется в единую систему, логические связи между отдельными элементами информации отсутствуют, нет общей «картинки» предполагаемой переводческой ситуации, которая и должна быть описана в ответе, ни в сознании студентов, ни в их рассуждениях.

Несомненно, сейчас студенты нуждаются в помощи преподавателей, задача которых – организовать предъявляемый материал таким образом, чтобы процесс его усвоения в большей степени соответствовал особенностям мышления современной молодежи и доступно им способу восприятия и переработки информации. Представляется, что определенную пользу в этом отношении могли бы принести электронные курсы теоретических дисциплин, причем выложенные не только в информационно-образовательной среде Moodle, но и на других платформах. Такие курсы могут совмещать в себе собственно текстовый материал, тестовые вопросы и задания, видеолекции или их фрагменты, прочие элементы, способствующие визуализации обсуждаемого материала, причем все эти элементы курса могут быть объединены гиперссылками для обеспечения логической связи между различными положениями теории перевода или другой теоретической дисциплины. Понятно, что электронный курс вряд ли сможет служить полноценной заменой курсу традиционному; это всего лишь необходимое добавление. Приведение полученной студентами информации в систему должно происходить все же в рамках традиционных занятий, прежде всего на семинарах.

В связи с обсуждаемой темой возникает, возможно, несколько неожиданный и провокационный вопрос: если в настоящее время происходит «ниспровержение» линейного текста как традиционного источника информации, то не следует ли заодно пересмотреть и определение текстообразующей компетенции субъекта коммуникации, «обновить» наше представление о ней? Напомним определение текстообразующей компетенции, предложенное В.

Н. Комиссаровым, одним из основоположников отечественного переводоведения: «Умение создавать тексты различного типа в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения, обеспечивать надлежащую структуру текста, использовать языковые единицы текста по правилам построения речевых единиц в языке, *оценивать место и соотношение отдельных частей текста и воспринимать текст как связное речевое целое* (курсив мой. – В. С.) составляет текстообразующую компетенцию коммуникантов» [Комиссаров, 2001, с.330-331]. Разумеется, в этом определении нас интересует прежде всего вторая, выделенная часть, в которой раскрывается общий принцип восприятия речевого произведения, текста. К этому можно добавить одно из правил, которое должно выполняться переводчиками: «Для того, чтобы решить, что какую-то деталь содержания можно или нужно не передавать в переводе, *переводчик должен видеть эту деталь и понимать ее роль и место в общем смысле сообщения* (курсив мой. – В.С.)» [Комиссаров, 2001, с. 348]. Но опять же: если меняется восприятие речевых произведений, информации в целом, то не поменялся ли и общий принцип восприятия? Теоретики, относящиеся к явлению клипового мышления спокойно, пожалуй, ответят на эти вопросы утвердительно. На самом деле, появление новой теоретической парадигмы вполне могло бы соответствовать реалиям сегодняшнего дня. Но вот преподаватели перевода эту парадигму принять не только не могут, но и не должны. И вот по каким причинам.

Особенности преподавания перевода, его основные принципы во многом обусловлены особенностями самой переводческой деятельности, которая и является предметом обучения. А в рамках этой деятельности переводчики постоянно сталкиваются с необходимостью переводить именно линейные тексты, имеющие собственную структуру, композицию, логически связанные, тексты, в которых значимость каждого элемента определяется смыслом целого. Из чего неизбежно следует, что студентов необходимо обучать именно традиционному восприятию текста, текста линейного. Иначе они просто будут неспособны успешно выполнять свои профессиональные обязанности, причем как в качестве письменных переводчиков, так и в качестве устных. По сути, речь идет о формировании профессионального переводческого мышления, мышления особого, которым должны обладать именно переводчики. Хотя и представителям других профессий оно тоже не помешает, то есть не помешает способность воспринимать информацию системно, извлекая ее из линейных текстов. Применительно же к переводчикам профессиональное мышление предполагает способность осознавать коммуникативную задачу воспринимаемого текста в контексте определенной коммуникативной ситуации, видеть предметную ситуацию, описанную в тексте, то есть ту «картинку», которая в тексте представлена, воспринимать текст как связное единство и на этой основе осознавать общий смысл текста. Это утверждение полностью соответствует предложенному нами определению перевода: «перевод можно определить как речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ [переводящий язык] с опорой на текст на ИЯ [исходный язык], результат которой выступает в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности инициатора перевода и коммуникантов в данной коммуникативной ситуации» [Сдобников, Калинин, Петрова, 2019, с. 53-54]. Д. Н. Шлепнев исчерпывающим образом формулирует общие задачи, решаемые переводчиком: «уяснить смысл ИТ [исходного текста] в целом и его главные функциональные характеристики; уяснить смысл и функции каждого данного сегмента, причем как можно конкретнее, и понять, как они соотносятся с главным смыслом; наделить перевод надлежащими функциями и дать возможность интерпретировать текст должным образом» [Шлепнев, 2020, с.60]. Другими словами, от переводчика требуется осуществление действий, которые не то что не предполагаются клиповым мышлением, но и полностью противоречат ему.

С этим противоречием преподаватели перевода сталкиваются практически ежедневно, на занятиях по письменному и устному переводу. Прежде всего, ознакомившись с оригиналом, студенты не усваивают его общий смысл и его общее назначение. Клиповое мышление этого вовсе не допускает. Однако студенты понимают, что какой-то смысл у текста все же должен быть. И, опираясь на значения отдельных слов и фраз в оригинале, начинают конструировать некий смысл, не обращая внимания на то, что он может противоречить и тому, что автор текста хотел сказать, и здравому смыслу. Об этом же пишет и О. В. Петрова: «...дело здесь, по-видимому, не в ошибочности принципов переводческого анализа, а в психологической неготовности студентов корректировать свое изначальное восприятие сообщения. Когда текст начинает вступать в противоречие с этим восприятием, у них не возникает желания вернуться к той части высказывания, на которой это восприятие возникло» [Петрова, 2018, с.106]. Ситуация усугубляется еще и тем, что переводческий процесс по определению имеет линейный характер: переводить-то приходится линейно, предложение за предложением (и все это после того, как оригинал был воспринят студентами дискретно, опять же предложение за предложением!). И вот мы видим, как на занятиях, после обсуждения переводческих проблем в одном абзаце текста, переходя к следующему абзацу, студенты мгновенно забывают, что и как говорилось в абзаце предыдущем. Как и положено при клиповом мышлении, новая «вспышка» никак не связана с предыдущей. Или, другими словами, «пазл» не сложился. Текст, воспринятый дискретно, разумеется, и не мог сложиться в нечто единое, в линейную последовательность связанных друг с другом мыслей. Общий итог – перевод не состоялся.

Похожую по своей природе картину мы наблюдаем и на занятиях по устному переводу. Если речь идет о двустороннем переводе, например, интервью, то наиболее частотным недостатком здесь является следующее: переводя ответ на заданный интервьюируемому вопрос, студенты уже не помнят суть самого вопроса, который они, кстати, только что перевели. Логические связи между двумя высказываниями не устанавливаются. В результате не складывается дискурс, коммуникация между разноязычными коммуникантами не происходит в полном объеме или происходит с существенными затруднениями. Аналогичная ситуация возникает и при переводе выступлений, которые предъявляются студентам фрагментами по 3-4 минуты звучания. В переводе озвучиваются отдельные факты, причем часто в полном соответствии с содержанием оригинала, звучат отдельные мысли, но утрачивается общая логическая структура текста, теряются связи между отдельными мыслями. В результате при переводе текст превращается в набор отдельных «огрызков», не связанных логически друг с другом. А отсутствие логики – это, пожалуй, именно тот недостаток, который прежде всего привлекает внимание получателей перевода и вызывает у них наибольший дискомфорт.

И вновь согласимся с О. В. Петровой: «...фактически студентам не хватает умения работать с текстом – ни на этапе его восприятия, ни на этапе его порождения» [Петрова, 2018, с. 118]. И еще, пожалуй, самое главное: «По-видимому, пришло время признать, что клиповое мышление никак не может быть основой для мышления переводческого» [Петрова, 2018, с.129]. Впрочем, и наши собственные рассуждения и результаты наблюдений приводят к такому же выводу. Однако помимо констатации очевидного (по крайней мере, для преподавателей перевода) факта необходимы еще и практические действия, направленные на исправление ситуации. Общая задача осознается вполне отчетливо, причем уже давно. Еще в 2012 году мы писали, что «поскольку студенты приходят к нам уже с каким-то, как хочется надеяться, мышлением, и даже с неким представлением о том, что есть перевод, необходимо преобразовать это непрофессиональное мышление в профессиональное» [Петрова, Сдоб-

ников, 2012, с.76]. В общем, как всегда в таких случаях, за вопросом «Кто виноват?» следует вопрос «Что делать?».

По нашему мнению, для превращения непрофессионального, клипового мышления студентов в мышление профессиональное необходима системная, целенаправленная работа, в рамках которой должны решаться задачи, осознаваемые как особые, но не обособленные от общих задач подготовки переводчиков, а, напротив, работающие на достижение общей цели. Несомненно, преподаватели перевода будут и дальше предпринимать попытки каким-то образом скорректировать подход студентов к восприятию текста, и делать это они будут, как и прежде, на занятиях по переводу и, хочется надеяться, на лекциях по теории перевода. Однако есть сомнение в том, что подобные попытки приведут к желаемому результату. Все дело в том, что наши призывы воспринимать текст в целом, напоминания о том, что данная мысль перекликается с мыслью в предыдущем абзаце, что между ответом на вопрос и самим вопросом всегда есть логическая связь будут постоянно наткаться на все ту же особенность молодого поколения, то есть на клиповое мышление. Клиповое мышление нынешних студентов формировалось на протяжении всей их жизни, пусть пока и не очень долгой. Наивно полагать, что на занятиях по переводу мы раскроем им глаза и на них снизойдет озарение: «Так вот как надо подходить к тексту!». Этого не произойдет.

Практическая задача заключается в объединении всех совершаемых нами усилий в единую систему, которая, конечно же, включала бы и совершаемые сегодня попытки объяснить студентам то, чего они и не знают, и не умеют. Но все же центральным элементом этой системы должен быть как минимум один учебный курс, направленный на обучение студентов-переводчиков профессионально правильному подходу к восприятию линейного текста. В качестве примера такого курса может быть недавно введенная в Высшей школе перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова дисциплина «Основы работы переводчика с текстом» (направления подготовки 45.03.02 Лингвистика (профиль: «Перевод и переводоведение») и 45.05.01 Перевод и переводоведение), цель которой – обучить студентов начальных курсов воспринимать текст по-переводчески. В качестве основного учебного пособия в рамках курса планируется использовать пособие О. В. Петровой и М. Ю. Родионовой «Читаем и понимаем текст» [Петрова, Родионова, 2021]. Авторы во Введении поясняют, что цель пособия – «помочь студентам приобрести одно из самых важных профессиональных умений переводчика — умение читать и воспринимать текст как единое смысловое целое, видеть, как текст построен, как внутри него связаны между собой его части» [Петрова, Родионова, 2021, с. 3]. Сейчас трудно сказать, какова будет реальная эффективность преподавания этой дисциплины, но ясно одно: без нее вряд ли удастся построить единую систему воздействия на клиповое мышление студентов и преобразования его в профессиональное.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время деятельность преподавателей по подготовке профессиональных переводчиков значительно осложнилась в связи с развитием у студентов так называемого клипового мышления. Его особенность заключается в восприятии окружающего мира «в виде короткого, яркого посыла, воплощенного в форме видеоклипа». Подобный характер восприятия действительности в корне противоречит специфике переводческой деятельности, в рамках которой осуществляется восприятие и порождение линейного текста. В результате в практике преподавания перевода постоянно возникает конфликт между «клиповостью» мышления студентов и необходимостью решать такие задачи, как восприятие коммуника-

тивной направленности текста, анализ его логической структуры, осознание общего смысла текста, построение логически связанного переводного текста, воспроизводящего основные, прежде всего, коммуникативно-функциональные параметры оригинала. Из этого следует, что основная задача преподавателей перевода заключается в формировании у студентов профессионального переводческого мышления, обеспечивающего создание именно такого продукта, который удовлетворяет потребности коммуникантов и соответствует их ожиданиям в конкретной коммуникативной ситуации.

Следует признать, что клиповое мышление не может быть основой для формирования профессионального переводческого мышления. Необходима система действий, обеспечивающая возможность воздействия на сознание студентов, возможность приведения его в такое состояние, которое позволит им профессионально правильно подходить к восприятию и анализу переводимого текста и воплощать свое представление о смысле и логике оригинала в собственных переводах. Это основная цель подобной системы. В качестве ее конкретных задач можно выделить следующие:

- обучение студентов восприятию коммуникативной задачи текста в рамках конкретной (на занятии – предполагаемой) коммуникативной ситуации, фактически умению помещать переводимый текст в контекст коммуникативной ситуации, воспринимать специфику переводческого события;
- обучение студентов анализу логической структуры переводимого текста, установлению логических связей между отдельными фрагментами текста;
- выработка у студентов умения оценивать коммуникативную релевантность отдельных языковых единиц в оригинале с учетом общего смысла и смысловой структуры текста;
- выработка у студентов умения и потребности постоянно сомневаться в собственной интерпретации переводимого текста, в том смысле, который им удалось извлечь и который они на первых порах считают правильным, но который может оказаться вовсе не соответствующим смыслу оригинала.

Это именно те задачи, которые всякий профессиональный переводчик решает на первом этапе переводческого процесса, то есть на этапе переводческого анализа оригинала. Разумеется, к ним следует добавить и задачу создания логически связного текста на переводящем языке, то есть ту задачу, что решается на втором этапе переводческого процесса.

Основным элементом данной системы может быть специальный курс/дисциплина, направленный на формирование у студентов способности воспринимать текст по-переводчески, то есть обеспечивающий корректировку клипового мышления студентов в сторону его профессионализации. Разумеется, и собственно аудиторная работа на занятиях по практике перевода (устного и письменного) должна быть направлена на решение тех же задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беньковская Т. Е. Текст «новой природы» и его место в школьном учебнике литературы // Современный урок в условиях внедрения ФГОС: опыт, проблемы, перспективы. Сборник статей Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2017а. С. 37-40.
2. Беньковская Т. Е. Тексты «новой природы» и возможность их использования в литературном образовании современных школьников // Педагогический имидж. 2017б. №3(36). С. 63-70.

3. Березовская И. П. Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2(220). С.133-138.
4. Гринёва М. И. Клиповое мышление во благо ученика // Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы: Сборник материалов VIII международной научно-практической конференция «Педагогика текста» / Под ред. Т.Г. Галактионовой, Е.И. Казаковой. СПб., 2016. С. 49-52.
5. Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С.169-176.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001.
7. Митягина Е. В., Долгополова Н. С. «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2009. № 3(15). С.53-59.
8. Петрова О. В., Сдобников В. В. О зеленом соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // Мосты. Журнал переводчиков. 2012. №1(33). С.69-76.
9. Петрова О. В. Подготовка переводчиков. Размышления преподавателя перевода. М.: Р.Валент, 2018.
10. Петрова О.В., Родионова М.Ю. Читаем и понимаем текст. Учебное пособие. М.: Р.Валент, 2021. 156 с.
11. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Издательский дом ВКН, 2019.
12. Старицина О.А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2018. Т. 7. № 2(23). С. 270-274.
13. Фрумкин К. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Литературно-философский журнал «Топос». 2010. № 9. Электронный ресурс: URL: <http://www.topos.ru/article/7371>.
14. Чиркова Т. И. Проблема преодоления клипового сознания молодежи в профессиональной подготовке психологов на уровне бакалавриата // Психологическая наука и образование. 2016. Том 8. № 1. С. 45–61. doi: 10.17759/psyedu.2016080105
15. Шлепнев Д. Н. Теория перевода. Введение в ремесло. М.: Р.Валент, 2020.
16. Яркова Е. Н. Теория клипового мышления или эскиз картины регресса человеческого разума // Дискурс-Пи. 2019. № 2(35). С. 77-85.

REFERENCES

1. Benkovskaya, T. E. (2017a). Tekst “novoy prirody” i ego mesto v shkolnom uchebnike literatury [Text of the “new nature” and its place in a secondary school literature textbook]. *Sovremenniy urok v usloviyakh vnedreniya FGOS: opyt, problem, perspektivy* [Modern class in the conditions of FSES introduction: experience, problems, prospects], 37-40 (in Russian).
2. Benkovskaya, T.E. (2017b). Teksty “novoy prirody” i vozmozhnost ikh ispolzovaniya v literaturnom obrazovanii sovremennykh shkolnikov [Texts of the “new nature” and the possibility of their use in the literary education of modern schoolchildren]. *Pedagogicheskiy imidge* [Pedagogical Image], 3(36), 63-70 (in Russian).
3. Berezovskaya, I.P. (2015). Problema metodologicheskogo obosnovaniya kontsepta “klipovoe myshlenie” [Problem of methodological substantiation of “mosaic thinking” concept]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and

- Technical Bulletin of SPbSPU. Humanities*], 2(220), 133-138 (in Russian).
4. Grinyova, M.I. (2016). Klipovoe myshlenie vo blago uchenika [Mosaic thinking for the pupil's sake]. *Teksty novoy prirody v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoi shkoly [Texts of New Nature in the Educational Space of Modern School]*. Saint-Petersburg, 49-52 (in Russian).
 5. Dokuka, S.V. (2013). Klipovoe myshlenie kak fenomen informatsionnogo obshchestva [Mosaic thinking as a phenomenon of the information society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Humanities and the Modern Time]*, 169-176 (in Russian).
 6. Komissarov, V.N. (2001). *Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie [Modern Translation Studies. A textbook]*. Moscow (in Russian).
 7. Mityagina, E.V., Dolgoplova, N.S. (2009). "Klipovoe soznanie" molodezhi v sovremennom informatsionnom obshchestve ["Mosaic thinking" of the youth in the modern information society]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya "Sotsialnye nauki" [Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky State University. Series "Humanities"]*, 3(15), 53-59 (in Russian).
 8. Petrova, O.V., Sdobnikov, V.V. (2012). O zelyonom soke i solyonom elektrichestve. Chemu i kak učit budushchikh perevodchikov [On green juice and salty electricity. What and how to teach novice translators]. *Mosty. Zhurnal perevochnikov [Bridges. Translators' Journal]*, 1(33), 69-76 (in Russian).
 9. Petrova, O.V. (2018). *Podgotovka perevodchikov. Razmyshleniya prepodavatelya perevoda [Translators' training. Speculations of a translation teacher]*. Moscow (in Russian).
 10. Petrova, O.V., Rodionova, M.Y. (2021). *Chitaem i ponimaem teksty. Uchebnoe posobie [We read and understand texts. A textbook]*. Moscow (in Russian).
 11. Sdobnikov, V.V., Kalinin, K.E., Petrova, O.V. (2019). *Teoriya perevoda. Kommunikativno-funktsionalnyi podkhod. Uchebnik [Translation Theory. Communicative-functional approach. A Manual]*. Moscow (in Russian).
 12. Staritsina, O.A. (2018). Klipovoe myshlenie vs obrazovanie. Kto vinovat i chto delat? [Mosaic thinking vs education. Who is to blame and what to do?]. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 7, No 2(23), 270-274 (in Russian).
 13. Frumkin, K. (2010). Klipovoe myshlenie i sudba lineinogo teksta [Mosaic thinking and the fate of a linear text]. *Literaturno-filosofskiy zhurnal "Topos" [Literature and Philosophical Journal "Topos"]*, vol. 9. Retrieved from <http://www.topos.ru/article/7371> (in Russian).
 14. Chirkova, T.I. (2016). Problema preodoleniya klipovogo soznaniya molodezhi v professionalnoi podgotovke psikhologov na urovne bakalavriata [The problem of overcoming the mosaic thinking of the youth in the professional training of psychologists in bachelor programs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, vol. 8, No 1, 45-61. doi: 10.17759/psyedu.2016080105 (in Russian).
 15. Shlepnev, D.N. (2020). *Teoriya perevoda. Vvedenie v remeslo [Translation Theory. Introduction into the Trade]*. Moscow (in Russian).
 16. Yarkova, E.N. (2019). Teoriya klipovogo myshleniya ili eskiz kartiny regressa chelovecheskogo razuma [The theory of mosaic thinking or the sketch of the human mentality regression]. *Diskurs-Pi [Discourse-Pi]*, 2(35), 77-85 (in Russian).

NEW TASKS OF TRANSLATION TEACHERS: THE CHALLENGE OF MOSAIC THINKING

Vadim V. Sdobnikov

Linguistics University of Nizhny Novgorod

(Nizhny Novgorod, Russia)

artist232@rambler.ru

Abstract: The research is aimed to determine how the mosaic thinking of the younger generation affects the process of translator training. Development of the mosaic thinking results in the need to solve new tasks by translation teachers. They include: to teach students how to determine the communicative task of the source text, or ST; to teach students how to analyze the logical structure of the ST; to teach students how to determine the relevance of specific linguistic units used in the ST with due account of the text's logical structure; to teach students to doubt their interpretation of the ST; to teach students to produce a logically coherent text in the target language. To solve the tasks, a comprehensive system of actions must be designed. The aim of the system is to make students' thinking more professional, i.e. to transform the mosaic thinking into the professional translator's mentality. The conclusions are based on the analysis of the provisions voiced in the research of the mosaic thinking from the philosophical, psychological and pedagogical perspective as well as on observations of how translation is taught in Russian universities. The present investigation is innovative since it highlights the factors that make it especially difficult to form professional translators' mentality now.

Key words: mosaic thinking, translator training, teaching translation, translator's mentality, text perception.

How to cite this article: Sdobnikov V.V. (2021). New Tasks of Translation Teachers: the Challenge of Mosaic Thinking. *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 43-54. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-43-54>

About the author:

Vadim V. Sdobnikov is Dr. Sci. (Philology), Head of the Department of Theory and Practice of English Language, Translation and Interpreting at Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-55-66>

УЧЁТ ТЕОРИИ ЭКОТРАНСЛЯТОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НАВЫКАМ ПЕРЕВОДА

Л.Г. Петрова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет «НИУ БелГУ»
(Белгород, Россия)
e-mail: petrovali@mail.ru*

Сун Чэжихао

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
e-mail: kitovboris0322@gmail.com*

Аннотация: В представленном исследовании ставится цель анализа теории экотранслятологии, разработанной китайским переводчиком-теоретиком Ху Гэншэнем. Авторы уделяют большое внимание применению её основных принципов в обучении переводу вообще и развитию навыков перевода у китайских студентов в частности. Основными методами исследования являются описательный и сравнительно-сопоставительный, метод систематизации языкового материала, контекстуальный анализ, компонентный анализ слова. В процессе исследования был проведён эксперимент, в котором приняло участие более 30 китайских студентов. Материалом для исследования послужили аутентичные тексты произведений русской художественной литературы. Посредством анализа примеров перевода произведений А.П. Чехова и Н.А. Тэффи на китайский язык выделены основные сложности, с которыми сталкивались авторы данной статьи на занятиях по практике перевода. Приводится ряд рекомендаций, способствующих выработке у китайских студентов навыков перевода с русского языка на китайский. В выводах авторы указывают, что при обучении переводу необходимо обращать внимание на тщательное изучение студентами научных трудов по теории перевода, развивать у студентов языковое чутьё, расширять у них запас разговорной лексики русского языка с тем, чтобы в процессе перевода не потерялась эмоциональная окраска произведения, а также помнить о том, что изучение фразеологизмов является когнитивным процессом.

Ключевые слова: методика перевода, теория экотранслятологии, процесс адаптации, РКИ, литературный перевод.

Для цитирования: Петрова Л.Г., Чжихао Сун (2021). Учёт теории экотранслятологии в обучении китайских студентов навыкам перевода. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(2), С. 55-66. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-55-66>

1. ВВЕДЕНИЕ

Перед преподавателями, обучающими русскому языку иностранных студентов, ставится цель не только формирования у них четырёх основных видов речевой деятельности на основе необходимого грамматического, лексического и фонетического материала, но и развития навыков переводческой деятельности. Речь идёт о способностях, с одной стороны, найти в двух языках эквиваленты или достаточно схожие по смыслу слова, а с другой – адаптировать свой перевод в соответствии с каждым конкретным контекстом и ситуацией.

В процессе работы мы заметили, что китайским студентам обычно несложно находить соотносительную связь слов русского и китайского языков и на этой основе делать дословный перевод, не обращая внимания на контекст оригинала. Однако большинство китайских обучающихся недостаточно хорошо владеют теорией адаптации перевода. Они используют одну и ту же лексику и при переводе литературных произведений, и при переводе выступлений лидеров государств на саммитах. Это можно объяснить нехваткой словарного запаса у студентов, а также недопониманием стилевых различий. В итоге, перевод, с нашей точки зрения, часто является неадекватным.

В данной работе мы попытаемся ответить на два непростых вопроса: как обучать китайских студентов основам перевода с применением принципов адаптации и как дальше развивать их переводческие навыки в учебной и практической работе.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической базой нашего исследования послужила теория экотранслятологии (Ecotranslatology) профессора Университета Цинхуа Ху Гэншэня. Данная теория основывается на подходе к переводу с позиций *адаптации и отбора* (the Approach to Translation as Adaptation and Selection). Согласно данному подходу, переводческую деятельность следует осуществлять в соответствии с принципом *многоплановой адаптации и отбора* (the Principle of multi-dimensional adaptations and adaptive selections). Переводчик должен разнопланово и многоэтапно адаптироваться к экосистеме осуществляемого перевода и только после этого принимать решение о выборе стиля речи в целом и конкретных слов и словосочетаний в отдельности [Hu, 2003]. Под термином «экосистема перевода» понимается совокупность, представленная оригинальным текстом, исходным языком и языком перевода, то есть мир, где переплетаются и взаимодействуют, с одной стороны, язык, коммуникация, культура и общество, а с другой – писатель, читатель, посредник и другие лица. Поскольку данная экосистема является, по сути, комплексом ограничений, оказывающих воздействие на процессы адаптации и повышения качества перевода, его автору необходимо учитывать все условия перевода с целью преодоления трудных моментов [Gutknecht & Rolle, 1996].

Для наглядной демонстрации сути этого принципа Ху Гэншэнь приводит пример с переводом текста объявления с английского языка на китайский. Табло с объявлением стоит у пруда с крокодилом в одном из зоопарков. На табло написано: «The last one is delicious, bring me another one». Несложно заметить, что предупреждение исходит будто от самого крокодила. Сравнивается два варианта перевода: «鳄鱼伤人, 禁止入水! (Крокодил кусается, прыгать в воду запрещено!)» и «人肉真香, 再来一个! (Мясо человека такое вкусное,

дайте ещё!)). Оригинальный текст имеет двойную функцию: предупреждения об опасности и привлечения внимания. В первом варианте перевода хорошо задействована функция предупреждения об опасности, а функция привлечения внимания почти потеряна из-за эмоциональной жёсткости выражения. Во втором варианте компоненты соответствуют языковой особенности оригинального текста: «delicious» – «真香 (так вкусно)», «the last» и «another one» – «再一个 (ещё)», можно сказать, что задача качественного перевода выполнена. Ху Гэншэнь, оценивая второй вариант перевода, пишет: «по языковым, культурным, коммуникативным и эстетическим векторам и уровням намерений пользователей, прагматическим сценариям и потребностям читателей относительно успешно осуществлена передача смысла оригинального текста. Он в лучшей степени соответствует принципу «многомерной адаптации и адаптированного отбора» [Ху Гэншэнь, 2006].

Говоря о методах перевода, которые следует предусматривать при подходе «адаптации и отбора», Ху Гэншэнь призывает уделить внимание выбору варианта перевода и способности переводчика адаптироваться в языковом, культурном и коммуникационном измерениях. С теоретической точки зрения, переводоведы исследуют методы перевода, опираясь на лингвистические, культурологические и коммуникационные теории. Например, согласно теории функциональной лингвистики, языковое измерение обращает внимание на само языковое выражение в переводимом тексте, культурное измерение – на контекстуальную функцию перевода, а коммуникационное измерение – на межчеловеческие намерения [Ху Гэншэнь, 2006].

Что же конкретно означают «адаптация» и «отбор» для переводчиков? Попросту говоря, как отмечает Ху Гэншэнь, «адаптация» является первой стадией переводческой деятельности, а «отбор» – её второй стадией.

Согласно теории «адаптации» требуется выбирать переводчиков в соответствии с принципом «выживания наиболее приспособленных». То есть, если оригинальный текст взят из сборника сонетов Уильяма Шекспира, то для получения продукта наивысшего качества, перевод должен выполняться переводчиком-поэтом или, по крайней мере, переводчиком, который имеет немалый опыт в переводе стихотворений. В противном случае, когда переводчику не знакомы особенности и тонкости перевода стихотворений, вполне вероятно, что его результаты не одобрят ни редактор, ни рецензент, ни читатель.

Что касается стадии «отбора», здесь от переводчика требуется регулярное сравнение разных вариантов перевода в зависимости от экосистемы, выраженной в оригинальном тексте, по таким параметрам, как *целевая аудитория, социокультурные особенности страны оригинала текста, привычки целевой аудитории читателей* и пр. Когда речь идёт непосредственно о работе и конкретных попытках перевода, переводчик часто сталкивается с разными вопросами, такими как: «Как сделать выбор между типами предложения: изъяснительное или вопросительное?»; «Как лучше передать эмоциональную составляющую из оригинала в перевод: в смягчённой ли форме или прямой?»; «Как максимально тактично выбрать стратегию перевода: дословный его вариант или вольный?» и т.п. Ответить на эти вопросы переводчику не всегда легко, в каком-то смысле бывает даже невозможно сказать точно, что данный выбор абсолютно верный, а другой – нет. В этом плане переводчик должен исходить из экосистемы оригинального текста и делать самый адекватный выбор по своему усмотрению [Ху Гэншэнь, 2008].

3. ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ В РАМКАХ ТЕОРИИ ЭКО-ТРАНСЛЯТОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «МОЯ “ОНА”»

На наш взгляд, произведения А. П. Чехова являются прекрасным языковым материалом для преподавания русского как иностранного (далее РКИ), поскольку Чехов, как известный русский писатель, прекрасно владеющий языком, в своих произведениях использовал колоссальное количество фразеологизмов, метафор и идиоматических выражений, которые могут представлять собой большую лингвистическую ценность для иностранных студентов, изучающих русский язык. Более того, в отличие от типичных текстов, содержащихся в учебниках, в произведениях Чехова используется стандартный литературный и живой русский язык, и среди его наследия есть произведения, которые не слишком трудны для студентов-иностранцев. По нашему глубокому убеждению, обучение русскому языку не должно ограничиваться использованием в учебном процессе шаблонных текстов, начинающихся, к примеру, с фразы: «Сегодня я ходил в магазин, чтобы купить продукты». Рассмотрение особенностей повествования, живых диалогов в произведениях Чехова способствует формированию нормальной, сбалансированной картины русского языка у обучающихся. Что касается непосредственно обучения переводу, наш опыт работы показал, что стилевое разнообразие чеховских произведений помогает студентам разобраться в их особенностях, а это нередко сказывается на качестве перевода.

В качестве примера возьмём рассказ А. П. Чехова «Моя “она”» [Чехов, 1976]. Обратим внимание на сам текст рассказа. В самом начале текста А. П. Чехов пишет: «Она родилась раньше меня» [Чехов, 1976, с. 11]. Студентам это выражение понять было трудно, потому что, как выяснилось, это фразеологизм, и в китайском языке похожего фразеологизма нет. Когда речь идёт о лени, китайцы часто сравнивают ленивых людей с ленивым волком или ослом. У них есть такая пословица: «Ленивый волк много испражняется перед вспахиванием», но при переводе вышеупомянутой фразы её использование нам показалось неуместным. Поэтому мы решили перевести эту часть таким образом: «她比我年龄大», что по-русски дословно означает: она старше меня. Далее если мы дословно переведём следующую фразу: «...я не помню ни одного дня в моей жизни...» [Чехов, 1976, с. 11], то по-китайски это будет так: «在我的一生中没有一天不记得.....». Такое выражение не соответствует узусу китайского языка из-за его многословности, а значит, растянутости. Поэтому мы пропускаем некоторые слова и сокращаем его до следующего варианта: «在有生之年里.....» (Досл.: В моей жизни...). Полное предложение имеет такой перевод: «在我的有生之年里, 没有一天不是和她在一起过的, 她的控制无时无刻不在» (Досл.: В моей жизни нет ни одного дня, когда бы я жил без неё, её контроль был везде и всюду и в любой момент).

Переводя далее: «...связь, стало быть, крепкая, прочная...» [Чехов, 1976, с. 11], в начале предложения мы добавляем слово «поэтому», чтобы читатель мог проследить логику повествования. Соответственно, получается такой китайский вариант: «因此这种关系紧密而坚实» (Досл.: Поэтому эта связь крепкая и прочная). Потом при переходе к части: «...она, не отступая от меня день и ночь...», в соответствии с текстом, мы выбираем китайское слово «厮守» (оно имеет совокупное значение, передаваемое русскими словосочетаниями: «заботиться друг о друге» и «оставаться вместе»), которое ясно выражает трогательную связь между автором и «ею», описывая отношения влюблённых друг к другу.

Подходим к выражению «по её милости», которое можно понять как в прямом, то есть, в положительном значении, так и в переносном, которое тогда указывает на то, что это её вина. Как видно, здесь может иметь место двойной смысл. Следовательно, мы выбираем

следующий китайский вариант: «拜她所賜» (досл.: по жалованию её Величества). Следует отметить, что китайский вариант также имеет двойной смысл: позитивный смысл проявляется при выражении благодарности, негативный смысл выражается тогда, когда иронично описывается некий фактор (может быть как человеческий, так и иной), из-за которого какое-то событие не увенчалось успехом.

4. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Н. А. ТЭФФИ «ВЗАМЕН ПОЛИТИКИ»

Понять рассказ Н. А. Тэффи «Взамен политики» [Тэффи, 1990] китайским студентам нетрудно, однако трудно адекватно перевести его с русского языка на китайский, несмотря на маленький объём. Трудность заключается не только в переводе фразеологизмов, идиоматических выражений, крылатых слов, но и в осуществлении перевода «игры в слова», которая является важной частью этого рассказа. Далее рассмотрим ряд выражений, подпадающих под разряд фразеологизмов, и проанализируем особенности их перевода.

В самом начале анализируемого рассказа мы встречаем выражение «...точно его только что *вытащили* из воды» [Тэффи, 1990, с. 38], которое употреблено автором для описания внешности капитана, чьи усы были обвисшими и мокрыми, а глаза – круглыми и удивлёнными. В китайском языке тоже есть похожее выражение: «像刚从水里捞出来似的», и дословно оно означает: «как будто (кого-то или что-что) только что *выловили* из воды». Очевидно, что здесь русский и китайский варианты полностью совпадают.

Далее по тексту следует: «Посмотрев с немым изумлением на жену, на дочь, на жильца, нанимавшего у них комнату с обедом и керосином, заткнул салфетку за воротник...» [Тэффи, 1990, с. 38]. Здесь под «немым изумлением» понимается то, что человек настолько удивлён, что ни единого слова сказать не может. Легко найти близкий по смыслу вариант в китайском языке: «惊得说不出话来». Дословно он переводится так: «быть удивлённым до немоты». Но можно подобрать и другой, лучший вариант, являющийся китайским фразеологизмом: «目瞪口呆» (дословно: вытаращить глаза и онеметь).

После этого обращаем внимание на фразу: из дома «палкой не выгонишь, а домой калачом не заманишь». Запятая делит предложение на две части. В первой части нет интересных особенностей с точки зрения китайского языка, а что касается второй части, то можно найти такой китайский вариант: «九头牛都拉不回来», который на русский язык дословно переводится следующим образом: «девять быков не затянут назад». Обычно этот фразеологизм используется для описания человека, который упорствует в своём, чаще ошибочном, мнении.

Затем читаем: «Теперь нужно делом заниматься, а не языком трепать» [Тэффи, 1990, с. 38]. Вторую часть фразы «...а не языком трепать» можно было бы перевести при помощи китайского фразеологизма: «耍嘴皮子». В переводе на русский он означает – «язык хорошо подвешен». Его смысл – человек только говорит, но ничего не делает. Но нам удалось подобрать ещё более подходящий и интересный вариант: «满嘴跑火车», что дословно с китайского на русский переводится фразеологизмом «во рту поезда ездят», который имеет два значения: 1) «нести вздор»; 2) «болтать языком попусту».

В начале следующего абзаца нам встречается предложение: «А вы что же изволите избретать?» [Тэффи, 1990, с. 38]. В этой фразе чувствуется авторский сарказм. Каким образом передать его на китайский язык? Здесь стоит отметить очень интересный момент. Обычно мы разговариваем с родственниками и близкими людьми на «ты», но, когда мы хотим, чтобы прозвучала нотка сарказма, мы переходим на «Вы».

Принимая это во внимание, мы переведем это предложение таким образом: «房客揶揄: 那您是想发明点什么呢?» – «Жилец глумился: “А что ж Вы хотите изобрести?”». Кстати, здесь при переводе на китайский язык мы добавляем реплику, подобную тому, как «Жилец сказал», которой нет в оригинале.

Далее обращаем внимание на такое предложение: «Где тебя носит!» [Тэффи, 1990, с. 38]. Это мама обращается к сыну, поскольку он опоздал на обед. Мы нашли подобный вариант в китайском языке: «你去哪鬼混了?», что дословно означает: «Где ты (зря) болтался?» Здесь стоит отметить, что и в русском, и в китайском вариантах присутствует чувство упрёка, так что оба варианта полностью совпадают.

Затем следует ещё одно весьма интересное предложение: «Что ж, я один за всех отдувайся!» [Тэффи, 1990, с. 38]. Чтобы добиться точного перевода этого предложения, учитывая возраст говорящего, сына, мы употребим относительно новый фразеологизм: «背锅». Его буквальный перевод – «взвалить на спину сковороду». А на самом деле, его смысл заключается в том, что всегда нужно нести ответственность за какие-либо ошибки. Вариант: «我替所有人背锅», дословно по-русски означающий: «Мне тянуть на спине сковороду одному за всех», мы считаем хорошим эквивалентом оригинала в рассказе.

Далее по тексту наше внимание привлекает предложение: «Гимназист встал, обдёрнул курточку и, втянув голову в плечи, пошёл к двери» [Тэффи, 1990, с. 38]. Остановимся на выражении «втянув голову в плечи». Оно употреблено для описания душевного состояния мальчика, его обиды. В китайском языке есть прекрасный фразеологизм «耸肩缩颈», и дословно он значит: «пожать плечами, да втянуть голову (часто от холода или страха)».

В конце текста есть ещё один интересный момент, на котором следует заострить внимание: «...он ответил в подходящем тоне и теперь мучился, придумывая, чем бы угостить барышню завтра» [Тэффи, 1990, с. 42]. Во фразе «...чем бы угостить барышню завтра» слово «угостить» можно понимать как «сделать, устроить что-нибудь (приятное или неприятное) кому-нибудь». Более того, исходя из контекста, при переводе ещё стоит добавить слово «обратно». Как нельзя кстати, подходит китайский вариант «回敬», что значит: «сделать ответный подарок». Подарок в данном случае понимается и в прямом, и в переносном смысле.

Наряду с фразеологизмами, в рассказе Н. А. Тэффи большое значение имеет «игра слов», точнее, игра в слова. Как известно, орфограммы слов русского языка состоят из букв, а буква, как составляющая часть орфограммы слова, обычно не имеет никакого значения. Значение обнаруживается при определенном сочетании букв. Ещё другой интересный момент: хотя слово выступает как грамматическое единство, его значение сохраняется только при единственной форме, и бывает нетрудно найти другое слово в этом единстве. Например, в слове «безопасность» прячутся слова «пас», «снос», «нос». А в китайском языке такая ситуация встречается редко. Большинство слов китайского языка состоит из двух иероглифов, и часто отдельный иероглиф не имеет значения. Именно на основании такой особенности русского языка Н. А. Тэффи смогла играть со своими читателями в эту словесную игру.

Приведем некоторые примеры. Самый первый вопрос – «отчего гимн-азия, а не гимн-африка?». Мы заметили, что здесь в словесной игре принимают участие «-азия» и «-африка», которые обозначают континенты Земли. Для совпадения оригинала и перевода, нам нужно найти в китайском языке такое слово, в котором есть похожая конструкция. Предлагаем к рассмотрению такое китайское слово: «亚军». Его значение – второе место в соревновании. А параллельно иероглиф «亚» означает и континент – Азию. Можем заменить

его иероглифом «欧», который означает Европу. В результате, китайский вариант получился таким: «为什么是“亚军”, 而不是“欧军”?» (дословно: «отчего азия-войска (серебряный призёр), а не европа-войска?»).

Следующий вопрос: «отчего руб-ашка, а не девяносто девять копеек-ашка?». В этом предложении «играют» «руб (рубль)» и «девяносто девять копеек». Так как «рубль» и «копейка» являются денежными единицами России, нам бы было лучше найти такое слово, которое также обозначает денежную единицу Китая. Итак, представим наш вариант: «元宝». Слово «元宝» является слитком серебра или золота, использовавшимся в качестве денег древнего Китая (в русском языке оно переводится как ямб, ямба или юаньбао). В нём иероглиф «元 (юань)» как раз и служит денежной единицей Китая. Соответственно, другой единицей являются «角 (цзяо)» или «毛 (мао)», причём 10 角/毛 равны 1 元. Поэтому мы представим наш вариант как «九毛宝» (девять мао). Всё предложение переводим так: «为什么是元宝, 不是九毛宝?» (дословно по-русски это звучит так: «почему юань-бао, а не девять мао-бао»). Далее в рассказе следует ещё более интересный вопрос: «отчего чер-нила, а не чер-какой-нибудь реки?». Желательно найти китайское слово, в котором прячется название какой-либо реки. Мы выбрали слово «松花蛋» (консервированное яйцо, или сунхуадань), а в нём «松花» означает реку Сунхуацзян в Китае, приток реки Амур. Следовательно, китайский вариант получается следующим: «为什么是松花蛋, 而不是亚马逊 (река Амазонка) 蛋?», что дословно значит «отчего сунхуа-яйцо, а не амазонка-яйцо?».

5. ДИСКУССИЯ

После рассмотрения двух рассказов в качестве примеров адаптации в процессе перевода переходим к вопросу применимости теории экотранслятологии в обучении китайских студентов данному виду деятельности.

Несмотря на то, что рассказ Чехова «Моя “она”» совсем небольшой по размеру, студентам, как показывает наш опыт преподавания, бывает сложно уловить эмоциональную составляющую. В конце текста Чехов вскрыл факт, что то, что он называет «моя “она”» – это его лень. Следовательно, можно сказать, что он рассказывает эту историю, жалуясь на самого себя. Более того, поскольку это произведение адресовано широкому кругу читателей, а не профессионалам и специалистам, следует, в основном, использовать разговорную лексику. Предложенные нами варианты переводов на китайский язык, по нашему мнению, хорошо соответствуют этим особенностям и выполняют задачи передачи смысла оригинала на язык перевода. Ещё одна черта этого рассказа заключается в использовании Чеховым сарказма. Это особенно ощутимо в конце текста, где написано: «По её милости я хожу раздет, живу в дешёвом номере, питаюсь ерундой, пишу бледными чернилами» [Чехов, 1976, с. 11].

Согласно теории экотранслятологии, основные понятия которой мы рассмотрели выше, переводчики должны осуществлять перевод с учётом особенностей экосистемы оригинала, в частности, языковых, коммуникационных, культурных, присутствующих в тексте оригинала. Проанализируем несколько образцов перевода предложения: «По её милости...», представленных нашими студентами. Есть следующие версии: «由于她的恋恋不舍» (ввиду того, что ей не хочется расставаться), «由于她的宠爱» (ввиду её баловства), «多亏了她的关心» (благодаря её заботе), «多蒙她的关照» (благодаря тому, что удостоился её участия). В первых двух вариантах используются слова «恋恋不舍» и «宠爱» для обозначения смысла слова «милость» в оригинале. Заметим, что эти два китайских варианта несут только позитивную коннотацию и употребляются для описания состояния влюблённых людей. Поэтому

они не могут передать сарказма героя, страдающего от «милости» лени. Исходя из этого, мы считаем, что последние два варианта оказались лучше, поскольку в этих формулировках уже ощущаются и сарказм, и жалоба. Однако наблюдается неточность смысла в начале предложения: дело в том, что к словам «多亏» и «多蒙» в русском языке в качестве эквивалента можно подобрать слово «благодаря». С лингвистической точки зрения, как китайские «多亏», «多蒙», так и «благодаря» в русском языке употребляются в случае указания причины, вызывающей положительный или желательный результат. Это явно не соответствует реальной ситуации в оригинале, ведь «я хожу раздет, живу в дешёвом номере, питаюсь ерундой, пишу бледными чернилами» отнюдь не является желательными результатами для автора. В данном нами выше китайском варианте, т.е. «拜她所赐» (по жалованию её Величества), иронический оттенок представляется очевидным, притом для читателей отсутствует возможность неправильно уловить эмоциональный оттенок смысла. Поэтому, на наш взгляд, данный вариант стоит оценить как наиболее соответствующий принципу *многоплановой адаптации и адаптированного отбора* теории экотранслятологии.

Переходим к рассмотрению второго текста. Если в рассказе Чехова основная трудность заключается в понятии эмоциональной составляющей рассказа и выборе в соответствии с этим самых подходящих слов, то в произведении Тэффи сложность перевода на китайский язык, скорее всего, заключается в адаптации игры в слова. Если бы мы применили дословный перевод, т.е. использовали прямые эквиваленты, то стало бы просто невозможно перевести эту часть текста на китайский язык. Следовательно, здесь необходимо задействовать вольный перевод. Тем не менее, подчеркнём, что мы имеем в виду не вольный перевод, связанный со смыслом этой игры, а вольный перевод, связанный с её логикой. Другими словами, можно использовать другие китайские слова, которые по значению могут не иметь никакой связи с оригинальными русскими словами, но с их помощью можно довести логику этой игры до её понимания всеми китайскими читателями, т.е. осуществить коммуникативную функцию перевода. Мы убедились на практике, что, прочитав текст и поняв логику игры, у китайских студентов не возникает сложностей найти ещё некоторые примеры в русском языке. Приведём некоторые из них: «Отчего со-стоять, а не со-лежать?», «Почему мы-сль, а не они-сль?», «А почему во-да, а не во-нет?». Но, к сожалению, почти никто из них не смог найти аналогичные примеры в китайском языке, не говоря уже о переводе той части текста на китайский язык.

Как мы отметили, первый шаг для перевода этой части на китайский язык заключается в поиске таких слов, в которых есть «подслова», как указано в оригинальном тексте: в слове «гимназия» есть «подслово» *азия*, в слове «котлета» есть «подслова» *кот* и *лета*. Находить в китайском языке аналоги подобным образцам действительно трудно, но возможно. Мы, со своей стороны, полагаем, что главными предпосылками к формированию у китайских студентов убеждения «непереводимости» каких-то моментов является отсутствие способности быстрого реагирования на данное правило. А причинами этого являются недостаточное знание грамматики своего родного языка и отсутствие чувства языка в целом.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение выскажем некоторые соображения по поводу обучения китайских студентов тонкостям перевода.

Во-первых, при обучении переводу вообще, необходимо обращать внимание на тщательное изучение студентами научных трудов по теории перевода. Для осуществления

процессов адаптации при переводе требуются хорошее владение и свободное использование теоретических навыков перевода, а также тонкое языковое чутьё, которое, по нашему мнению, подлежит развитию. В нашем случае языковое чутьё необходимо для того, чтобы определить оттенки эмоций в соответствии с контекстом оригинала. Чувство языка очень пригодились при переводе предложений: «А вы что же изволите изобретать?» и «...а домой калачом не заманишь».

Во-вторых, качество адаптированного перевода зависит от уровня владения родным языком переводчика. В идеале желательно суметь найти, к примеру, фразеологизмы в китайском языке для перевода русских фразеологизмов. Тем не менее, надо признать, что изучение фразеологизмов является когнитивным процессом, даже носители языка их понимают совершенно по-разному.

В-третьих, переводить литературные произведения гораздо сложнее, чем переводить, к примеру, юридические, политические тексты. В нашем случае для перевода рассказа «Взамен политики» Н.А. Тэффи требуется хорошее знание разговорной лексики русского языка. Этого не хватает большинству китайских обучающихся. Соответственно, при переводе также необходимо использовать разговорную лексику китайского языка, чтобы в процессе перевода не потерялась эмоциональная окраска произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова Е.Е. Актуальные проблемы методики обучения письменному переводу будущих филологов-русистов // Евразийский форум. 2014. № 1. С. 75-84.
2. Боришанская М.М., Курбакова М.А. Способы обучения некоторым необходимым навыкам перевода // Педагогическое образование в России. 2017. № 4. С. 75-80.
3. Каширина Н.А. Критическое и творческое мышление как основа обучения письменному переводу // Известия ЮФУ. 2006. № 2. С. 45-48.
4. Косицкая Ф.Л. Обучение письменному переводу с опорой на речевой жанр // Вестник ТГПУ. 2013. № 9. С. 131-136.
5. Мальцева И.Г. Обучение художественному переводу: методика установления адекватности // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 188-191.
6. Рахимбекова Л.Ш., Ло Мэн. К вопросу о свободном владении родным языком как обязательным качеством перевода // Вестник МГЛУ. 2016. № 22. С. 155-163.
7. Рахуба Л.Ф. Дидактические и методические аспекты подготовки конкурентоспособных переводчиков в процессе обучения письменному переводу // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 1. С. 198-206.
8. Синь На. «Мастерская перевода» для обучения переводчиков в рамках магистратуры по письменному и устному переводу в Хэйлунцзянском университете // Педагогическое образование в России. 2017. № 2. С. 27-31.
9. Тэффи Н.А. Взамен политики // Юмористические рассказы. М.: Художественная литература, 1990. С. 38-42.
10. Чехов А. П. Моя «она» // Сочинения в 18 томах // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1976. Т. 4. С. 11.
11. Чжан Цзюань. Использование художественного текста при обучении русскому языку китайских студентов // Вестник науки и образования. 2017. № 5 (29). С. 75-78.

12. Gutknecht, C. & Rolle, L.J. (1996). *Translating by Factors*. Binghamton: State University of New York.
13. Hu, Gengshen. (2003). *Translation as Adaption and Selection*. Perspectives: Studies in Translatology, 11 (4), 283-291.
14. 胡庚申, “适应选择论”的翻译原则与翻译方法 徐 Гэншэнь. О принципах и методах перевода по подходу «адаптации и отбора» на примерах // Иностранные языки и их преподавание. 2006. № 3. С. 49-52.
15. 胡庚申, 适应与选择: 翻译过程新解 徐 Гэншэнь. Адаптация и отбор: новая точка для понятия процесса перевода // Вестник Сычуаньского университета иностранных языков. 2008. Т. 24. № 4. С. 90-95.

REFERENCES

1. Aksenova, E.E. (2014). Aktualnyye problemy metodiki obucheniya pismennomu perevodu budushchikh filologov-rusistov [Relevant problems in the methodology of teaching translation to future philologists specializing in the Russian language]. In E. E. Aksenova, *Evrasiyskiy forum [Eurasian Forum]*, № 1, 75-84 (in Russian).
2. Borishanskaya, M.M. & Kurbakova, M.A. (2017). Sposoby obucheniya nekotorym neobkhodimym navykam perevoda [Managing translation technique: ways of teaching]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia]*, 4, 75-80 (in Russian).
3. Kashirina, N.A. (2006). Kriticheskoye i tvorcheskoye myshleniye kak osnova obucheniya pismennomu perevodu [Critical and creative thinking as the basis for teaching translation]. *Izvestiya YuFU [Izvestiya of SFedU]*, 2, 45-48 (in Russian).
4. Kositskaya, F.L. (2013). Obucheniye pismennomu perevodu s oporoy na rechevoy zhanr [Teaching translation based on the speech genre]. *Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]*, 9, 131-136 (in Russian).
5. Maltseva, I.G. (2012). Obucheniye khudozhestvennomu perevodu: metodika ustanovleniya adekvatnosti [Teaching literary translation: a method for establishing adequacy]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia]*, 1, 188-191 (in Russian).
6. Rakhimbekova, L.Sh. & Luo Meng. (2016). K voprosu o svobodnom vladenii rodnym yazykom kak obyazatelnom kachestve perevoda [On the problem of mother tongue proficiency as a required quality of a translator]. *Vestnik MGLU [Bulletin of MGLU]*, 22, 155-163 (in Russian).
7. Rakhuba, L.F. (2021). Didakticheskiye i metodicheskiye aspekty podgotovki konkurentosposobnykh perevodchikov v protsesse obucheniya pismennomu perevodu [Didactic and methodological aspects of training competitive translators in the process of teaching written translation]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva [I. Yakovlev Chuvash Pedagogical University Bulletin]*, 1, 198-206 (in Russian).
8. Xin Na. (2017). “Masterskaya perevoda” dlya obucheniya perevodchikov v ramkakh magistratury po pismennomu i ustnomu perevodu v Kheyluntszyanskom universitete [A translation workshop in teaching translators and interpreters at Heilongjiang University]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia]*, 2, 27-31 (in Russian).
9. Teffi, N.A. (1990). Vzamen politiki [Instead of politics]. In N. A. Teffi. *Yumoristicheskiye rasskazy* (pp. 38-42), Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
10. Chekhov, A. P. (1976). Moya “ona” [My “she”]. In A. P. Chekhov. *Sochineniya v 18 tomakh [Chekhov A.P. Works in 18 volumes]*, vol. 4. (p. 11), Moscow: Nauka (in Russian).

11. Zhang Juan. (2017). Ispolzovaniye khudozhestvennogo teksta pri obuchenii russkomu yazyku kitayskikh studentov [On the use of literary texts when teaching Russian to Chinese students]. *Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education]*, 5, 75-78 (in Russian).
12. Gutknecht, C. & Rolle, L.J. (1996). *Translating by Factors*. Binghamton: State University of New York.
13. Hu Gengshen. (2003). Translation as Adaption and Selection. *Perspectives: Studies in Translatology*, 11, 283-291.
14. Hu Gengshen. (2006). Lishi shiyingxuanzelun de fanyi yuanze yu fanyi fangfa [About the translation principles and methods of the theory of "multi-dimensional adaptations and adaptive selections" in examples]. *Waiyu yu waiyu jiaoxue [Foreign languages and their teaching]*, 3, 49-52 (in Chinese).
15. Hu Gengshen. (2008). Shiying yu xuanze fanyi guocheng xinjie [Interpreting translation process from the perspective of "adaptation and selection"]. *Sichuan waiyu xueyuan xuebao [Journal of Sichuan International Studies University]*, 4, 90-95 (in Chinese).

THE THEORY OF ECOTRANSLATOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF TRANSLATION SKILLS OF CHINESE STUDENTS

Lilia G. Petrova

Belgorod State University (Belgorod, Russia)

petrovali@mail.ru

Sun Jikhao

National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

e-mail:kitovboris0322@gmail.com

Abstract: the present study aims to analyze the theory of ecotranslatology developed by the Chinese translator-theorist Hu Gengshen. The authors pay great attention to the application of its basic principles to teaching translation in general and the development of translation skills of Chinese students in particular. The main research methods are descriptive and comparative analysis, the method of systematization of language material, contextual analysis, component analysis of the word. In the course of the study, an experiment was conducted in which more than 30 Chinese students took part. The material for the study was the authentic texts of works of Russian fiction. By analyzing the examples of the translation of the works of A. P. Chekhov and N. A. Taffy into Chinese, the authors of this article demonstrate the main difficulties encountered in the practice of translation. A number of recommendations are given that help Chinese students develop translation skills from Russian into Chinese. In their conclusions, the authors point out that when teaching translation, it is necessary to draw students' attention to the careful study of scientific works on the theory of translation, to develop students' sense of language, to expand their stock of spoken vocabulary of the Russian language so that the emotional coloring of the work is not lost in the process of translation, and also to remember that the study of phraseological units is a cognitive process.

Key words: translation methodology, ecotranslatology, adaptation process, Russian as a foreign language, literary translation.

How to cite this article: Petrova L.G., Jikhao Sun (2021). The Theory of Ecotranslatology in the Development of Translation Skills of Chinese Students. *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 55-66. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-55-66>

About the authors:

Lilia G. Petrova is Cand. Sci. (Pedagogy), professor in the Department of the Russian language and cross-cultural communication at Belgorod State University (Belgorod, Russia)

Sun Jikhao is a master student of the Faculty of World Economy and International Affairs at National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-67-79>

ВОСПРИЯТИЕ ДИСКУРСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СЛОВАЦКОМ ВУЗЕ

Андреа Громинова
andrea.grominova@uctm.sk

Йосеф Догнал
josef.dohnal@uctm.sk

Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словакия)

Аннотация: Основываясь на опыте анализа и интерпретации русских художественных произведений в словацком вузе, авторы предпринимают попытку определить сложности, возникающие в процессе обучения русской литературе, культуре и русскому языку. В статье уделяется внимание дискурсивным факторам изучения произведений художественной литературы с опорой на теоретические основы ведущих исследований дискурса. В первую очередь авторы сосредотачиваются на пяти кодах, выделенных одним из представителей структурализма и постструктурализма, французским философом, литературоведом, эстетиком и семиотиком – Р. Бартом. Расшифровка отдельных кодов литературных произведений может мотивировать студентов-русистов к самостоятельному чтению, что развивает их критическое мышление, расширяет кругозор знаний, а также способствует их профессиональному и личностному росту. На занятиях по интерпретации текстов художественной литературы в рамках обучения русскому языку как иностранному довольно часто встречаются различные трудности, в частности с расшифровкой названных кодов. Цель настоящей статьи – прокомментировать эти сложности, осветить факторы, связанные с толкованием элементов дискурса художественных произведений, а также предложить некоторые пути решения для их устранения преподавателями у словацких студентов, изучающих русский язык как иностранный. Статья может стать стимулом для последующих наблюдений в данной области, способствовать повышению эффективности обучения русской литературе XVIII – XXI вв. в словацких вузах.

Ключевые слова: дискурс, художественная литература, код, интерпретация художественного текста, проблемы в расшифровке кода, обучение русскому языку как иностранному.

Для цитирования: Андреа Громинова, Йосеф Догнал (2021). Восприятие дискурса художественных произведений в словацком вузе. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(2), С. 67-79. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-67-79>

1. ВВЕДЕНИЕ

Опираясь на основные толкования понятия дискурс – фр. «discourse», англ. «discourse», от лат. «discursus» ‘бегание взад-вперед’; ‘движение, круговорот’; ‘беседа, разговор, речь, процесс языковой деятельности’; ‘способ говорения’ [Дискурс. Три подхода к определению дискурса], можно отметить, что в литературоведении, особенно в последние десятилетия, он находит широкое освещение, причем работы по его изучению опираются прежде всего на ранние исследования формальной и структуралистской школ, углубляя его познание и вникая все глубже в закономерности наррации как таковой. Четкое разделение на сюжет (содержание) и на дискурс (выражение) [Chatman, 2008, с. 25] не всегда привлекает внимание студентов при осмыслении художественного текста на семинарах по анализу и интерпретации литературных произведений. С целью уловить суть произведения, рассмотреть текст с разных точек зрения, преподавателям и студентам в процессе интерпретации художественных текстов действительно необходимо «бегать взад-вперед», перемещаться в начало и конец текста, двигаться во времени и пространстве, циклично возвращаться к некоторым аспектам текста, чтобы расшифровать «коды», позволяющие находить значения, задуманные автором в данном произведении. Весь процесс поисков интерпретации состоит из постоянно задаваемых преподавателем вопросов и поиска ответов на эти вопросы студентами, так как данный процесс представляет собой беседу, обмен впечатлениями, аргументациями, мнениями, идеями, скрывая в себе несколько взаимосвязанных и перекликающихся уровней речи – речь текста, т.е. автора, речь преподавателя (как посредника между текстом и студентами) и речь студентов. Таким образом, весь процесс, бесспорно, можно назвать «дискурсом о дискурсе художественного произведения». Цель нашей статьи мы определили следующим образом – на основе нашего опыта показать сложности, связанные с интерпретацией текстов художественной литературы на русском языке, и тем самым отыскать возможности продемонстрировать студентам-русистам часто ускользающие от них значения, запечатленные в интерпретируемых текстах, причем учитывать, прежде всего, факторы, связанные с истолкованием характерных черт дискурса художественных произведений.

2. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Список используемой литературы был подобран очень тщательно. Мы опираемся на основные труды М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, которые представляют собой базовый фундамент для нового поколения исследователей дискурса, таких как, например, А.Б. Есина, Т.Ф. Плеханова, на чьи работы мы тоже ссылаемся. Кроме того, мы не забываем также про западноевропейский контекст, поэтому из целого ряда теоретических работ о дискурсе выбираем концепцию пяти кодов французского представителя пост/структурализма Р. Барта, на которой строится исследование М.О. Коротковой. Эта концепция стала основной теоретической базой, примененной в практической части нашей статьи. Это значит, что мы сосредоточили свое внимание только на тех исследователях дискурса, объектом изучения которых стал особый вид дискурса – дискурс художественных произведений. Можно утверждать, что выбор источников был подчинен, главным образом, вышеуказанной цели статьи.

3. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья разделена на две части – теоретическую и практическую. На основе результатов исследования дискурса художественного произведения филологами, литературоведами и специалистами, мы пытаемся определить исходные точки дискурса литературного произведения, а затем применить их в практической части статьи с целью достигнуть вышеуказанной цели. Мы рассмотрим некоторые теоретические основы понятия дискурс, покажем, что его понимание и внедрение в интерпретацию художественного текста может стать полезным для его более комплексного толкования, а также отметим проблемные факторы, с которыми мы сталкиваемся на занятиях по интерпретации литературных произведений у студентов, изучающих русский язык и литературу как свою основную специальность в словацких вузах. В процессе обучения русской литературе и в рамках попыток найти ответы на ряд вопросов, связанных с пониманием проблем дискурса, мы использовали методы верификации теоретических обобщений, наблюдения, анализа и интерпретации художественного текста, а также обобщающий метод.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

М.М. Бахтин в своей статье «Проблема текста» подчеркивает, что «за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством. Это в какой-то мере выходит за пределы лингвистики и филологии. Этот второй момент (полюс) присущ самому тексту, но раскрывается только в ситуации и в цепи текстов (в речевом общении данной области). Этот полюс связан не с элементами (повторимыми) системы языка (знаков), но с другими текстами (неповторимыми) особыми диалогическими (и диалектическими, при отвлечении от автора) отношениями» [Бахтин, 1976, с. 299].

Согласно концепции Ю.М. Лотмана, любую знаковую систему, целью которой является осуществление коммуникации между несколькими индивидами, можно рассматривать как язык [Лотман, 1992, с. 129]. Под «языком» живописи, кино, театра и искусства в целом подразумевается особым образом организованная коммуникативная система, состоящая из сложной иерархии знаков. Таким образом, любое художественное произведение является текстом, созданным на этом языке. Относительно художественной литературы Ю.М. Лотман утверждает следующее: несмотря на то, что писатель использует естественный язык, он преобразовывает его, создавая, таким образом, вторичный язык, язык искусства. Это означает, что для художественной литературы свойственно наличие собственного языка, который по отношению к естественному языку выступает в качестве вторичной системы [Лотман, 1992, с. 130].

Определяя особенности художественного текста, Ю.М. Лотман подчеркивает: «Создание художественного произведения знаменует качественно новый этап в усложнении структуры текста. Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату.

Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память» [Лотман, 1998, с. 70].

Результаты исследований М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана дополняет А.Б. Есин, отмечавший, что литературное произведение обладает целостностью и внутренней завершенностью. По мнению литературоведа, литературное произведение как целое обладает законченным идейным и эстетическим смыслом, в отличие от своих составляющих – темы, идеи, сюжета, речи и т.п., которые приобретают смысл и вообще могут существовать лишь в системе целого [Есин, 2000, с. 3–4].

На основе вышесказанного можно утверждать, что художественное (литературное) произведение – особый вид коммуникации, «беседы», «речи», т.е. дискурса. При определении понятия «художественный дискурс», мы можем опереться на толкование Т.Ф. Плехановой, активно исследовавшей эту проблематику. По ее мнению, художественный дискурс занимает важное место в дискурсивной практике человека и общества. В нем отражено все многообразие форм и видов речевого взаимодействия. В своей монографии «Текст как диалог» ученый исходит из гипотезы, что выявление и описание диалогических моделей художественного дискурса может содействовать решению задачи построения общей теории коммуникации [Плеханова, 2002, с. 2]. В теории Т.Ф. Плехановой наблюдается отсылка к диалогической концепции гуманитарного познания, созданной М.М. Бахтиным, который говорит о создании как о «со-знании», т.е. совместном, или разделенном знании, подчеркивая его диалогическую природу. М.М. Бахтин считает общение любым соединением двух разных систем, встречей людей, взаимодействием, диалогом, контактом, взаимоотношением. В этом процессе, по его мнению, важно все: непосредственный контекст, социально-культурный фон (принадлежность говорящих к определенному полу, возрасту, этносу и т.д.), их идеологические установки, дистанция между ними – весь набор различий, который задает отношение «Я – Другой» [Ibidem, с. 5]. Он уточняет: «...язык – это диалог, в котором не две, как принято считать, а три составляющих: Я, Другой, Отношение». При этом, отношение играет ведущую роль: оно преобразует первые два компонента диалога в интересубъективность, не просто указывая на их связь, а образуя новое единство, которое в рамках данного контекста составляет пространство смысла диалогического бытия. Бахтин определяет диалог как «со-бытие» [Ibidem, с. 5–6].

Очевидно, взгляды и идеи М.М. Бахтина оказали огромное влияние на последующие поколения филологов, литературоведов, «дискурсологов», а также на представителей постструктурализма. Одним из представителей структурализма и постструктурализма был французский философ, литературовед, эстетик, семиотик Р. Барт. На обложке его главного труда «S/Z» написано: «Знаменитое эссе Ролана Барта “S/Z” – первый манифест интертекстуальности и первый практический опыт постструктуралистской деконструкции литературного произведения. Изнутри “взрывая” новеллу Бальзака “Сарразин”, Р. Барт выпускает на свободу и заставляет заговорить ее Текст – бездонную культурную “память”, спрессованную в произведении. “Любой текст – это интертекст” – “новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат”. Текст таится в недрах произведения, сохраняя все, что “уже было читано, видно, совершено, пережито”; это стереофоническое пространство, где звучат и переплетаются бесчисленные “голоса” – идеологические коды, социолекты, дискурсы, жанровые и стилевые топосы» [Барт, 2009].

Р. Барт вводит понятие «код». Стоит подчеркнуть, что «бартовский код не имеет сколько-нибудь существенного отношения к лингво-семиотическому употреблению этого термина («код»/«сообщение» и т.п.). Его «код» – это «пространство цитации», диапазон, в кото-

ром располагаются всевозможные культурные «голоса», сплетающиеся в Текст. «Код – это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает – вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито; код и есть след этого уже; отсылая к написанному ранее, иначе говоря, к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в каталог этой Книги» [Барт, 2009, с. 19].

М. О. Короткова в своем исследовании суммирует пять кодов, определяемых Р. Бартом, а именно:

1) **Герменевтический** код формирует загадку, интригу, удерживающую внимание читателя до конца текста, разгадку которой читателю предстоит найти. Данный код представляет собой некую схему, обрамляющую сюжет и направляющую действие.

2) **Проайретический** код состоит из последовательности действий и разворачивает в сознании читателя нить событий, перекликающихся с его собственным опытом.

3) **Коннотативный** или **семный** код находит выражение в концептах, позволяющих раскрывать персонажей, явления, представленные в тексте.

4) **Символьный**¹ код является воплощением многозначной символической структуры, представленной в частности в виде двойных оппозиций, противопоставлений. Данный код вызывает в сознании читателя различные ассоциации, соотносящиеся с идеей повествования.

5) **Культурный**, или **референциальный**, код коррелирует с различными типами универсальных знаний (по истории, философии, психологии, литературе и т. п.), накопленной человечеством мудрости из разных областей бытия [Короткова, 2018, с. 37–38].

Вышеприведенные бартовские коды далее делятся на две группы: а) проайретический и герменевтический коды описывают строение и разворачивание сюжета и имеют непосредственное отношение к произведению как к завершенной конструкции; б) коннотативный (семный), референциальный (культурный) и символический коды, напротив, призваны разомкнуть эту конструкцию и ввести нас в область Текста. Так, референциальный код отсылает нас ко всей совокупности «эндоксального знания», из которого вырастает произведение и которое состоит из множества стереотипов, как раз и усваиваемых обыденным сознанием: «все культурные коды, будучи составлены из множества цитаций, в совокупности образуют небольшой, диковинно скроенный свод энциклопедических знаний, некую нелепицу: эта нелепица как раз и образует расхожую *реальность*, к которой приспосабливается и в которой живет индивид... Все эти коды – благодаря кульбиту, проделываемому буржуазной идеологией, обращающей культуру в природу, – претендуют на то, чтобы служить основанием самой реальности, *Жизни*. Тем самым *Жизнь* в классическом тексте превращается в тошнотворное месиво из расхожих мнений, в удушливый покров, сотканный из прописных истин» [Барт, 2009, с. 19–20].

Р. Барт дополняет, что «...каждый код воплощает одну из сил, способных завладеть текстом (в тексте все они пересекаются), олицетворяет один из Голосов, сплетающихся в текст. Возникает ощущение, что наряду с непосредственными сообщениями до нас доносятся еще и какие-то голоса *издалека*; это и есть коды: их происхождение “затеряно” в непроницаемой перспективе *уже-написанного* и потому, переплетаясь между собой, они лишают про-

¹ М.О. Короткова использует имя прилагательное «символьный», но авторы перевода книги Р. Барта используют имя прилагательное «символический».

исхождения само высказывание: вот это-то скопление голосов (кодов) и становится письмом, стереографическим пространством, где пересекаются пять кодов, пять голосов – Голос Эмпирии (проайретизмы), Голос Личности (семы), Голос Знания (культурные коды), Голос Истины (герменевтизмы) и Голос Символа» [Барт, 2009, с. 46].

Направляя свое внимание на изучение персонажа литературного произведения, М.О.Короткова выделяет на основе вышеуказанных кодовых моделей Р. Барта три кода, посредством которых автор передает информацию о личности персонажа художественного произведения:

- 1) эмоциональный код, с помощью которого в тексте воплощаются базовые эмоциональные параметры произведения и персонажей;
- 2) индивидуально-статусный код, объединяющий базовые характеристики персонажей;
- 3) событийно-поведенческий код, «представляющий событийность романа как способ передачи фактуальной информации о персонажах» [Короткова, 2018, с. 39].

К этой классификации она добавляет, что «информация, заложенная в данных кодах, формирует в сознании читателя цельный образ персонажа, основанный на его всесторонней характеристике. Передаваемые в закодированном виде сведения о базовых характеристиках индивида, событиях, повлиявших на формирование его индивидуальности, а также отображение эмоциональной и оценочной сторон произведения составляют комплекс параметров, позволяющих охарактеризовать любого героя любого произведения, что позволяет рассматривать выделенные нами коды в качестве универсальных способов репрезентации личности персонажа» [Короткова, 2018, с. 39].

Это значит, что мы имеем дело с двумя типологиями кодов. Посредством пяти кодов, предложенных Р. Бартом, можно анализировать и интерпретировать художественное произведение с разных точек зрения. С помощью трех кодов М. О. Коротковой можно дать характеристику героев анализируемого литературного текста, опираясь на монологи и диалоги, взаимоотношения, отличить героя от повествователя произведения.

Важно также отметить, что на сегодняшний день существует много классификаций кодов, используемых писателями. При анализе художественного произведения реципиент, т.е. читатель, включает свой собственный опыт и старается расшифровать определенный «код» отправителя – автора. Особое внимание читатель уделяет восприятию и пониманию языковых средств, средств выражения автора, в том числе фигур и тропов. Чтобы уловить суть произведения со всеми деталями и действительно правильно интерпретировать литературный текст, читатель должен обладать комплексом знаний по истории, культуре, литературе, литературоведению, социологии, философии и основным лингвистическим дисциплинам (фонетике и фонологии, морфологии, лексикологии, фразеологии, синтаксису, стилистике). В связи с этим можно упомянуть слова М.М. Бахтина о том, что диалог между автором и исследователем – в нашем случае в качестве такого «исследователя» выступают студенты – текста является встречей двух субъектов, двух авторов [Бахтин, 1986, с. 285]. Вести с текстом именно такой диалог – задача занятий по интерпретации произведений русской художественной литературы XIX–XXI вв., когда студенты при помощи посредника – преподавателя – учатся распознавать отдельные факторы дискурса и применять разные коды в процессе интерпретации, т. е. сознательного диалога с анализируемым художественным произведением.

Первое, с чем мы сталкиваемся в наших условиях, – это проблема хорошего знания русского языка, т.е. проблема владения кодом русского как естественного языка. В последние

два десятилетия на обучение русскому языку поступают студенты, которые никогда ранее не сталкивались с русским языком, поэтому его изучение они начинают практически с нуля. Знакомиться с произведениями художественной литературы на русском языке, не владея им в совершенстве, представляет собой большую сложность, так что на младших курсах нужно прибегать к переводам на словацкий язык. Общеизвестно, что перевод произведений художественной литературы не всегда передает все нюансы подлинника, причем наиболее сложными в этом отношении становятся стихотворные произведения, однако с этим мы вынуждены мириться. На старших курсах, т.е. в магистратуре, мы уже пользуемся текстами на русском языке. И даже так, однако, студентам не всегда удастся постичь всю семантическую «нагрузку» слов или словосочетаний, так что приходится разъяснять, давать дополнительную информацию, чтобы референция текста стала доступной [см. Ермачкова, 2020; Grigorjanová, Spišiaková, 2020]. В этом аспекте очень сложно работать не только с памятниками русской литературы XVIII века, но и с произведениями более поздней или современной литературы, содержащими или устаревший словарный запас, или, наоборот, диалектизмы и слова современного сленга или арго. Нередко нам нужно помогать студентам – объяснять семантическую нагрузку имен персонажей. Все ясно там, где имена содержат те же корни (напр., Молчалин). Иначе обстоит дело в случае другого персонажа грибоедовского «Горя от ума» – Скалозуба. Здесь целесообразней привести фразу «скалить зубы» (на словацком «*scetiť zuby*») и дать ей толкование, чтобы обеспечить учащимся лучшее понимание эффекта характеристики персонажа посредством его имени, задуманного А.С. Грибоедовым.

С проблемой знания тонкостей языка тесно связаны вопросы культурного кода (см. выше культурный или референциальный код). Хотя и словаки, и русские – славяне, культурные различия, имеющие свои истоки в истории, религии, обычаях, верованиях, образе жизни, отношении к государственной власти и к иерархии в обществе и т.д., становятся причиной того, что, во-первых, преподавателю нужно учитывать информацию, которую студенты получили в рамках обучения другим предметам (истории, теории межкультурной коммуникации ...) и, во-вторых, объяснять так, чтобы понятными стали все те значения и отношения, с которыми студенты встречаются в интерпретируемых произведениях. Прежде всего это важно в случае явлений, не всегда имеющих место в рамках обучения; в таких ситуациях можно либо провести аналогию (напр., *поминки/поминальный день* приравнивается к празднику *Všetkých svätých*, так как они по своей сути поминовения усопших очень близки друг другу), либо же более точно объяснить, в чем собственно разница; примером может послужить разница между григорианским и юлианским календарем. Нередко этот процесс занимает довольно много времени, так как приходится указывать не только на данное явление, которое тематизируется в конкретном литературном произведении, но и на его понимание, на отношение к нему разных слоев русского общества, на обстоятельства общественного и философского порядка, на различия в православной и католической церкви, на особенности литературной жизни в России, на связи России с Европой и европейской культурой. Если для русского студента это означает то, что разумеется само собой, нашим студентам как носителям другой культуры нужно толковать, необходимо объяснять и причины, и следствия таких факторов, чтобы вообще создать культурные контекстуальные рамки, в которых интерпретация будет продвигаться непосредственно к тексту и его значению.

Очень часто мы сталкиваемся в понимании литературного процесса и его контекста с тем, что студентам трудно представить себе нормы общественной жизни в их историческом развитии, так как они склонны исходить из того, что им известно из современной жизни. В этом отношении мы должны освещать, например, вопросы морали, представления о супру-

жестве, о социальной иерархии, об условиях и следствиях крепостного права, о расхождении между славянофильскими и западническими представлениями, о гражданской войне 1918 – 1922 годов и т.д. Важен и литературно-исторический аспект, так как иногда без него трудно понять, насколько творчество авторов того же, или других поколений взаимосвязано, даже тогда, когда что-то оспаривается, идет полемика или переоценка то внелитературных, то литературных факторов. Так, например, такие понятия, как «нигилизм», «антинигилистический роман», «почвенничество» и т.п., требуют достаточно много времени для того, что приобщить студентов к их значению, определить их место в идеологических спорах второй половины XIX века.

Так как речь идет в основном о дискурсе, то важным препятствием, в наших условиях, становятся в последнее время посредственные знания литературной теории. Если в средней школе и в программах обучения в вузе рассматриваются вопросы теории литературы, то очень бегло. Речь идет, прежде всего, об определении нескольких основных понятий, таких как роман, сказка, метафора, сравнение. Времени, к сожалению, не хватает для того, чтобы уделять внимание развитию способности студентов активно идентифицировать их признаки и функции, занимаясь конкретными текстами. Знания студентов сводятся в таком случае к чисто умозрительному аспекту, получается разрыв между теоретическим знанием и его применением на практике. Нам, в роли преподавателя, потом приходится и больше комментировать, и больше времени уделять идентификации отдельных приемов в анализируемых текстах.

Вторым серьезным препятствием, которое все острее чувствуется у молодого поколения и которое препятствует растолкованию прежде всего коннотативного или семного кода, является упор на визуальное восприятие, которое для студентов становится основной отправной точкой их внимания. Привычка к визуальному восприятию влечет за собой некоторые последствия, которые влияют и на понимание студентами текстов литературных произведений. Назовем основные последствия:

- студенты меньше читают; мы часто сталкиваемся с вопросом, снят ли по данному литературному произведению фильм, которому студенты отдали бы свое предпочтение, так как он больше соответствует их привычному восприятию информации, т.е. они склонны отучиваться от развития способности пользоваться литературным текстом;
- студенты не замечают деталей, на которые указывает текст литературного произведения – от их внимания ускользают детали облика, одежды, невербальной коммуникации и т.д.; в фильме все данные факторы уже визуализированы, их не нужно ментально «воспроизводить и разгадывать»; если данная деталь должна играть роль, нести какое-нибудь специальное значение, то на ней делается акцент с помощью свойственных языку фильма средств, что литературный текст не всегда делает настолько явно;
- внимание студентов сосредоточивается на действии, движении, на быстрой смене сцен; когда они сталкиваются в литературном произведении с описательными и/или лирическими пассажами или когда дело касается углубленного изображения внутренних переживаний литературного персонажа, им это кажется растянутым, медленным, ненужным, требующим слишком многих усилий для сохранения сосредоточенного внимания, так что иногда преподаватель получает следующие отзывы, например: «это невозможно было читать», «там ничего не происходило»; бывают и случаи, когда студенты искренне признаются, что не дочитали произведение до конца, пропускали такие «скучные» части текста; это значит, что тесная связь с дискурсивными средствами литературного произведения «перекрыта» занимательным действием, «экшн (action)» берет верх;

– труднее студентам становится воспринимать сигналы, связанные с паравербальной составляющей литературного текста; то, что в фильме передается напрямую, им при чтении литературного текста надо «воспроизводить», т.е. от них требуется достаточно усилий, чтобы идентифицировать сигналы определенной интонации, силы, ударения, акцента, скорости речи и т.п., с чем они не всегда справляются; все эти аспекты, однако, играют значительную роль в правильном толковании данной реплики в диалогах/полилогах и в линии персонажей, а также текста, представленного в линии рассказчика.

Неполная или даже неправильная идентификация отчасти герменевтического, отчасти коннотативного кодов, которая вытекает из упоминаемых выше различий между восприятием «речи» литературного произведения и фильма, сказываются на иногда неточно распознанном общем направлении (по Я. Мукаржовскому: семантическом жесте) конкретного литературного текста, что, с другой стороны, осложняет как раз восприятие взаимосвязанного с ним коннотативного кода текста.

Преодолевать навыки преимущественно визуального восприятия тогда, когда речь идет о тексте литературного произведения, требует постоянной постепенной работы, «переключения» с преимущественно «консумирующего» модуса восприятия на более активный модус «соучастия», «оформления», т.е. переход к тому, что феноменологи называют действием текста, когда воспринимающий субъект «творит» текст заново, исходя из импульсов, сокрытых, содержащихся в нем. В таком подходе к тексту художественной литературы решающую роль играют элементы, входящие в дискурс. Учить такому подходу к восприятию текста литературного произведения – задача длительной совместной работы преподавателя и студентов. Польза от этого, однако, относительно велика, так как перед студентами раскрывается текст в совсем другом виде, причем они таким способом учатся и тому, как можно «понимать», «толковать» тексты, с которыми они будут сталкиваться уже сами.

Довольно частым явлением, с которым преподаватели встречаются на занятиях по литературе и интерпретации литературного текста, можно считать отсутствие способности студентов различать автора и нарратора данного текста. Тенденция считать писателя тождественным нарратору трудно искоренима, несмотря на объяснение различий между ними. «Смешивание “имплицированного автора“, структурного принципа, с определенной исторической личностью, которой мы можем, но не должны с моральной, политической или человеческой точки зрения восхищаться, резко нарушило бы наши теоретические устремления» (перевод наш – А.Г., Й.Д.) [Chatman, 2008, с. 155-156]. Тенденция путать писателя и нарратора приводит к тому, что студентам становится недоступной «точка зрения», т.е. определенная модальность оформления текста, которая направляет читателя на возможное толкование художественного текста. Чем сложнее обстановка с точкой зрения или точками зрения, так как в одном произведении они порой перекликаются, тем сложнее для студентов ориентироваться в тексте, улавливать его направление на, например, иронию или персифляж. Отсутствие такого навыка резко снижает способность студентов проникать в суть текста, приближаться к ней, так что преподавателю требуется часто напоминать о таком различии и постоянно обращать на него внимание. Нам приходится точно указывать на подсказки, представляющие собой «ключ» к пониманию интенции текста, обращать внимание студентов на «мелочи», которые они не замечают при беглом прочтении текста. Нам надо задавать вопросы, направлять внимание, приводить более близкие опыту студентов примеры, чтобы подвести учащихся к точному пониманию значения/функции данных значимых деталей текста.

В связи с этим, мы хотели бы указать еще на одно явление, которое можно наблюдать прежде всего в последнее время – ожидание определенной «однаправленности», «ясно-

сти» литературного текста. Студенты как будто требуют освещения точной причины явлений, представленных текстом литературного произведения. Они ищут ответы на вопрос: *Почему именно так?*, когда дело касается не представленных в литературном тексте явлений (спрашивают, напр., о предыстории персонажей, о причинах сложившейся ситуации, представленной в начале литературного произведения в качестве готовой), забывая о том, что литературное произведение надо воспринимать в качестве заверщенного целого и с точки предшествующих разворачиванию его действий, и с точки последующих после их завершения моментов. В этом их желании проявляется какое-то непонимание символического кода произведений художественной литературы, тяготение к их «ореальниванию». Это, по нашему мнению, следствие того, что студенты принимают литературный текст не как модель, конструкт, что-то воображаемое, по сути симулякр, а подходят к нему как к изображению или отображению чего-то реального. Это следствие того, что в их жизнь все интенсивнее вторгается виртуальная реальность, которая в их восприятии теряет признаки условности, модельности, а становится составной частью «реального мира», основанного на известных началах, подчиняющихся какой-нибудь логике, имеющих свои причины и свои последствия. Связано это, кажется, именно с тем, что Р. Барт называет проайретическим кодом: собственный жизненный опыт студенты переносят на текст литературного произведения, выдвигают по отношению к нему такие же требования, как и к реальной жизни. Это факт представляет вызов для преподавателя, которому приходится подчеркивать специфические черты художественного мышления, обращая внимание именно на факторы дискурса, а не сюжета произведений художественной литературы.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция пяти кодов открывает новые возможности повышения эффективности процесса обучения русскому языку через русскую литературу. Благодаря хорошему ознакомлению с этой концепцией преподаватель может сделать занятия по русской литературе более интересными, динамичными и широко спектральными. Таким образом, студенты смогут освоить знания не только по русской литературе, а также по истории, культуре, философии и т.д. Наряду с этим они смогут тренировать свои коммуникативные навыки и способности, уловить связи между многими областями человеческой жизни и понять менталитет русского народа. Конечно, это можно применить к литературе любой национальности, не только русской.

Результатом повышенного внимания, уделяемого именно дискурсивным факторам произведений художественной литературы, является способность идентифицировать специфические черты конкретных текстов, пользоваться более широкой палитрой инструментов, позволяющих хотя бы отчасти открывать или приоткрывать все культурные коды, выдвинутые Р. Бартом в качестве приобщения индивида к Книге человеческой культуры.

На основе нашего опыта можно констатировать, что довольно часто наши занятия по интерпретации заканчиваются высказываниями студентов о том, что они стали «по-новому» воспринимать тексты художественной литературы, находить в них новую информацию, о которой раньше и не подозревали, и что это мотивирует их к чтению. Именно это – самый важный результат таких занятий, так как он направлен на самостоятельную деятельность самих студентов, на развитие и активизацию их способностей.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Грантовая поддержка

Работа выполнена при поддержке проекта KEGA № 021UCM-4/2020 s názvom *Tvorba učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. S/Z. Пер. с фр. я.: Г.К. Косикова и В.П. Мурат. 3-е изд. Москва: Академический Проект, 2009.
2. Бахтин М.М. Проблема текста // Вопросы литературы. 1976. No 10. С. 122–151.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986.
4. Дискурс. Три подхода к определению дискурса // Языкознание. Электронный ресурс <http://yazykoznanie.ru/content/view/60/249/> (дата обращения: 01.03.2021 г.).
5. Ермачкова О.Е. Англицизмы на -инг в русском и словацком языках // Филологический класс. 2020. No 1 (25). С. 51–61.
6. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. Москва: Флинта, Наука, 2000.
7. Короткова М.О. (2018). Языковые средства актуализации личности персонажа в поликодовом пространстве художественного дискурса (на материале творчества Анны Гавальды) (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. Электронный ресурс http://docspace.kubsu.ru/docspace/bitstream/handle/1/11-81/27Disser_Korotkova_final%21.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.03.2021 г.).
8. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т.1. Таллин: Прогресс, 1992.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 14–288.
10. Плеханова Т.Ф. Текст как диалог. Минск: МГЛУ, 2002.
11. Chatman S. Příběh a diskurs. Narativní struktura v literatuře a filmu. Translated by Milan Orálek. Brno: Host, 2008.
12. Grigorjanová T., Spišiaková A. Štruktúrno-sémantické frazeologické modifikácie v slovenskom a ruskom mediálnom texte // Slavica Slovaca. 2020. No 2 (55). С. 211–222.

REFERENCES

1. Bart, P. (2009). S/Z. Transl. from French: G.K. Kosikova and V.P. Murat. 3-e izd. Moscow: Akademicheskij Proekt (in Russian).
2. Bahtin, M.M. (1976). Problema teksta [The Problem of Text]. *Voprosy literatury [Questions of the Literature]*, volume 10, 122–151 (in Russian).
3. Bahtin, M.M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow: Iskustvo (in Russian).
4. Diskurs. Tri podhoda k opredeleniju diskursa. Jazykoznanie. [Discourse. Three approaches to defining discourse. Linguistics.] Retrieved from <http://yazykoznanie.ru/content/view/60/249/> (accessed: 1 March, 2021) (in Russian).

5. Ermachkova, O.E. (2020). Anglicizmy na -ing v rusском i slovackom jazykah [Anglicisms ending in -ing in the Russian and Slovak languages]. *Filologicheskij klass [Philological class]*, vol. 25, № 1, 51–61 (in Russian).
6. Esin, A.B. (2000). *Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija: Uchebnoe posobie. 3-e izd. [Principles and Techniques for the Analysis of a Literary Work: Textbook. 3rd ed.]* Moscow: Flinta, Nauka (in Russian).
7. Korotkova, M.O. (2018). *Jazykovye sredstva aktualizacii lichnosti personazha v polikodovom prostranstve khudozhestvennogo diskursa (na materiale tvorчества Anny Gaval'da) [Linguistic means of actualizing the personality of a character in the polycode space of artistic discourse (based on the work of Anna Gaval'd)]* (Dissertation for the degree of candidate of philological sciences). Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet. Retrieved from http://docspace.kub-su.ru/docspace/bitstream/handle/1/1181/27Dis-ser_Korotkova_final%21.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 1 March, 2021) (in Russian).
8. Lotman, Yu. M. (1992). *Semiotika kul'tury i ponjatie teksta [Semiotics of culture and the concept of text] // Izbrannye stat'i [Featured Articles]*. Vol.1. Tallin: Progress (in Russian).
9. Lotman, Yu. M. (1998). Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of literary text]. In Lotman Yu. M. *Ob iskusstve [About art]* (pp. 14-288), SPb.: Iskusstvo (in Russian).
10. Plehanova, T.F. (2002). *Tekst kak dialog [Text as dialogue]*. Minsk: MGLU (in Russian).
11. Chatman, S. (2008). *Příběh a diskurs. Narativní struktura v literatuře a filmu [Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film]*. Translated by Milan Orálek. Brno: Host (in Slovak).
12. Grigorjanová T., Spišiaková A. (2020). Štruktúro-sémantické frazeologické modifikácie v slovenskom a ruskom mediálnom texte [Structural-semantic phraseological modifications in Slovak and Russian media text]. *Slavica Slovaca*, 2 (55), 211–222 (in Slovak).

THE PERCEPTION OF LITERARY DISCOURSE BY SLOVAK STUDENTS

Andrea Grominová
andrea.grominova@ucm.sk

Josef Dohnal
josef.dohnal@ucm.sk

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Slovakia)

Abstract: Based on the authors' experience in analyzing and interpreting Russian works of art in a Slovak university, the paper identifies some of the difficulties that arise in the process of teaching Russian literature, culture and the Russian language. The conducted research pays attention to the discursive factors of the study of works of fiction, while relying on the theoretical foundations of the world-famous researchers of discourse. First of all, the authors focus on five codes highlighted by one of the representatives of structuralism and poststructuralism, the French philosopher, literary critic, esthetician and semiotician – R. Barthes. Deciphering individual codes of

literary works can motivate students of the Russian language and literature to read independently, which develops their critical thinking, broadens the horizons of knowledge, and also contributes to their professional and personal growth. In classes on the interpretation of texts of fiction in the framework of teaching Russian as a foreign language, various difficulties are often encountered, in particular, with the decoding of the named codes. The purpose of this paper is to comment on these difficulties, highlight the factors associated with the interpretation of the elements of literary discourse, and also offer some solutions which teachers can implement to help Slovak students studying Russian as a foreign language get rid of these difficulties. The article can become an incentive for further observations in this area, contribute to an increase in the effectiveness of teaching Russian literature of the 18th – 21st centuries in Slovak universities.

Key words: discourse, fiction, code, interpretation of a literary text, decoding, teaching Russian as a foreign language.

How to cite this article: Grominová Andrea, Dohnal Josef (2021). The Perception of Literary Discourse by Slovak Students. *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 67-79. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-67-79>

About the authors:

doc. PhDr. **Andrea Grominová** has a PhD and is currently Head of the Department of Russian Studies, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Slovakia)

prof. PhDr. **Josef Dohnal** is Cand. Sci., Professor in the Department of Russian Studies, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Slovakia)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-80-93>

ИЗУЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.В. Медуха

Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словакия)

medukhaolesia@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности анализа поэтического текста, проводимого на занятиях с иностранными студентами, изучающими русский язык. Изучение текста в наиболее концентрированном, художественно совершенном его воплощении позволяет студентам не только усваивать иностранный язык, расширять словарный запас, но и углублять понимание культуры страны изучаемого языка. Вне зависимости от уровня подготовки участников поэтического дискурса использование текстов подобного уровня при работе с иностранными студентами очень эффективно, поскольку внимание фокусируется не только на обмене информацией, но и на процессе взаимной верификации субъективного опыта-впечатления. Обсуждение художественного высказывания мотивирует студентов к более активному нелинейному взаимодействию с изучаемым языком. Это также способствует развитию критического внимания к любым текстам, возникающим в институциональном, академическом дискурсе, будь то художественный текст, научный или такой, статус которого не обозначен до встречи с ним. В рамках проблематики поэтического, поэтологического и институциональных дискурсов подробно анализируется коммуникативная ситуация, которая возникает во время дистанционного обучения. На занятиях, посвященных изучению поэзии русских авторов, мы применяем технологию Google Street View, позволяющую осмотреть интерактивные панорамы точек, к которым имеются отсылки в тексте. Предлагаются методические замечания, которые будут способствовать эффективной работе со студентами, владеющими целевым языком на уровне В2 и выше. В статье также представлен пример анализа поэтического отрывка и выводы о взаимодействии студентов с художественным высказыванием.

Ключевые слова: поэтический дискурс, поэтический анализ, изучение иностранной поэзии, визуальное в поэзии.

Для цитирования: Медуха О.В. (2021). Изучение поэтических текстов с иностранными студентами в современном поэтическом дискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(2), С. 80-93. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-80-93>

1. ВВЕДЕНИЕ

Дискурсивное пространство представляет собой пространство высказываний. Художественное высказывание занимает в нем особый статус: смысловое поле и форма художественного высказывания проблематизируются. Так, поле смыслов проблематизируется как конвенциональная система высказываний: диалог находится на качественно ином уровне продуцирования и взаимодействия. Проблематизация языка в художественном выражении коррелирует с инерцией материала (язык), культуры, стратегий участников: от материальной сферы выражения (например, фонетика, мелодика стиха, визуальная подача текста) до мировоззренческой (поле дискурса), философской сфер и теоретических положений (наличие авторского субъекта и предпосылки интерпретации). В ситуации взаимодействия с художественным высказыванием реципиент осознает необходимость поиска баланса для контроля над уровнем погрешности интерпретаций. Как отмечает Е. Евграшкина, «поэтический дискурс как индивидуальный тип дискурса концентрируется на особых художественных формах познания мира путем конструирования возможных ментальных миров и развития способов видения и интерпретации объективного мира» [Евграшкина, 2019, с. 157]. Такой подход позволяет нам предполагать, что индивидуальность, авторская субъектность и, следовательно, наш с ним дистантный диалог смогут найти выражение, общее для нескольких реципиентов смысла художественного высказывания: каждый возможный ментальный мир может быть постигнут как минимум через ощущение и воображение. Это предположительно реализуется в производстве новых высказываний в пределах институционального дискурса о поэтических текстах. Цель при наложении институционального дискурса на взаимодействие с художественным высказыванием — установить единое смысловое поле с адресантом, со студентом для продуктивного обмена информацией, опытом о фактологическом познании и о работе в точках затемненного смысла.

Для данного исследования интерес представляет встреча студентов с оригиналом поэтического текста, то есть знакомство с произведением сразу на целевом языке. Действительно, изучение художественных текстов позволяет студентам углубить понимание целевого языка и культуры. С другой стороны, верен и тезис о том, что невозможно вполне насладиться примерами канона литературы целевого языка, не будучи носителем языка. В этом случае студенты могут рассчитывать на помощь информированного реципиента — преподавателя. Как отмечает Е. Эткинд: «Изучая иностранный язык, особое внимание следует уделять анализу поэтических произведений, так как поэзия — это квинтэссенция национального языка. К тому же ритмические особенности стиха способствуют запоминанию наизусть поэтических текстов: всё это в большой степени помогает учащемуся органически усваивать иностранный язык в наиболее концентрированном, художественно совершенном его воплощении» [Эткинд, 1961, с. 8]. В практической перспективе работа с иностранным языком на более предметном уровне, конечно, способствует расширению словарного запаса и опыта в плане функционирования поэтической иноязычной речи. Мы также принимаем во внимание, что художественный текст как высказывание не может реализоваться ни в смысловом поле, ни в образно-психологическом на идеальном высшем уровне, что порой справедливо и для неподготовленного носителя языка. Дополнительные ограничения возможны и по другим причинам. Герменевтическая поэзия, например, характеризуется высоким уровнем дистантности. Безусловно, проникновение в мир такой поэзии затруднено, требует подготовки и запуска

разнообразных процессов. Насколько может быть эффективно использование текстов подобного уровня при работе с иностранными студентами? Вне зависимости от уровня подготовки участников поэтического дискурса, мы обращаем внимание не только на обмен информацией, процесс взаимной верификации субъективного опыта-впечатления. Как преподавателя и исследователя, нас интересует то, как опыт добывается, инновационно вводится участниками при взаимодействии с герменевтическим планом художественного высказывания, а потом — синтезируется, приводится к достаточному общему знаменателю.

П. Рикёр [Ricoeur, 1978] обращает внимание на то, что семантическая прежняя «неуместность» в рамках метафоры требует восприятия как данная новая «уместность», что даёт нам возможность отделить простой воспроизводящий образ от такого «озарения», «прозрения», которое даёт реципиенту увидеть новую согласованность, реализовать творческий потенциал воображения в лучшем сочетании с семантикой творческого выражения. При этом некоторые метафоры могут выполнять свою роль как такие, что предлагают угол зрения, абстрактные структурные узлы, а благодаря ощущениям, то есть вниманию к досемантической психологии, реципиент способен синхронизироваться и настроиться на аспекты реальности, которые не могут быть выражены в пределах обращения к объектам в обыденной речи [Ricoeur, 1978, с. 158]. Присутствие как основа восприятия возможно как наше функционирование в расщепленной, рассеянной поэтической референции в планах языковом и имажинативном, где ощущения приобретают конституирующую, более гибкую и творческую функцию, а не только функцию предпосылки к воссозданию прежнего опыта.

Несмотря на то, что смысловая неопределенность «в большой степени связана с разработкой индивидуальных художественных концептов в конкретных авторских дискурсах» [Евграфкина, 2019, с. 159], это не обязательно так в ситуации взаимодействия с результатом разработки авторского дискурса. Нам не обязательно утверждать или подтверждать, что каждая смысловая часть текста сохраняет референтную функцию даже в сознании автора, так как материальная первичность текста приводит нас и к первичности «первого прочтения». Реконструкция коммуникативной составляющей сообщения может быть затруднена автором сознательно. Мы можем утверждать подобную умышленность, если она дополнительно обозначена и предполагает эффективный результат понимания. Так, мы не можем исключить из взаимодействия со студентами вопросы о критериях адекватной интерпретации, её базе. Наша цель — показать, каким именно образом осуществляется встреча с поэтическим текстом в наших условиях сегодня, а также подготовить студентов к взаимодействиям разнообразного характера в будущем.

В соответствии с описанием метафоры, расширенным П. Рикёром, мы уточняем возможности нашего взаимодействия с поэтическим текстом. В поле коммуникации мы можем помочь студентам не только узнать и вспомнить общепринятые значения и коннотации слов, понять ситуацию в целом (то есть провести первичную, обыденную коммуникацию). Мы надеемся помочь студентам использовать «поэтическое видение», которое, по мере изучения языка и практики творческого подхода, обусловит доступ реципиента к нелинейным уровням значения. Такими, например, являются интертекстуальные связи, фонетика стиха, стратегия присутствия субъекта, степень обращенности поэтической речи. Конечно, внутренне поэзия, как будет показано и в практической части, неизбежно обнаруживает потенциал к диалогичности, который реализуется в форме оппозиций и служит развитию линейности высказывания и диалогичной структуры. Несмотря на это, присутствие и виденье реципиента (которое поддерживается и грамматически, в номинативности предикаций)

позволяют нам говорить об общем, указывать на «общие места» опыта с наибольшим потенциалом. Это дает студентам возможность сформировать понимание, а потом работать с тем, что уникально для целевого языка: семиотикой и стилем.

Для преподавателя актуализируется ещё один вопрос: что донести до студентов как пример «удачного наблюдения» автора на материале языка, культуры, а что требует от студентов высокого уровня гибкости воображения вне зависимости от уровня владения языком оригинала? Какая метафора станет иллюстративным материалом для знакомства с культурой целевого языка? В какой форме студенты будут искать репрезентацию иностранной культуры? На уроках работы с поэзией часто рассматриваются сравнения, аллегории, другие тропы, которые очевидны благодаря их форме. Символы, мифы, образы и мотивы чаще ускользают от внимания студента. Более того, нам интересно, что студенты могут самостоятельно выделить как «удачное сравнение» и что избегает взгляда самих носителей языка.

Безусловно, мы смещаем фокус с вопросов перевода, интерпретации на возможности совпадения, общий опыт и феномен участия в поэтическом высказывании. В то же время мы дополняем внимание к универсальным категориям о тексте потенциально важными коннотациями, раскрываем доступную нам семантику. Такая диалектическая динамика направляет деятельность студентов к практике трансцендентального мышления, к развитию кросс-парадигмального понимания систем. Мы также не исключаем дополнительные уровни значений, смысл которых существует в поле культурного знания, экстралингвистических факторов. Главная задача: медленный и внимательный разбор художественного текста, внимательный к отношениям текст-реципиент, к феноменам во внимании субъекта, отношениям мир-субъект (диалогу внешнего мира и возможного поэтического), внимательный и к автору как к позиции создателя текста, как к предпосылке о том, что художественное выражение принимается как обращенная речь, диалог между субъектами.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ: ЧТЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ОТРЫВКА СО СТУДЕНТАМИ, ИЗУЧАЮЩИМИ РУССКИЙ ЯЗЫК

Коммуникативная ситуация на уроке предполагает практику изучаемого языка. Учитывая необходимость развития автономности студента, его грамотности, для развития того уровня творческого мышления, на котором студентам будет удобнее пользоваться прежде всего изучаемым языком, лучше всего использовать поэтические тексты, где наррация ослаблена или расщеплена. Такой подход позволяет видеть сквозь другой язык, нащупывать в реальности языка то, куда направляет художественный текст, и догадываться, от чего он уже ограждает нас. При этом, чтобы поддержать баланс между интерпретацией и задействованными ощущениями, мы должны помнить о предпосылках, которые могут влиять на ответы студентов, так как верно и то, что интерпретация часто структурируется институциональностью. Мы учитываем этот фактор в нашей коммуникативной ситуации.

Стенли Фиш [Fish, 1980] рассказывает об особой модальности коммуникативной ситуации при работе студенческой группы с поэтическим текстом. Более того, он указывает, что можно много раз провести один и тот же опыт с разными группами студентов, которые приходят на уроки литературы, ведь текст, предложенный как поэзия, знают ли студенты о том, что текст не замышлялся как поэзия или нет, всё равно становится материалом, на основе которого происходит интерпретация и поиск того, что студенты привыкли искать в рам-

ках институционального дискурса. А именно: что значимо в тексте (значимо всё, даже то, что пропускается, умалчивается); какие связи с другими текстами, например, с символами культуры, могут подарить словам значение. На основе более удачных словоупотреблений студент способен развернуть целую историю, план трактовки. Стенли Фиш последовательно указывает на то, как это взаимодействие обусловлено самим институциональным дискурсом, как текст проблематизируется взглядом реципиента, становится художественным высказыванием, но значение текста принадлежит скорее ряду конвенциональных явлений, ранее усвоенным из поля значений общества, институции. Осознание этого фактора требует от нас дополнительного внимания к первейшим и быстрейшим ассоциациям студентов. Отдельно взятые мотивы вечности, одиночества, образы добра или зла не являются негативными примерами ответов. Однако необходимо перепроверять такие суждения, уточнять их источник, раскрывать их значимость для каждого реципиента, не останавливаться и продолжать поиски индивидуального опыта.

Мы хотим обратить внимание студентов на то, что в нашей коммуникативной ситуации понимание процессов интерпретации, наложения дискурсов возможно и продуктивно даже при работе с текстом другого языка. Мы не упускаем взаимную верификацию полученного опыта, но также желаем показать студентам их индивидуальные возможности, указать на творческое взаимодействие и отделить ещё не опроблематизированные убеждения. В условиях дистанционного обучения мы также надеемся на терапевтическую природу поэзии, которая заключается в структурировании общего места опыта.

Мы предложили студентам «прогуляться» по предположительному прообразу маршрута, который выстроен в поэтическом тексте. Для этого мы использовали технологию Google Street View, что позволило осмотреть интерактивные панорамы точек, к которым имеются отсылки в тексте. Более того, каждый студент имел возможность проследить саму траекторию взгляда лирического субъекта и соотнести её с линейным развитием текста. Для этого всем студентам высылаются географические координаты (59.939667, 30.299785) и текст, который мы будем рассматривать, а именно отрывок из поэмы Марии Каменкович «Коридор», написанной в 1985 году [Каменкович, 2005].

В этом подходе мы используем настроенность исследователя-читателя на внимательное чтение (подобно практике *closereading*), что позволяет нам выстроить последовательность перемещения внимания и мысли автора в абстрактно-универсальном, психологическом и визуальном плане. Это близко деконструкции-деструкции. Конечно, анализ может быть дополнен и другими методами. В процессе проведения исследования мы постарались указать на дополнительную реализацию потенциалов значений, например, в интертекстуальном и структурно-грамматическом планах. Наше предположение заключается в том, что сформированный подход позволяет обратиться к той первичной позиции, которая образует базу для анализа лирического субъекта в его первичном (данном) месте-пространстве, культурном в том числе. В результате мы получаем универсалии, из которых предполагается вывести стратегии выражения субъекта, что является не анализом перформативности субъекта (или «психикой», в некоторых случаях «настроенностью»), но вниманием к его поэтическому как к высшему проявлению Другого и Бытия, которые во времени-пространстве реципиента могут поддаться попытке феноменологического удержания внимания.

3. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

К рассмотрению предлагается следующий отрывок из поэмы «Коридор» Марии Каменкович:

Филфак. Собор. Нева. Брусчатка.
Пиши ещё хоть сотню строк —
Всё не оставишь отпечатка,
Не повлияешь на итог.

Лишь Купол за Рекой — Великий —
Полудня выдержит удар...

А ты, Двенадцати Коллегий
Многооконный Коридор!

В тебе и в полночь — призма солнца
Вдоль окон по полу стоит...
Приветствуем твое посольство,
Немую речь и грозный вид:

Кто принял причащение Пира —
Те квас его в себе несут...
[Каменкович, 2005].

Обратим внимание на первую строку поэмы: «Филфак. Собор. Нева. Брусчатка». Как известно, если выходить из здания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, то впереди всегда можно увидеть Исаакиевский собор. Субъектом поэмы замечается Нева. По брусчатой дороге можно подойти к Неве. Так или иначе, взгляд субъекта проходит по четырем локациям, представляющим четыре горизонта (длинное здание филфака, Нева и брусчатка, а также очертания собора, которые выступают дальней точкой проекции). Первая строка служит расстановкой точек в пространстве, а также отсылает нас к так называемому мифу о А. Блоке (а именно к тексту А. Ахматовой «Он прав – опять фонарь, аптека...» [<https://www.culture.ru/poems/10134/on-prav-opyat-fonar-apteka>], где «он» — это Александр Блок). Такой контекст стихотворения указывает на наличие интертекстуальности. Однако есть ли в поэме указание на время, номинация-данность, как в стихотворении А. Блока (ночь) [<https://www.culture.ru/poems/2160/noch-ulica-fonar-apteka>]? Нет, разве что сама возможность «видеть» собор вдали предполагает не темное время суток. В этом уже начинается отличие и внутреннее сопротивление субъекта предшествующим текстам о городе. Тем более, что в поэме М. Каменкович в первой строке стоят точки вместо запятых из первой строки стихотворения А. Блока, то есть цитирование является прежде всего ритмическим и семантическим. В этом приеме проявляется конституирующий авторский субъект так называемого метауровня: при невозможности уйти от традиции и наследия, автор настаивает на своём решении, собственном постулировании субъекта, осознавая возможности интертекстуальности.

Продолжим анализ увиденного образа из поэмы М. Каменкович. Выбор лексемы «Филфак» оправдан, скорее всего, при использовании тем, кто причастен к филологии (в прошлых исследованиях нами уже рассматривался потенциал лирического героя как героя-филолога — это более четкая структура-оформление позиции лирического субъекта в метафизической / философской поэзии). Лирический субъект присваивает себе обозначенное первыми четырьмя словами поэмы пространство, что дает ему возможность шире растянуть темпоральные характеристики текста благодаря более долгим паузам-точкам. Иными словами, использование точек вместо запятых словно «растягивает» пространство во времени текста, благодаря образующимся паузам. Мы перемещаемся в перспективе: от точки отправления (Филфак) — к собору — далее к Неве — к брусчатой дороге, по которой можно бродить без цели. Этот путь можно проследить с помощью интерактивных панорам. Это наблюдение характерно для субъектов в пространстве города (специфика фланирования и повседневности). При этом первые две локации формируют пару, относящуюся к семантическому полю «строения», они обращают на себя взгляд в первую очередь, так как являются структурно центрирующими зданиями с особой функциональностью: «филфак» — место обучения и научного роста, прогресса; «собор» — место, свидетельствующее о духовном росте. «Нева. Брусчатка» — это структуры, которые не только соотносятся с горизонтальной проекцией пространства, но и могут выполнять функцию и границы, и пути.

В ходе анализа студентам можно добавить несколько замечаний об интертекстуальности и фактуре. У А. Ахматовой — гранит, в тексте М. Каменкович — брусчатка. Это замечание указывает на потенциал анализа с помощью структурно-семиотического метода. При этом сама Нева появляется также у Ахматовой, а у А. Блока — только «ледяная рябь канала», то есть не обязательно Нева, как возле здания филологического факультета. Мы только знаем о том, что эти места — места, где родился и жил А. Блок.

«Пиши ещё хоть сотню строк — // Всё не оставишь отпечатка, // Не повлияешь на итог». Мы выделяем эти строки как целое, завершённое предложение, имеющее предикацию. Во фразе *«Пиши ещё хоть сотню строк»* слышится мотив лирического героя-филолога: печаль работающего с текстом; печаль и о том, что слово не может никого спасти, и даже оставить отпечатка, хотя раньше оно «глаголом жгло сердца людей», во всяком случае так определялась его функция. Значит, строки какие-то не те, или что-либо ещё пошло не так для субъекта. Таким образом, с помощью глагола в повелительном наклонении, наречия и частицы рисуется картина цикличности и безысходности. Более того, даже не осуществляется процесс сложения палимпсеста: отпечатков нет, итог неизменен. Как известно, «отпечаток» и «итог» не равнозначны во времени: отпечаток может быть частным, но таким, что вызовет цепную реакцию влияния. Если даже отпечатка оставить нельзя, итог тем более остаётся недостижимым.

Далее мы выдвигаем предположение: следовательно, первая строка стихотворения с номинацией локаций могла бы продолжаться множество раз? Значит, всего лишь номинации локаций, их перечисления и взгляда наблюдающего, заложения внутренних антиномий — этого недостаточно для того, чтобы нечто изменить. «Итог» либо предопределен, либо находится на таком уровне обусловленности, что ни первая строка, ни обращение ко второму лицу и к себе («пиши») не достигают потенциала, дарующего надежду.

«Лишь Купол за Рекой — Великий — // Полудня выдержит удар...» — это и есть купол Исаакиевского собора, повторный взгляд субъекта вдаль, на собор. Взгляд после введения мысли, речи о печальном. Следовательно, субъект возвращается к созерцанию, выражение уходит на второй план (в тексте стоит многоточие как знак временной, возможна коннота-

ция тихой мысли). Мы узнаём возможное время суток: удар полудня. В полдень происходит сияние купола — это великое действо, которое можно наблюдать. Из предыдущих строк: «итог», который близится, приобретает эсхатологический характер. И среди всех структур, центрирующих и пограничных, — только Собор может выдержать момент суда, момент полудня. В полдень пропадают тени. «Итог», о котором говорилось ранее, кроме соотношения с неким течением времени, культуры и линейности, протяженности «строк», соотносится с ударом, с эсхатологией.

Написание отдельных слов с прописной буквы (*Купол, Рекой, Великий, Полудня*) отсылает читателя к сущностным идеям. Кроме того, отдельное выделение ритмом и инверсией лексемы «Великий» становится приложением с функцией напоминания и утверждения, восхваления величия. В плане восприятия «Великий» — это также и потенциальное воспоминание о действительном размере купола, который изменен перспективой, но все же выдерживает, «отражает удар». Укажем на важный экстралингвистический момент: купол Исаакиевского собора выполнен из металла, что не совсем типично для соборов (обычно использовался камень).

Здесь начинается и развитие персонификации пейзажа: «Купол выдержит», она развивается на особом уровне, как переложение речи субъекта на его же восприятие, то есть перед нами не прямое олицетворение, произведенное с участием принципов самого языка (сравним с общеизвестным отрывком из «Альп» Тютчева: «Сквозь лазурный сумрак ночи // Альпы снежные глядят...» — пример последовательной и «прямой» персонификации, основного тропа стихотворения [<https://www.culture.ru/poems/45558/alpy>]).

«А ты, Двенадцати Коллегий // Многооконый Коридор!» Это взгляд налево, перпендикулярная прежним горизонтам плоскость, упирающаяся в точку сборки перспективы (собор). Этот Коридор и упомянутые выше *Купол Великий, Река, Полдень* составляют целостность, что дополнительно подчеркивает протяженность здания: коридор проходит насквозь (согласно архитектуре здания в Санкт-Петербурге). Предыдущие строки семантически замыкаются в числе 12. Это нарастание, очевидно, подчеркивает особое расположение Коридора. Более того, опять встречаем обращение, экспрессивный оклик пространства, возникшего рядом с субъектом в поле его внимания. Пространство находится на одном с субъектом берегу, как и другие точки, кроме собора, дали, горизонта, купола.

Стоит заметить, что коридор (в ценностной меметике коррелирует так называемых *liminal spaces*) в поэме получает символическое развитие, становится метафорой жизненного пути, что является потенциалом развития диалога о вечности.

«В тебе и в полночь — призма солнца // Вдоль окон по полу стоит...». Окна здания Двенадцати коллегий выходят на северо-восток — они могут ловить солнце и не только преломлять его свет, но и становиться частью видимых призм: сочетания окон и солнечных отблесков, даже от шкафов. Это же происходит в ночное время, когда солнце сменяется светом ночных фонарей. Появляется «полночь» — и вместе с этим уже сильнее активизируется связь с «Ночь, улица, фонарь, аптека...» [<https://www.culture.ru/poems/2160/noch-ulica-fonar-apteka>], а именно — с категорией степени света и временем суток в том числе. Свет не назван бессмысленным и тусклым, но его присутствие постоянно, как постоянны и характеристики коридора: протяженность, преломление света, метафоры жизни (пройти коридор от начала до конца).

В отличие от Купола, отражающего удар полудня, Коридор несет в себе свет самостоятельно, даже в полночь. Следует обратить внимание на сопоставление здания и света, который оно может нести в себе: собор, отражающий полдень, и коридор, светящийся из-

нутри. Они свидетельствуют о процессе созерцания, осуществляемом субъектом, создавая перспективу присутствия.

«Приветствуем твое посольство, // Немую речь и грозный вид: <...>». Это «приветствие» введено как внимание к субъектным функциям Другого. Здесь впервые появляется «мы», формирующее как минимум три варианта интерпретации: мы как «студенты» филфака; мы как люди, находящиеся тут, на этом месте; мы как постоянство несовершенного вида глагола. Эти строки по своему содержанию приравниваются к выражению обращения, при этом выстраивается план созерцания, упоминается посольство (происходит одновременное указание на функцию и появление в пространстве), речь (указывает на знаки архитектуры), вид (впечатление, вторичные знаки-образы).

«Посольство» здесь не обязательно репрезентует здание государственных структур, но указывает и на группу, посланную куда-либо вообще, то есть это потенциальный возврат к первичной форме слова. Семантика «посланности» способствует развитию ощущения инородности, странности встречи со структурой коллегии, апеллирует к необходимости проявить реакцию, признать важность мирского хотя бы приветствием. В этой точке развивается и перформативность субъекта при наличии Другого, так называемая тема маски-этикета. В этом направлении намечается и дальнейший диалог (источник которого, конечно, есть субъект, нарушивший пространство присутствием): диалогичность собора вдалеке и здания Коллегии.

В этих строках имплицитно местоимение второго лица «ты», которое ранее сопровождало внутренний взгляд («пиши», «не оставишь», «не поменяешь»), но внимание перешло к Коллегии, внешнему «ты» («А **ты**, Двенадцати Коллегий // Многооконный Коридор!»).

«Кто принял причащение Пира — // Те квас его в себе несут...». В этом отрывке указывается на участие знаний субъекта, то есть его опыта о том, что есть академическая, текстуальная сфера-среда и её инерция, которая сообщается всем участникам этой среды. Пир, но не царь Пирр, — Платоновский «Пир» как древнейшее из мест обсуждения, прото-академический быт. В этом смысле следует вспомнить и симпозион — тоже время дружеского обсуждения. Нести в себе его квас — нести остатки его мыслей, легкую взбродившую дешёвую пьянь. «Причащение Пира», с учетом предыдущего указания на использование прописных букв, — это и паронимическая аттракция. В качестве интертекста интересно сближение с «Цицероном» Ф. Тютчева («Счастлив, кто посетил сей мир... // В его минуты роковые! // Его призвали всеблагие // Как собеседника на пир» [<http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/69.html>]).

В этот момент субъект, конечно же, замыкается: выйдя из здания филфака, он балансирует между созерцанием перспектив, которые могут быть осимволизованы, и высоким потенциалом речи, реализующимся в обращениях, которые изнутри располагают пространство к диалогу. Этот процесс не останавливается, но затихает, достигая некоего неуловимого вывода-итога. «Кто принял причащение Пира — // Те квас его в себе несут...» — может и стать тем итогом пути сознания субъекта, который был ранее упомянут, но он подан *ad infinitum*.

С учетом духовной традиции Марии Каменкович, традиции метафизики, Пир — также и «духовный пир», причащение. На этой ступени связь со стремительным обращением взгляда на Собор — ещё один из уровней саморефлексии, самокритики лирического субъекта, который продолжает углубляться, выходить на последующие метауровни по отношению к себе и к объектам созерцания. Это синтез собственной духовной позиции и позиции присутствия, и позиции себя как работающего со словом.

В этих строках мы обнаруживаем единственный момент, сообщающий движение: глагол «несут», уже в третьем лице. Мы догадываемся, что субъект включает себя в эту неопределенно-личную форму, более того, он движется, уже находится в динамике. До этого в стихотворении все освещалось без какой-либо явной соотнесенности с движением, тем более с движением, характеризующимся тяжестью, а значит, и инерцией. Неопределенно-личная форма распространяется и на реципиента. Словно мы вместе, реципиент и лирический субъект, несем квас, являющийся напитком легкого брожения (однокоренное со словом «брождение», то есть фланирование), приготовленный из воды и хлебных дрожжей.

Конечно, есть и понятие «Пир во время чумы», которое, будучи однажды принятым, не перестает дополнять пространство культурным кодом и отсылками к текстам о Петербурге как об одном из особых мест для карьеры. На фоне противопоставления Собора и Коридора данная аллюзия реализуется как возможное развитие ещё одного плана интертекстуальности.

Номинативность стихотворения усиливает тему вечности, вместе с тем подготавливает и внутреннее сопротивление субъекта по отношению к привычным стратегиям текстов, в том числе и петербургских. Далее, это стихотворение и наш анализ, произведенная деконструкция присутствия становятся иллюстративным материалом в дополнение теории знака в работе Ж. Деррида. Не исключено, что здесь «мы рассмотрели систематическую взаимозависимость понятий смысла, идеальности, объективности, истины, интуиции, восприятия и выражения. Их общая матрица — бытие как присутствие: абсолютная близость самоидентичности, бытие перед объектом, доступное повторению, сохранение темпорального настоящего, чьей идеальной формой является самоприсутствие трансцендентальной жизни, чья идеальная идентичность делает возможной *idealiter* бесконечного повторения. Живое настоящее, понятие, которое не могло быть расчленено на субъект и атрибут, является поэтому концептуальным основанием феноменологии метафизики» [Деррида, 1999, с. 132]. Молчание или неточность выражения опыта студентами возможны как результат взаимодействия художественного высказывания и рефлексии над производимой интерпретацией. Символизм происходящего преодолевает иконический план смысла, мотивирует студентов внимательно отнестись к любому этапу взаимодействия с текстом и производства значений. Более всего студенты обращают внимание на визуальное и творческое участие воображения.

4. ВЫВОДЫ

Таким образом, наше прочтение способствует прояснению текста через возвращение к пространственным универсалиям и универсалиям присутствия субъекта. Сама интенция возврата Марии Каменкович к пространственным структурам может быть воспринята как вариация грамматики пространства (которую, например, разрабатывает Л.Ф. Чертов [Чертов, 1999] в рамках семиотики). Однако у Марии Каменкович присутствие субъекта не позволяет разделить пространство текста, пространство города и пространство социального взаимодействия. Так, перпендикулярность и противопоставление Собора и Коллегии как налаживание антиномии «сакральное-повседневное» нельзя назвать эффективным или окончательным для объяснения причин, из-за которых нельзя повлиять «на итог». Местоположение субъекта на противоположном Собору берегу, рядом с государственным учреждением и институтом науки не приводит нас к выводу, что «на другом берегу», рядом с Собором, повлиять на итог возможно. Собор в некотором будущем выдержит удар, некий суд,

знаменуемый полуднем, ударом солнца. Коллегия держит свет в себе «и в полночь». Субъектность автора признает внеположность Собора, инородность Коллегии, наличие инерции как осознаваемого в тяжести движения (больше о стратегиях объединения пространства, метафизических мотивах в поэзии 80–90-х гг. см. работу А. Громиновой [Grominova, 2019]).

В отличие от столкновения культур, происходящее в поэзии замыкается в себе как в факте сотворенного поэтического высказывания, в факте, одновременно допускающем непрерывную возможность возвращения читателя и проживание линейности-временности текста ещё раз. Поэтому это не просто сочетание образов, точнее, стоящих за ними антиномических фактов (Петербург как встреча русской и западной культур в рамках петербургского текста или здания в центре и коммунальные кварталы многих городов). Это более сложная структура, которая при этом обозначена системным знанием и принятием наличного, поэтому она может выстраивать мир текста в соответствии с законами перспективы и интенциями-чувствами предполагаемого автора вместе с развитием его субъектности.

Степень поэтического формирует такую стратегию существования, которая отказывает влиянию петербургского текста, но проникает в эсхатологический миф, выводит эсхатологию из театра пейзажа как результат осознания субъектом себя в этом нагруженном потенциалами пространстве.

Динамика описания увиденного и риторической обращенности субъекта становится лишь внешним, первейшим проявлением процессов внутреннего диалога. Это эхо сочетает в себе своеобразную настроенность поэзии на рамки присутствия, настроенность поэта, который должен говорить даже молча (вспомним категорию «молчания» в русской литературе, многозначительное молчание герменевтической поэзии). Выражаясь, материализуясь в своем происходящем, неся потенциал той обращенности, что есть внутренний поток сознания, будучи внутренней обращенностью к Другому (ещё не диалогом, но вниманием), эхо может существовать и в качестве носимой сердечной молитвы.

При ближайшем рассмотрении структур и перспективы, диалектик выражения мы понимаем, что перед нами особый способ бытия, выводящий все вышеупомянутые связи (логические универсалии, потенциал аллюзивно-интертекстуального прочтения), символические структуры (присутствие-событие с мифом в его развертывании) в точно сформированную композицию. Это сконцентрированное удерживание становится не только внутренним мотивом стихотворения, но и стратегией позиционирования себя-субъекта в поле физического, культурного, духовного, социального пространств. При этом субъект также достаточно герменевтичен, он оказывает внутреннее сопротивление «последней» главенствующей трактовке.

Эмоции сопутствуют обращениям, но сама возможность субъекта перенять из пространства диалогический отклик, одновременно и производя, и провоцируя его, такая амплитуда настроенности также позволяет нам добавить замечание об ощущении расстояния между субъектом и неким высшим состоянием, пока не осуществившемся в данном тексте. Удивительность происходящего в тексте также в том, что в таком простом появлении субъекта на улице и в последующем развитии выражений присутствия происходит экспансия некоего состояния на внеположные сущности (здания, их функцию, перспективу). То, что должно быть субъективным (здесь — предельно личным), точно функционирует на кросс-парадигмальном уровне (социальное, культурное и т.д.) с помощью поэтического. Это радикальное включение себя в пересечение парадигм становится преимуществом поэтического, что касается и поэзии, ориентированной на социальные парадигмы, включая гендерную проблематику.

Взаимодействие студентов-иностранцев с текстом такой природы позволяет развить не только навыки понимания текста, но и гибкость владения иностранным языком и системой его связей, это попытка общения на иностранном языке «изнутри», даже из сферы досемантического опыта, ещё не выраженного реципиентом или не явленного материально в тексте и в интенции автора. В коммуникативной ситуации студенты могут встретиться с тавтологичностью, метапоэтической природой художественного высказывания, приоритетная цель которого отличается от привычной практики иностранного языка. Обсуждение проблематизированного художественного высказывания, поиск универсальных категорий ради общего процесса взаимодействия и общего поля смысла мотивирует студентов к более активному нелинейному взаимодействию с изучаемым языком. Это также способствует практике критического внимания к любым текстам, возникающим в институциональном, академическом дискурсе, будь то художественный текст, научный или такой, статус которого не обозначен до встречи с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А. А. Он прав – опять фонарь, аптека... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/10134/on-prav-opyat-fonar-apteka> (дата обращения: 20.05.2021).
2. Блок А. А. Ночь, улица, фонарь, аптека... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/2160/noch-ulica-fonar-apteka> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Алетейя, 1999.
4. Евграфкина Е. Семиотическая природа смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе: на материале немецкоязычной и русскоязычной поэзии. Berlin: Peter Lang International Academic Publishers, 2019.
5. Каменкович М. В. Петербургские стихи. Edita Gelsen, 2005.
6. Тютчев Ф. И. Альпы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45558/alpy> (дата обращения: 20.05.2021).
7. Тютчев Ф. И. Цицерон [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/69.html> (дата обращения: 20.05.2021).
8. Чертов Л. Ф. Особенности пространственного семиозиса // Альманах «Метафизические исследования», Метафизические исследования: Язык. 1999. No 11. С. 140–155.
9. Эткинд Е. Г. Семинарий по французской стилистике. Часть II: Поэзия. Ленинград, 1961.
10. Fish, S. (2007). How to Recognize a Poem When You See One. In David H. Richter (Ed.). *The Critical Tradition: Classic Texts and Contemporary Trends* (pp. 1028 – 1036), New York: Bedford/St Martin's Press.
11. Grominová, A. (2019). The Motif of World Transfiguration in Ivan Zhdanov's Poem Orans. *Quaestio Rossica*, No 7.3, 983–991.
12. Ricoeur, P. (1978). The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling. *Critical inquiry*, No 5.1, 143–159.

REFERENCES

1. Akhmatova, A. A. On prav – opyat fonar, apteka...[He was right – again the lamp, the drug-store...]. Retrieved from <https://www.culture.ru/poems/10134/on-prav-opyat-fonar-apteka> (accessed: 20 May, 2021) (in Russian).

2. Blok, A. A. Noch, ulitsa, fonar, apteka... [Night, street, lamp, drugstore...]. Retrieved from <https://www.culture.ru/poems/2160/noch-ulica-fonar-apteka> (accessed: 20 May, 2021) (in Russian).
3. Derrida, J. (1999). *Golos i fenomen [Voice and phenomenon]*. Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).
4. Evgrashkina, E. (2019). *Semioticheskaya priroda smyslovoy neopredelennosti v sovremennom poeticheskom disкурse: na material nemetskoyazychnoy i russkoyazychnoy poezii [Semiotic nature of semantic uncertainty in modern poetic discourse: on the material of German-language and Russian-language poetry]*. Peter Lang International Academic Publishers (in Russian).
5. Kamenkovich, M. (2005). *Peterburgskiye stihy [Petersburg poems]*. Edita Gelsen (in Russian).
6. Tyutchev, F. I. Alpy [the Alps]. Retrieved from <https://www.culture.ru/poems/45558/alpy> (accessed 20 May, 2021) (in Russian).
7. Tyutchev, F. I. Tsitseron [Cicero]. Retrieved from <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/69.html> (accessed 20 May, 2021) (in Russian).
8. Chertov, L. F. (1999). Osobennosti prostranstvennogo semiozisa [Features of spatial semiosis]. *Almanah «Metafizicheskie issledovaniya», Metafizicheskie issledovaniya: Yazyk [Almanac "Metaphysical Research", Metaphysical Research: Language], vol. 11, 140-155* (in Russian).
9. Etkind, E. G. (1961). *Scenariy po francuzskoy stilistike. Chast' II: Poeziya [Scenario on French Stylistics. Part II: Poetry]*. Leningrad (in Russian).
10. Fish, S. (2007). How to Recognize a Poem When You See One. In David H. Richter (Ed.). *The Critical Tradition: Classic Texts and Contemporary Trends* (pp. 1028 – 1036), New York: Bedford/St Martin's Press.
11. Grominová, A. (2019). The Motif of World Transfiguration in Ivan Zhdanov's Poem Orans. *Quaestio Rossica, No 7(3)*, 983–991.
12. Ricoeur, P. (1978). The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling. *Critical inquiry, No 5(1)*, 143–159.

EXPLORATION OF POETIC TEXTS BY FOREIGN STUDENTS WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN POETIC DISCOURSE

Olesya V. Medukha

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Slovakia)
medukhaolesia@gmail.com

Abstract: The article describes the peculiarities of the analysis of the poetic Russian text while teaching foreign students. Studying poetic texts enables students not only to learn a foreign language, expand vocabulary but also deepen the understanding of the country's culture. Regardless of the foreign students' language level, the use of literary texts in class is really efficient as it helps to concentrate on both information exchange and the process of mutual verification of subjective experience-impression. Discussion of poetry encourages students' active non-linear interaction with the target language as well as contributes to their critical interaction with a variety of texts, including literary and scientific ones. The communicative situation that arises during distance learning is analyzed within the framework of poetic, poet-related and institutional discourses. When teaching poetry, the author applies Google Street View technology to provide

an interactive panoramic view of the points the poets refer to in their works. The article offers methodological notes aimed to contribute to effective work with students whose proficiency in the target language is at B2 level and higher. The article also presents an example of the analysis of a poetic passage and conclusions concerning the students' interaction with it.

Key words: poetic discourse, analysis of poetry, foreign poetry learning, poetry imagery.

How to cite this article: Medukha O.V. (2021). Exploration of Poetic Texts by Foreign Students Within the Framework of Modern Poetic Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 80-93. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-80-93>

About the author:

Olesya V. Medukha is a Master of Arts, PhD student in the Department of Russian Studies, Faculty of Arts at the University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-94-100>

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ (обзор Международной научно-практической конференции INTERLINGUA-2021 (г. Липецк, 18-19 мая 2021 г.)

М.С. Матыцина

Липецкий государственный технический университет (Липецк, Россия)

lipmarina@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена итогам Международной научно-практической конференции INTERLINGUA-2021, состоявшейся 18-19 мая 2021 г. в Липецком государственном техническом университете. В рамках конференции в числе основных обсуждались вопросы профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов в условиях информационно-цифрового пространства. Участники конференции акцентировали свое внимание на важной роли профессиональной коммуникации как составляющей коммуникативной компетентности. Было отмечено, что профессиональная коммуникация занимает в системе образования вуза особое место, поскольку специалист, который не обладает навыками ведения конструктивного диалога, не умеет наладить контакт с собеседником, изложить его точку зрения, не растет профессионально, не принимается обществом, а потому становится неконкурентоспособным. Доклады участников конференции отличались несомненной глубиной теоретического анализа и высокой практической актуальностью рассматриваемых проблем. По итогам конференции были проведены круглые столы, на которых обсуждались наиболее значимые аспекты профессиональной коммуникации, ее отражение в языковом сознании. Участники и гости конференции, отмечая ее полезность, признали необходимым сделать проведение подобных конференций ежегодным.

Для цитирования: Матыцина М.С. (2021). Профессиональная коммуникация: современные проблемы (обзор Международной научно-практической конференции INTERLINGUA-2021 (г. Липецк, 18-19 мая 2021 г.). *Дискурс профессиональной коммуникации*. 3(2), С. 94-100. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-94-100>

В Липецком государственном техническом университете (ЛГТУ) 18-19 мая состоялась Международная научно-практическая конференция INTERLINGUA-2021, приуроченная к 65-летию ЛГТУ и Году науки и технологий. Онлайн-трансляция конференции велась из зала Ученого совета ЛГТУ. Организатором конференции выступил факультет гуманитарно-социальных наук и права.

Конференция была посвящена широкому кругу вопросов профессиональной коммуникации в профессиональной среде в целом и в условиях высшего учебного заведения в частности. В работе конференции приняли участие известные ученые отечественного и зарубежного научного сообщества, что, бесспорно, свидетельствует о необходимости и важности дискуссии, диалога и обмена мнениями по заявленной тематике конференции. На одной площадке встретились молодые исследователи и ученые с мировыми именами из России, Словакии, Чехии, Болгарии, Хорватии.

Работа конференции проходила по следующим тематическим направлениям:

- 1) Конструирование смыслов: международные отношения сквозь призму истории;
- 2) Социальные измерения дискурса: медиа, общество, практики;
- 3) Многоплановость дискурса художественных произведений;
- 4) Проблемы реализации коммуникативных задач в юридическом дискурсе;
- 5) Психологические аспекты интеракции, соотносимые с полем психологического дискурса;
- 6) Вопросы лингводидактики, особенности обучения переводу;
- 7) Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и трансформация дискурсивных практик;
- 8) Прикладные социальные коммуникации: дискурсивные аспекты рекламы, PR и маркетинга;
- 9) Дискурс как важнейший элемент социальных действий и интеракций.

С приветственными словами к участникам и гостям конференции обратились П.В. Сараев, доктор технических наук, доцент, ректор; А.К. Погодаев, доктор технических наук, профессор, первый проректор; О.М. Маслова, председатель оргкомитета конференции, кан-

дидат социологических наук, доцент, декан факультета гуманитарно-социальных наук и права. П.В. Сараев поприветствовал всех участников конференции, отметил большое научное и практическое значение проводимого форума, важность межкультурной коммуникации и межкультурного взаимодействия в различных сферах науки и образования. А.К. Погодаев пожелал всем результативной работы, а также отметил, что благодаря очно-дистанционному формату конференции, она вовлекает в актуальные научные проблемы гораздо большее количество ученых. О.М. Маслова в своем обращении выразила благодарность участникам из всех дружественных вузов, а также отметила огромную работу преподавателей факультета гуманитарно-социальных наук и права ЛГТУ, которые были задействованы в организации и проведении INTERLINGUA-2021.

Модератором пленарного заседания выступила М.С. Матыцина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарно-социальных наук и права Липецкого государственного технического университета.

На пленарном заседании выступил Н.В. Барышников (Россия), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, отличник народного просвещения, действительный член Международной Академии наук педагогического образования, Кавалер Ордена академических пальм, заведующий кафедрой теории и методики обучения межкультурной коммуникации Пятигорского государственного университета, с докладом на тему «Проблемы методики обучения иностранным языкам в компетентностной парадигме». Спикер поделился опытом формирования многоязычной коммуникативной межкультурной компетенции у обучающихся в Пятигорском государственном университете. Перспективами развития современной африканской франкофонии поделился в своем выступлении доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета Жером Багана (Россия).

Доктор политических наук, профессор, профессор философского факультета Великотырновского университета Свв. Кирилла и Мефодия (Болгария) господин Тодор Галунов выступил с докладом «Опыт европейской интеграции и интеграции Евразии». Профессор из болгарского университета сообщил, что в Болгарии будущее партий как еврооптимистов, так и евроскептиков зависит от многих факторов, а традиционные связи России и Болгарии могут способствовать решению ряда проблем и противоречий, возникающих в ходе реализации общеевропейских интеграционных проектов. О фразеологических трансформациях и

их дискурсивном анализе на основе лингвистического корпуса рассказала кандидат филологических наук, доцент кафедры романских и славянских языков Экономического университета в городе Братислава (Словакия) госпожа Татьяна Григорянова. Спикер отметила, что «намеренное изменение фразеологических единиц является творческим вмешательством в их формальную и семантическую составляющую и часто сопровождается языковой игрой с буквальным и переносным смыслом». По мнению Т. Григоряновой, фразеологическая вариативность служит противовесом фразеологической тенденции к устойчивости, а сама фразеология относится к наиболее динамично развивающимся языковым уровням. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русистики Университета Свв. Кирилла и Мефодия в г. Трнава (Словакия) госпожа Андреа Громинова выступила с докладом «Восприятие дискурса художественных произведений в словацком вузе». Спикер поделилась опытом анализа и интерпретации художественных произведений на русском языке в словацком вузе, выделила основные сложности, с которыми сталкиваются преподаватели в процессе обучения русской литературе, культуре и русскому языку. Выступление доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Университета города Пулы им. Юрая Добрилы (Хорватия), председателя Хорватской ассоциации учителей русского языка и литературы, руководителя Центра русского языка и культуры «Институт Пушкина» госпожи Ирены Микулацо было посвящено сравнению терминов в хорватском и русском языках во время пандемии. И. Микулацо полагает, что появление неологизмов во время пандемии коронавирусной инфекции 2020 года можно расценивать положительно, так как оно способствует развитию языка, поскольку язык является отражением процессов, происходящих в обществе. Однако специалист предостерегает от смешения сиюминутных новшеств и серьёзных изменений в языковой системе, которые осуществляются очень медленно. Доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета О.Н. Прохорова (Россия) выступила с докладом на тему «Картина мира и способы выражения количества в языках разных структурных типов». Спикер подробно изложила результаты своего исследования категории количества на примере топонимов английского, французского и русского языков. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета И.В. Чекулай (Россия) посвятил свое выступление метафорам, отметив, что метафоры плотно вплетены в повседневную речь, но могут ли они кардинально менять наши представления о мире? Российский ученый-филолог, языковед, переводчик, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова, председатель Правления Союза переводчиков России В.В. Сдобников (Россия) выступил с докладом «Задачи преподавателей перевода в новых условиях». «В связи с формированием у студентов клипового мышления преподаватели перевода сталкиваются как с прежними, так и с новыми задачами, к числу которых относятся: обучение студентов определять коммуникативное задание переводимого текста, обучение студентов анализировать логическую структуру оригинала, обучение студентов определять значимость отдельных сегментов текста в зависимости от его смысловой структуры, выработка у студентов навыка сомневаться в правильности собственной интерпретации текста, выработка у студентов умения создавать логически связанный текст. Решению поставленных задач может способствовать единая система действий,

направленных на корректировку клипового мышления будущих переводчиков в сторону его профессионализации, то есть на формирование профессионального переводческого мышления», – отметил В.В. Сдобников. О проблемах иммиграционной политики в Словакии рассказал доктор политических наук и германистики, профессор, декан факультета прикладных языков Экономического университета в Братиславе (Словакия) господин Радослав Штефанчик.

Во время работы конференции в «Точке кипения – ЛГТУ» была организована работа пяти секций:

Секция 1. Современное языковое образование с позиций межкультурной лингводидактики, обучение переводу – проблемы и решения.

Секция 2. Язык и дискурс современных масс-медиа.

Секция 3. Многоплановость дискурса художественных произведений.

Секция 4. Дискурс как важнейший элемент социальных действий и интеракций.

Секция 5. Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и трансформация дискурсивных практик.

Выступления участников конференции, состоявшиеся в рамках заседаний секций, охватывали широкий спектр проблем межкультурной коммуникации. Доклад О.М. Масловой и Н.В. Григорьевой был посвящен дискурсу городского пространства в формировании территориальной идентичности. Вопросы формирования профессиональных компетенций будущих переводчиков были затронуты в выступлениях Н.В. Барышева, М.С. Матыциной, Д.А. Малининой, О.Н. Хаустова. Эстетизация политической сатиры в текстах Р. Уотерса была проанализирована в докладе А.Г. Иванова. Проблемам формирования дискурсивного мышления у студентов-переводчиков на практических занятиях по английскому языку был посвящен доклад Т.Ю. Тормышовой. Живой интерес участников конференции вызвал доклад Н.Ю. Томилиной на тему особенностей таргетированной рекламы в социальных сетях. А.А. Кузнецов рассказал собравшимся о правовых основах цифровой трансформации. Т.В. Большунова в своем выступлении затронула вопрос конструирования социальной реальности в туризме. С докладом на английском языке по проблеме дискурса психологического насилия в современном обществе выступила И.А. Чиликина. О психологических аспектах допроса подозреваемого и обвиняемого говорили П.С. Макурин и Е.Е. Заврина. Н.Н. Пачина посвятила свое выступление проблеме обнаружения заимствований при проверке документов. Доклад С.М. Качаловой обозначил проблему поиска фирменного стиля как элемента визуальной идентичности бренда. О возможностях социальной рекламы в воспитании общественно значимых качеств личности рассказала Е.В. Бурлакова. Выступление Ю.Н. Савельева затронуло вопрос фразеологии в дискурсе публицистических текстов. И.П. Бунькова и А.Л. Разомазова познакомили участников конференции с особенностями психологического дискурса в процессе интеракции.

Во второй день конференции состоялись три круглых стола, где участники конференции обсудили вопросы обнаружения заимствований в образовательном и научном пространствах, поговорили на тему аксиологии современного управленческого дискурса, обсудили проблемы медиаобразования и медиапросвещения в современном информационном пространстве. Так, модератор круглого стола «Антиплагиат: за и против» Н.Н. Пачина заметила, что «в образовательном процессе высшей школы проверка документов на плагиат является нормативным требованием на уровне отдельно взятой организации. Технология обнаружения заимствований содержит в себе алгоритм, начиная с теоретико-методологического обоснования, нормативного обеспечения и заканчивая практикоориентированными действиями проверки

документов на плагиат. Каждое образовательное учреждение само разрабатывает нормативную базу проверки документов на плагиат, пользуясь при этом определенной системой обнаружения заимствований». Модератор круглого стола на тему «Аксиология современного управленческого дискурса» И.А. Чиликина предложила собравшимся обменяться мнениями об определении сущности современного управленческого дискурса, его характеристик и специфических черт. Модератор круглого стола на тему «Проблемы медиаобразования и медиапросвещения в современном информационном пространстве» Н.Ю. Томилина затронула вопрос медиаграмотности и ее роли в формировании культуры общения человека с медиаресурсами. Участники конференции также приняли участие в мастер-классе по возможностям применения современных информационно-коммуникационных средств в процессе обучения. Спикеры М.А. Дрога и Ю.О. Мамонова на мастер-классе говорили о наиболее типичных ошибках, допускаемых иностранными студентами на начальном этапе изучения русского языка, привели примеры из письменных работ обучающихся. Большое внимание спикеры уделили возможным путям преодоления ошибок на письме, в том числе с использованием интерактивных средств обучения.

Оргкомитет Международной научно-практической конференции INTERLINGUA-2021 выражает искреннюю благодарность всем участникам за активную, плодотворную работу, желает профессиональных успехов и приглашает к дальнейшему сотрудничеству.

THE ISSUES OF PROFESSIONAL COMMUNICATION (Report on the International Scientific and Practical Conference INTERLINGUA-2021)

Marina S. Matytsina

Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russia)

lipmarina@gmail.com

Abstract: The paper deals with the results of the International Scientific and Practical Conference INTERLINGUA-2021, held on May 18-19, 2021 at Lipetsk State Technical University. Within the framework of the conference, the issues of the professional training of highly qualified specialists in the information-digital space were discussed. The conference participants focused their attention on the important role of professional communication as a component of communicative competence. It was noted that professional communication plays a pivotal role in the educational system of the university, since a specialist who does not have the skills to conduct a constructive dialogue, does not know how to establish contact with the interlocutor, to study his/her point of view, does not grow professionally, is not accepted by the society, and therefore becomes uncompetitive. The reports of the conference participants were distinguished by the undoubted depth of theoretical analysis and high practical relevance of the problems under consideration. As a result of the conference, round tables were held, at which the most significant aspects of professional communication, its reflection in the linguistic consciousness were discussed. The participants and guests of the conference, noting its usefulness, recognized the need to make it an annual event.

How to cite this article: Matytsina M.S. (2021). The Issues of Professional Communication (Report on the International Scientific and Practical Conference INTERLINGUA-2021). *Professional Discourse & Communication*, 3(2), pp. 94-100. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-94-100>

About the author:

Marina S. Matytsina is Dr. Sci. (Philology), Professor in the Department of Foreign Languages at Lipetsk State Technical University, Russia